



ДУХОВНЫЙ ПУТЬ

Евгений Поселянин

СВЯТЫЕ
ВОЖДИ
ЗЕМЛИ РУССКОЙ



Евгений Поселянин Святые вожди земли русской //ОЛМА Медиа Групп,
Москва, 2013
ISBN: 978-5-373-05125-5
FB2: "Chernov2" <chernov@orel.ru>, 12.11.2014, version 1.0
UUID: 567d75cd-6a7e-11e4-a35a-002590591ed2
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Евгений Николаевич Поселянин

Святые вожди земли русской (Духовный путь)

Книга, написанная из глубины души православного человека, рассказывает о вождях, правивших Русью.

Евгений Поселянин, видный публицист и духовный писатель рубежа XIX–XX веков, бережно собрал сказания о том, как, служа Руси, жалея и храня ее, русские князья достигали венца святости, — о тех из них, в которых особенно сильно было одушевление веры.

Святые Равноапостольные княгиня Ольга и князь Владимир, мученики князя Борис и Глеб, представители семейства Ярослава Мудрого, правители уделов во времена нашествия Батыя — все те «добрые страдальцы», прославившие себя воинскими и духовными подвигами. Их молчаливые упорные труды, правда их сердца, их невидные при жизни жертвы достойны благодарности и вечной памяти.

Завершают книгу размышления Евгения Поселянина о внешних проявлениях веры и важности почитания святых — фрагмент труда беллетриста под названием «Идеалы христианской жизни» (1913).

Содержание

#1	0007
Святая Русь. Ее путь и вожди	0008
Избранный народ отторгся	0010
Призвание России. Св. Равноапостольная Ольга. Св. Равноапостольный Владимир	0017
Святые мученики князя Борис и Глеб	0053
Семья Ярослава Мудрого. Св. Великая княгиня Анна и св. Князь Владимир новгородские. Преп. Никола Святоша, князь Черниговский	0073
Семья Владимира Мономаха. Блаженная княжна Анна. Св. Мстислав Владимирович великий	0084
Сыновья св. Мстислава. Св. Всеволод псковский и св. Ростислав	0094
Св. Князь Константин Муромский. Мученическая кончина святого великого князя Игоря	0109
Суздальско-Владимирское княжество, как предтеча Москвы. Его создатель св. Андрей Боголюбский. Сыновья его. Свв. Глеб и Изяслав	0120
Св. Мстислав Храбрый	0136
Свв. Евфросиния Полоцкая, Евпраксия Псковская, Евфросиния Суздальская, великая княгиня Мария, преп. Харитина, княжна литовская, великая княгиня Феодосия, св. Федор	

Новгородский	0145
Св. Петр и Феврония муромские. Великий князь Константин Всеволодович	0160
Приближение татарского ига	0170
Нашествие Батые Мученики: князья Роман, Олег, Феодор, Евпраксия, Иоанн рязанские. Владимир, Всеволод, Мстислав, Агафья, Мария, Христина, Феодора владимирские. Св. великий князь Георгий Всеволодович, св. Василий Константинович ростовский, Василий Козельский	0178
Подвиги князей русских во время ига Св. Василий и Константин ярославские. Подвиг мученичества св. князя Михаила Черниговского, внук его св. Олег брянский. Кончина вел. князя Ярослава Всеволодовича	0189
Святой благоверный великий князь Александр Ярославич Невский	0205
Благоверные князья: Роман Рязанский, Роман Углицкий, Василий и Владимир Волынские, Феодор, Давид и Константин Ярославские, Довмонт Псковский, Михаил Тверской и Анна Кашинская	0245
Москва Св. Даниил Александрович Московский. Иоанн Данилович Калита. Дмитрий Иоаннович Донской и св. Ефросиния, великая княгиня Московская	0277
Благоверный князь Олег Рязанский Димитрий	

Красный. Преп. Михаил Клопский. Преп. Иоасаф Заозерский. Блаж. Иоанн Углицкий. Блаженная великая княгиня Соломония, в иночестве София. Св. мученик Димитрий Царевич	0302
Игумен земли Русской	0319
Нравственный облик в Бозе почившего Государя Александра Александровича	0342
Из книги «Идеалы христианской жизни» . .	0356
Внешние проявления веры	0356
Почитание святых	0457
Об авторе	0534

Евгений Поселянин

Святые вожди земли Русской

*И совлек с себя князь наш — вместе с одеждами — ветхого человека, отложил тленное, отряс прах неверия — и вошел в святую купель. И возродился он от Духа и воды: во Христа крестившись, во Христа облекся; и вышел из купели просветленный, став сыном нетления, сыном воскресения.
Слово о Законе и Благодати Митрополита Илариона*

Охраняется законами РФ об авторском праве. Воспроизведение книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения правообладателей

© ЗАО «ОЛМА Медиа Групп» (издание, макет, подбор иллюстраций), 2013

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес, 2014

Святая Русь. Ее путь и вожди

Свято всякий русский человек любит родину.

И в том, как относятся русские люди к России, есть много отличного от отношений иностранцев к их родным странам.

Русские люди не только любят свою землю, как место родины своей и своих предков, где протекает вся их жизнь, не только благодарны ей за ту возможность вести тихую жизнь, какую она им дает, — русские чтут Россию, как святыню души, молятся на нее. Чудным образом любовь к родной стране переплетается у них с верой в Бога. Счастливым и вожделенным делом они считают умереть за родину, и все их восторженное и особенное чувство к России так понятно выражается двумя словами: «Святая Русь».

Отчего же одна из всех стран в мире зовется «Святою?» В чем отличие того народа, который приложил к имени своей земли это великое слово «святая» и иначе не зовет?

Да, велико значение этого наименования Руси, и глубокий скрыт в нем смысл. Это сло-

во указывает и на особое Божье избрание русского народа и на особые его духовные цели и стремления.

Был в древности один священный народ, происходивший от избранных Богом праведников. Сам Господь вел его чудными путями, дал ему и земное могущество; мог он получить и будущую небесную славу.

Этот народ был иудеи. Но этот избранный народ не остался верен Божьим заветам; во главе его встали лица, заменившие живую сердечную веру сухим выполнением некоторых внешних обрядов. Иссякла в нем животворная любовь. И когда Бог любви послал в мир для спасения людей, для снятия проклятия за грехопадение первого человека — Своего Сына: не признали иудеи Христа, и Сын Человеческий был распят в Иерусалиме на кресте. А тот светлый удел, который мог стяжать себе этот народ, навеки погублен страшным воплем перед осуждением Пилатом Христа: «Кровь его на нас и на чадах наших».

Избранный народ отторгся

После вознесения Христа на небо Его апостолы разошлись по всему миру с проповедью, и не та Азия, где лежит родина Иисуса Христа, не столь близкая к Иуде Африка восприняли евангельскую весть так глубоко, как приняли ее юные народы Европы, которые через десять веков от Рождества Христова почти все без исключения исповедовали Христа, между тем как и поныне почти вся Африка и Азия, кроме европейских поселенцев, погружены в тьму разных заблуждений.

Одною из последних земель в Европе, просвещенной крещением, была Русская земля, и ее-то молодому народу Господь судил стать великим избранником его, и этой земле готовилось великое и дивное имя «Святой Руси».

И вот отчего эта земля называется святою.

Бывшие раньше великие государства задавались лишь земными целями — славы, внешнего благополучия и силы. А русский народ так глубоко воспринял кроткое учение Христа, с главною его заповедью любви, что во всю жизнь, во все стороны жизни этого на-

рода проник собою дух Христов. И не внешнее величие, а повиновение Христу, не земная слава, а Божья правда, не стремление к завоеваниям, а настроение теплой любви к другим народам, — вот чего ищет и хочет Россия. Многомиллионный народ, всей громадою своей строящий из себя здание неделимой русской Церкви, — многомиллионный народ, каждый гражданин которого ищет Христа и который весь, в целом, единодушно и единомысленно ищет спасения души всем своим миром: *вот* что такое Россия. И как свят тот путь, которым достигает спасения отдельный человек, так свят и тот путь, которым ведет к заветной цели Господь доверившийся Ему русский народ.

Вознесение Господне. Конец XIX в.

Тяжкие испытания терпят обыкновенно на земле Божьи избранники, и па этом пути очищаются дурные их стороны, вырабатывается беспредельная преданность воле Божией; все мелкое, суетное сходит с души, — и она развивается к добру в этой суровой, но великой школе.



Таков же был путь, пройденный и Россией. Через два века по принятии христианства

она подвергается страшному монгольскому игу. Но именно во время этого трехвекового бедствия на развалинах гордой, самоуверенной, празднующей вечный праздник и раздробленной Киевской Руси, вырастает чудесами Божьими смиренная, тихая, цельная Московская Русь. И эта Русь крепче Киевской. И не сломить уже ее никакой силе, пока живо в душе русского народа то, что сложило эту Русь: вера в Бога.

Так тот же Промысел, который сокрушил Русь прошлую, передал ее лучшие заветы — упование на Бога и преданность Церкви — на севере Руси, и вокруг безвестного во время славных дней Киева селения Москвы воздвиг Русское царство.

Если настроение веры охватывало весь русский народ и отдельных русских граждан на всем историческом пути России, то особенно ярко сказывалось оно в жизни правителей народа, его государственных вождей.

В людях, правивших Русью, в противоположность правителям Западной Европы, мы видим одну замечательную черту: преданность своему долгу, убеждение, что дело прав-

ления ниспослано им от Бога как жизненная задача, за которую Бог спросит у них ответа, — и всеми силами души служили они своему народу. Была только одна грустная эпоха, перед игом, когда князья из-за личных расчетов терзали междоусобием всю Русь. Но зато последующие князья с избытком искупили вину отцов.

Глубоко веруя, — хотя, быть-может, и бессознательно, — что Бог ведет Русь к великому делу, что служить Руси — значит служить славе Божией, вожди русского народа отдавали на это служение все свои силы, выше любви к родине ставя только любовь к Богу, и тогда как на Западе отношения народа и правителей представляли собою постоянную борьбу — русский народ доверчиво и с любовью повиновался своим вождям, в которых видел Божьих избранников.

И по этой вере народа Бог подавал ему хороших правителей, сердце которых, воистину, было в руках Божьих и которые, вдохновляемые Богом, вели народ по угодному Богу пути.

Когда Русь расширилась настолько, что ее

правители сменили титул великих князей на царское достоинство, тогда установлен был обряд венчания на царство, в котором Господь подает своим избранникам благодать к прохождению их великого служения.

Итак, под водительством любимых, Богом избранных вождей, повинуюсь им не рабским, а радостным сыновним повиновением, много раз на своем пути видел непосредственно руководство Божие, спокойно и право живет великая Русская земля.

К тем чувствам, которыми окружает она Престол самодержавных своих государей, присоединяет она благодаримую память и о прежде них потрудившихся самоотверженно и славно вождях русского народа. Многие из этих вождей, своими подвигами при жизни светив своей родине, теперь сияют вечною славой пред престолом Царя царей, своими дерзновенными молитвами служат Руси еще могучей и действенной, чем прежде служили ей земными силами.

А вожди народа в памяти о великих и Богом прославленных предках черпают примеры и бодрость духа.

В настоящем издании собраны сказания о том, как, служа Руси, *жалая* и храня ее, русские князья достигали венца святости, и о тех вождях, в которых особенно сильно было одушевление веры.

Дай Бог, чтоб сказания эти могли укрепить в читателе добрые чувства к родине, потому что стоит любить Русь за ее прошлое — великое и святое. А не любить ее нельзя, если сколько-нибудь знаешь ее.

Призвание России. Св. Равноапостольная Ольга. Св. Равноапостольный Владимир

Русскому народу назначено Богом великое призвание. Оно состоит в том, чтоб хранить в целостности и чистоте учение Христово и воплотить воочию понятие о христианском государстве. И когда народы, забывшие Бога, отрекшиеся в государственной жизни от искания правды Божией, стоскуются по Богу — тогда Россия и укажет им на утраченное ими сокровище чистой и теплой веры. Всегда стоя одна, чуткая к воле Божией, Россия подобна пустыннонику, вдали от людей спасающему свою душу, и ее столь отличная и уединенная от других народов жизнь так глубоко поясняется словами поэта:

*И ангел мне сказал: «Иди, оставь
их грады,
В пустыню скройся ты, чтоб там
огонь лампы,
Тебе поверенный, до срока уберечь,
Дабы, когда тщету сует они по-
знают,*

*Возжаждут истины и света по-
желают,
Им было б чем свои светильники
возжечь.*

И тогда Русь — «Богоносица Святая» поведет за собой весь мир к царствию Божию...

При столь высоком уделе, назначенном русскому народу, предстоял ему и особый путь. Нужно было создаться государству могучему и великому, которое бы своею силой могло сдерживать обуревающие другие народы чувства зависти, ненависти, вражды, — как и в наши дни Россия непоколебимо стоит на страже мира. Вместе с тем этот избранный народ должен был быть проникнут весь верой в Бога, стремленьем к Его учению... И вот, разворачиваются пред нами пути земли Русской, — путь скорбей, в которых созрела душа, закалилась крепость народа, — путь благоденствий Божьих, оправдавших его веру; вообще же путь славной избранницы Божией!

То внешнее мужество, которое необходимо народу, чтоб образовать обширное и крепкое государство, русское племя выказало с самых первых шагов своих на поприще истории.

Дважды, в 866 и 881 годах русские предпринимали походы на Царьград. В первый из этих походов столица равноапостольного Константина была спасена чудом: при погружении патриархом в море ризы Богоматери, спокойное море взволновалось бурей и раскидало русские челны. Вследствие этого чуда многие уверовали во Христа. Вождь русских во втором походе, князь Олег, как говорит предание, подошел к Царьграду на ладьях с парусами, поставленных на колеса, и прибил свой щит на воротах Царьграда.



Поход Олега Вещего с дружиной на Царьград. Миниатюра из Радзивилловской летописи. XV в.

Но из этой же греческой страны Бог судил вынести русским свет Христовой веры, которая глубоко изменила и направление русской удали. Русь языческая нападала на другие племена для расширения. Русь христианская лишь защищалась от врагов, которых Бог и передал ей во власть, дав ей четверть мира.

Итак, богато одаренному, смелому и бодрому, полному сил и задушевному племени, каким с первых дней видели мы Русь, недоставало главного: духа жизни, веры.

Отношения с православною Грецией ознакомили многих русских с греческою верой; чудо на Босфоре поразило также многих, — и начались уже в IX веке отдельные случаи крещения.

Стольному Киеву надлежало первому принять истину, во исполнение апостольского пророчества.

Хранилось предание, что св. апостол Андрей Первозванный, обходя вселенную с про-

поведью, пришел на те высоты, где возник впоследствии Киев.

Он благословил это место, воздвиг крест и сказал:

«На сих горах воссияет благодать Божья, имать град велик быти, и церкви многи Бог воздвигнути имать».

Мало-помалу подготовлялась почва, благоприятная для христианства, и первую провозвестницей его на Руси явилась равноапостольная великая княгиня Ольга.

Великая княгиня Ольга происходила из окрестностей нынешнего города Пскова и за красоту и ум в 903 г. избрана была супругой великого князя Игоря.

В 946 г. Игорь был убит племенем древлян, и, за малолетством сына его Святослава, начала править Ольга. Исполняя языческий обычай, она жестоко отомстила за убийство мужа; сама встала во главе набранного ею войска и прошла всю землю древлян, облагая их данью; затем она отправилась в северные города, в Новгородскую сторону, где разделила землю на погосты. Через 150 лет по кончине ее там с благодарностью вспоминали еще дея-

ния Ольги, как правительницы.



Святая Ольга убеждает Святослава принять христианскую веру

Княгиня Ольга. Рисунок из «Отечественного пантеона великих князей», 1850 г.

Установив порядок в Русской земле после своего воинственного супруга, Ольга вернулась в Киев, где жила, любимая и чтимая сыном и пародом. И тут, в тишине, в годах пре-



клонных, душа Ольги почувствовала жажду истины.

Она могла узнать учение православия, ви-

деть чин православных обрядов у живших в Киеве христиан, а светлый ум ее из бесед с пастырями уверился в превосходстве христианства. С тою же решительностью, какая отличала все дела ее, Ольга в 957 г. отправилась в Царьград. Там пользовалась она наставлениями патриарха и приняла святое крещение, с именем Елены. Патриарх сказал ей: «Возлюбив свет и отвергнув тьму, благословенна ты между женами русскими. Благословлять тебя будут сыны русские до последнего рода».

Император Константин Багрянородный был восприемником ее.

Вернувшись в Россию, св. Ольга старалась о распространении христианства и надеялась обратить к вере сына своего Святослава. Но в этом беспокойном войнолюбивом князе не было никаких духовных расположений. Во время его походов св. Ольга все продолжала править Русью.

Она успела посетить свою родину и, смотря на ту местность, где стоит теперь Псков, а тогда был густой лес, увидела три светлые луча, падающие с неба на берет Великой. Она

водрузила тут крест и предсказала, что здесь возникнет город великий и славный с храмом Св. Троицы. На этом месте стоит теперь часовня св. Ольги и бьет целебный источник.

Св. Ольга почила в Киеве 11 июля 969 г. Она завещала не совершать над ней языческой тризны, а послала денег на помин патриарху, и отпел ее духовник.

Незабвенна эта жена для русской земли. Она первая *правила* Русью, тогда как до нее князья лишь воевали. История назвала ее *Мудрою*, Церковь — святою и равноапостольною.

Она была первым решительным проблеском, возвестившим Руси конец языческой тьмы: первая русская душа, столь торжественно и громко совершившая исповедание Христа. Как заря перед солнцем, как утренняя звезда перед зарей — она просияла перед Владимиром.

Славя память ее, Церковь поет ей трогательную песню: *«Крилами богоразумия вперивши твой ум, возлетела еси превыше видимья твари, взыскавши Бога и Творца всяческих, и Того обретши, наки рождение крещени-*

ем прияла еси, древа животного наслаждающийся, нетленна во веки пребываеши, Ольго приснославная».

Радуюсь благоверию нашей земли, не забудем ту, которая первая всенародно и торжественно внесла в Русь бесценное сокровище веры.

То доброе семя, которое равноапостольная Ольга сеяла в своей семье, возшло, принося неисчислимый плод.

Один из ее внуков, Владимир, проведя около нее детство, с 8 лет был отправлен в Новгород, и здесь среди грубого и сластолюбивого языческого быта, казалось, забыл о наставлениях бабки. После смерти отца, он убил брата, завладел Киевом и жил, деля время между дальними походами и служением страстям.

Но не могла эта жизнь дать покоя душе его, которую тревожило раскаяние. Напрасно ставил он на берегах Днепра и Волхова новых кумиров, украшая их серебром или золотом, напрасно приносил им богатые жертвы. Несмотря на веселый нрав Владимира, гостеприимного, общительного, благодушного, — душа его томится неясным сознанием пусто-

ты жизни и жаждет чего-то лучшего. И вот, в эти дни душевной тоски вспомнились ему далекие дни детства и тихие речи великой Ольги, и, как она, стал Владимир искать веры...

Тогда к нему собрались проповедники. Из Болгарии пришли магометане, но их обряды не понравились князю. Послам папы он сказал: «Идите обратно; отцы наши не принимали веры от папы». Когда явились иудеи, он спросил, где их отечество. «В Иерусалиме, — ответили они; — но Бог во гневе Своем расточил нас по землям чуждым». — «И вы, — сказал тогда Владимир, — дерзаете учить других? Не хотим, подобно вам, лишиться своего отечества».

Пришел греческий проповедник. В немногих словах он опроверг другие веры и стал говорить Владимиру о творении мира, первом грехопадении и об искуплении, о Христе и Его учении, и в заключение показал картину страшного суда с изображением праведных, идущих в рай, и грешных, осужденных на муку.

Пораженный Владимир со вздохом сказал: — Благо добродетельным и горе злым!

— Крестись, — отвечал проповедник, — будешь в раю с первыми.

Отпустив грека с дарами и честью, Владимир созвал бояр и градских старцев на совет. Они посоветовали ему послать в разные земли умных людей, чтоб видеть, где достойнее чтут Бога.

И снаряжено было в путь десять мужей. После Болгарии и католиков, где им не понравилось, послы прибыли в Царьград.

Святой равноапостольный князь Владимир

— Да созерцают они славу Бога нашего, — сказал император; и их привели в знаменитый храм Софии, Премудрости Божией.

В невыразимо прекрасном, как чертог Божественный, храме шло торжественное богослужение. Лучи солнца через широкий купол заливали светом это место славы. Перед богато убранным алтарем; окруженным всем высшим духовенством в великолепных облачениях, предстоял патриарх, и шла торжественно служба. Фимиамы расплывались прозрачными клубами в просторе храма, таинствен-



но и тихо совершался священный обряд, без-
молвно молился народ, а сладкогласные на-

певы клира поднимались к небу, и казалось, Всевышний обитает здесь и нисходит к призывающим Его людям...

Вернулись послы к Владимиру и рассказали:

— Всякий человек, вкусив сладкое, отвращается от горького. Так и мы, узнав веру греческую, не хотим иной. — Потом они добавили: — Если б закон греческий не был лучше других, то бабка твоя Ольга, мудрейшая из всех людей, не приняла бы его.

Владимир решился принять христианство. Но, действуя еще как язычник, он хотел «завоевать веру». Пошел он на греческий город Корсунь, взял его и отсюда послал к императорам в Царьград требовать руки их сестры царевны Анны. Те ответили, что раньше ему нужно креститься. Владимир изъявил согласие.

Перед прибытием невесты он ослеп. Царевна, приехав, советовала ему немедленно креститься. И когда он выходил из купели, совершилось чудо: он прозрел душевно и телесно и в восторге воскликнул:

— Теперь я увидел Бога Истинного!

Это было, как полагают, 8 апреля 988 г. Пораженные чудом, крестились и русские бояре. Св. Владимир наречен в крещении Василием.



Крещение великого князя Владимира в Корсуни. 1829 г. Худ. Андрей Иванов

Приведем прекрасную песню, сложенную графом Алексеем Толстым; в ней превосходно описано то настроение, в котором св. Владимир возвращался после крещения в Киев:

*...Но молвит Владимир: «Пора
мне назад,
По Киеве мне встосковалось!
Вы, отроки-друзи, спускайте ла-
ды,
Трубите дружине к отбою!*

*Кленовые весла берите свои —
Уж в Киеве, чаю, поют соловьи
И в рощах запахло весною!
Весна, мне неведомых полная сил,*

*И в сердце моем зеленеет!
Что нудю я и насильем добыл,
Чем сам овладеть я оружием
мнил,
То мною всесильно владеет!*

*Спускайте ж лады, бо и ночью и
днем*

Я гласу немолчному внемлю:
Велит он в краю нам не мешкать
чужом,
Да свет, озаряющий нас, мы вне-
сем
Торжественно в русскую землю!»

По лону днепровских сияющих вод,
Где, праздная жизни отраду,
Весной все гремит, и цветет, и по-
ет,
Владимир с дружиной обратно
плывет
Ко стольному Киеву-граду.

Все звонкое птаство летает кру-
гом,
Ликуючи в тысячу глоток,
А князь многодумным поникнул
челом,
Свершился в могучей душе пере-
лом —
И взор его мирен и кроток.

Забыла княгиня и слезы и страх;
Одеждой алмазной блистая,
Глядит она с юным весельем в
очах,
Как много пестреет цветов в ка-

мышах,
Как плещется лебедей стая.

Как рощи навстречу несутся ла-
дьям,
Как берег проносится мимо,
И, лик наклоняя к зеркальным во-
дам,
Глядит, как ее отражается там
Из камней цветных диадима.

Великое слово корсунцам храня,
Князь не взял с них денег повин-
ных,
Но город поднес ему, в честь того
дня,
Из бронзы коринфской четыре ко-
ня
И статуй немало старинных.

И кони, и белые статуи тут,
Над поездом выся громаду,
Стоймя на ладьях, неподвижны,
плывут,
И волны Днепра их, дивуясь, несут
Ко стольному Киеву-граду.

Плывет и священства и дьякон-

ства хор
С ладьею Владимира рядом;
Для Киева синий покинув Босфор,
Они оглашают днепровский про-
стор
Уставным демественным ладом.

Когда ж умолкает священный ка-
нон,
Запев зачинают дружины,
И с разных кругом раздаются
сторон
Заветные песни минувших времен
И дней богатырских былины.

Так вверх по Днепру, по широкой
реке,
Плывут их ладей вереницы,
И вот перед ними, по левой руке,
Все выше и выше растет вдаль
Град Киев с горой Щековицей.

Владимир с княжого седалища
встал,
Прервалось весельщиков пенье,
И миг тишины и молчанья на-
стал —
И князю, в сознании новых начал,

Открылось новое зреньё:

*Как сон, вся минувшая жизнь про-
неслась,
Почуялась правда господня,
И брызнули слезы впервые из глаз,
И мнится Владимиру: в первый он
раз
Свой город увидел сегодня.*

*Народ, издалека их поезд узнав,
Стопился на берег — и много,
Скитавшихся робко без крова и
прав,
Пришло христиан из пещер и дуб-
рав,
И славят спасителя Бога.*

*И пал на дружину Владимира
взор:
«Вам, други, доселе со мною
Стяжали победы лишь меч да то-
пор,
Но время настало, и мы с этих
пор
Сильны еще силой иною!*

Что смутно в душе мне сказалось

моей,
То ясно вы ныне познайте:
Дни правды дороже воинственных
дней!
Гребите же, други, гребите силь-
ней,
На весла дружней налегайте!»

Вскипела, под полозом пенясь, во-
да,
Отхлынув, о берег забила,
Стянулася быстро ладей череда,
Передние в пристань вбежали су-
да,
И с шумом упали ветрила.

И на берег вышел, душой возрож-
ден,
Владимир для новой державы,
И в Русь милосердия внес он закон
—
— Дела стародавних, далеких вре-
мен,
Преданья невянущей славы!

Корсунь Владимир оставил греческим ца-
рям и соорудил там храм. Вместо пленников
вывел из него духовенство; вместо дани взял

церковные сосуды и иконы, мощи св. Климента и ученика его Фива.

Вернувшись в Киев, св. Владимир спешил истребить идолов; он рубил, жег и топил их. Главного из них, Перуна, волочили за хвост лошади, и потом бросили в Днепр. Народ кричал ему: «выдубай, боже!» — т. е. выплывай, — и стоящий теперь на этом месте монастырь зовется Выдубицким.

На другой день Владимир велел всему народу собраться на берег Днепра. Покорно, веруя, что князь избрал лучшую веру, шел народ. Вот явился Владимир со священством, и все множество народное вступило в реку, взрослые по грудь, отцы и матери с младенцами на руках.

Священники на берегу читали молитвы. Когда крещение кончилось, Владимир в восторге души, подняв взоры к небу, громко молился: «Творец земли и неба! Благослови сих новых чад Твоих; дай им познать Тебя, Бога истинного; утверди в них веру правую. Будь им помощью в искушениях зла, да восхваляю достойно святое имя Твое!»

Летописец говорит: «В сей великий день

земля и небо ликовали».

Как дорог русской душе Днепр, в водах которого возродилась Россия!

*Высоко передо мною
Старый Киев над Днепром,
Днепр сверкает под горою
Переливным серебром.*

*Слава, Киев многовечный,
Русской славы колыбель!
Слава, Днепр наш быстротечный,
Руси чистая купель!..*

*...Слава, Днепр, седые волны!
Слава, Киев, чудный град!
Мрак пещер твоих безмолвный
Краше царственных палат.*

*Знаем мы, в века былые,
В древню ночь и мрак глубок,
Над тобой блеснул России
Солнце вечного восток.*

(Алексей Хомяков, из стихотворения «Киев», 1839).

Крестив киевлян, св. Владимир занялся укреплением веры. Он воздвигал в Киев хра-

мы на месте прежних идолов и выстроил прекрасную церковь, где стоял Перун, названную Десятинною, так как на ее содержание определена была десятая часть княжеских доходов. В Киеве открыты были училища, где обучали книгам Божественным, переведенным на славянский язык просветителями славян, свв. Кириллом и Мефодием.

Князь Владимир Киевский. Рисунок из «Отечественного пантеона великих князей», 1850 г.

Св. Владимир послал проповедников в Новгород, Ростов, где народ был тоже крещен; посылал и в другие города духовенство со своими сыновьями.

Нрав св. Владимира после крещения совершенно изменился. Ведя чистую жизнь, он горько скорбел о прежних грехах своих; стал настолько кроток, что духовенство должно было уговаривать его карать разбойников и оборонять свою землю, так как от кротости его умножались злодеяния, а он не решался поднимать меча на врагов. Воюя по необходимости, он прилежал мерам мирным, населял



пустые места, основывал города, призывал из Греции художников и был отцом народа. Сзывая бояр на пиры свои, память о которых навсегда осталась жива, он ставил трапезу и

для нищих, которые имели право утолять у него на дворе голод и брать из казны деньги. Для больных же, которые не могли дойти до палат его, он велел развозить по улицам хлеба, мясо, рыбу, овощи, мед и квас в бочках. «Где недужные?» — спрашивали посланники князя и оделяли их.

Глубоко принял св. Владимир в сердце слова Евангелия: «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут» и показал высочайшую степень милосердия.

Каким греющим мягким светом сияет в это время образ св. Владимира, и сколько любви и благодарности звучит в прозвище, данном ему народом, — «Красное Солнышко».

Св. Владимир преставился лет 60, 15 июля 1015 года, и погребен в мраморном гробе в Десятинной церкви, рядом с супругой своею Анной. При нашествии татар гроб его был скрыт под развалинами Десятинной церкви и обретен в 1635 г. Голова благоверного князя находится в Великой церкви Киево-Печерской лавры, а часть главы и кисть руки — в московском Успенском и Киево-Софийском соборах.

Бесконечно значение святого равноапостольного князя Владимира в жизни русского народа. Он стал для нас воистину животворным «Красным Солнышком», лучами которого вошло и выращено все то, чем сильна и славна Россия. Он вывел ее из тьмы язычества, возродил к новому прекрасному быту, поставил на тот великий ее исторический путь, который ведет ее к великому уделу — избранной земли Христовой.

Все, что святит и крепит Русь, все, что полно в ней значения, все, чем Русь дорога русским, — начало тому положено св. Владимиром.

Помимо того, что вера в Бога указала русским людям на земную жизнь как на приготовление к будущему раю и тем принесла свет и смысл земному их существованию, — эта же вера осмыслила и освятила и историческую жизнь народа. Как праведно и чисто живет человек, поставивший своею задачей спасти свою душу, так же праведны и чисты стали пути и того народа, который стремлением своим поставил стать достойным имени Христа, еще на земле заработать для своей

земли имя «Святой».

И видя эту горячую ревность к Себе, самоотверженное исполнение закона Своего, Бог избрал и благословил этот народ и, кроме награды в будущем бесконечном царстве, дал ему и земное величие и славу, чтобы через этот народ исполнять на земле Свои веления.

На такой путь поставил Россию Владимир Святой.

От этого значения просветительной деятельности св. Владимира в общем обратимся к оценке отдельно последствий, какие имело православие для Руси.

Оно сплотило в одну неделимую громаду все русские племена, жившие раньше во взаимной розни и вражде. Весь русский народ, объединенный одною верой, стал как один человек. В жажде внести свет веры единокровным своим, погруженным в идолопоклонство, проповедники, большею частью иноки, бесстрашно углублялись в малоизвестные места, населенные племенами полудикими, и, разоряя идолов, говорили о Христе и учили парод. Потом заводились школы, воздвигались храмы и крепче меча единство ве-

ры связывало разрозненный доселе народ.

А что, как не вера, поддерживало Русь в многочисленных пережитых ею испытаниях? Все свои государственные беды, как ни казались они ужасны и безысходны, лучшие русские люди принимали спокойно и покорно, как Божью кару за свои грехи, и, терпеливо страдая, никогда не отчаивались в том, что силен Бог и помиловать свой народ, и послать ему избавление. И эта крепкая вера освещает все пространство нашей истории и была оправдана историческими событиями. По этой вере Русской земли в ведущего ее Бога, в дни величайших невзгод Господь воздвигал свои чудеса, которые спасали Россию, по видимому, безнадежно погибавшую. И память об этих чудесах еще более укрепляла в потомках живую веру предков.

Прибытие в Киев епископа. 1839 г. Худ. Федор Бруни

Наконец, православная вера утвердила те отношения между вождями народа и народом, которые представляют одну из главнейших причин величия России.



Народ верил всегда, что правящие Русью вожди (сперва великие князья, потом — цари, наконец, императоры) призваны к этому делу Богом, — и, как Божьим избранникам, беспрекословно народ повиновался им. Между тем как в западных государствах народ и государи вели между собой постоянную и ожесточенную борьбу, у нас, наоборот, они представляли одно неразрывное целое — дружную Русскую землю. И, когда угас на русском пре-

столе род Владимира Святого, народ избрал нового царя, Михаила Романова, принесся ему ту же безграничную самодержавную над собою власть, какую имели всегда русские правители.

Со своей стороны, вожди русского народа смотрели на свою власть как на порученное им Богом великое дело, за которое они по смерти должны дать ответ, — и ни у одного народа мы не видим такого большого числа самоотверженных государей. Забывая свою личную жизнь, всей душой болея за свой народ, они не только правили им, но и полагали за него свою жизнь.

Из приведенных ниже рассказов будет видно, какой светлый полк святых выставили от себя, как молитвенников и ходатаев, после земных трудов за ту же Русь правители Русской земли. И такое высокое настроение души и всей своей жизни русские вожди показали с первых же времен православия; уже дети Владимира прославились святостью.

*Десятинная церковь в Киеве. Середина XIX в.
Разрушена в 1936 году*



Расставаясь с чудным обликом равноапостольного князя Владимира, приведем похвальное слово ему и его делу, проповедника того времени, пресвитера Илариона (впоследствии митрополита киевского), произнесенное в созданной св. Владимиром Десятинной церкви.

«Все народы помиловал благий Бог, и нас не презрел; восхотел, и спас нас, и привел в

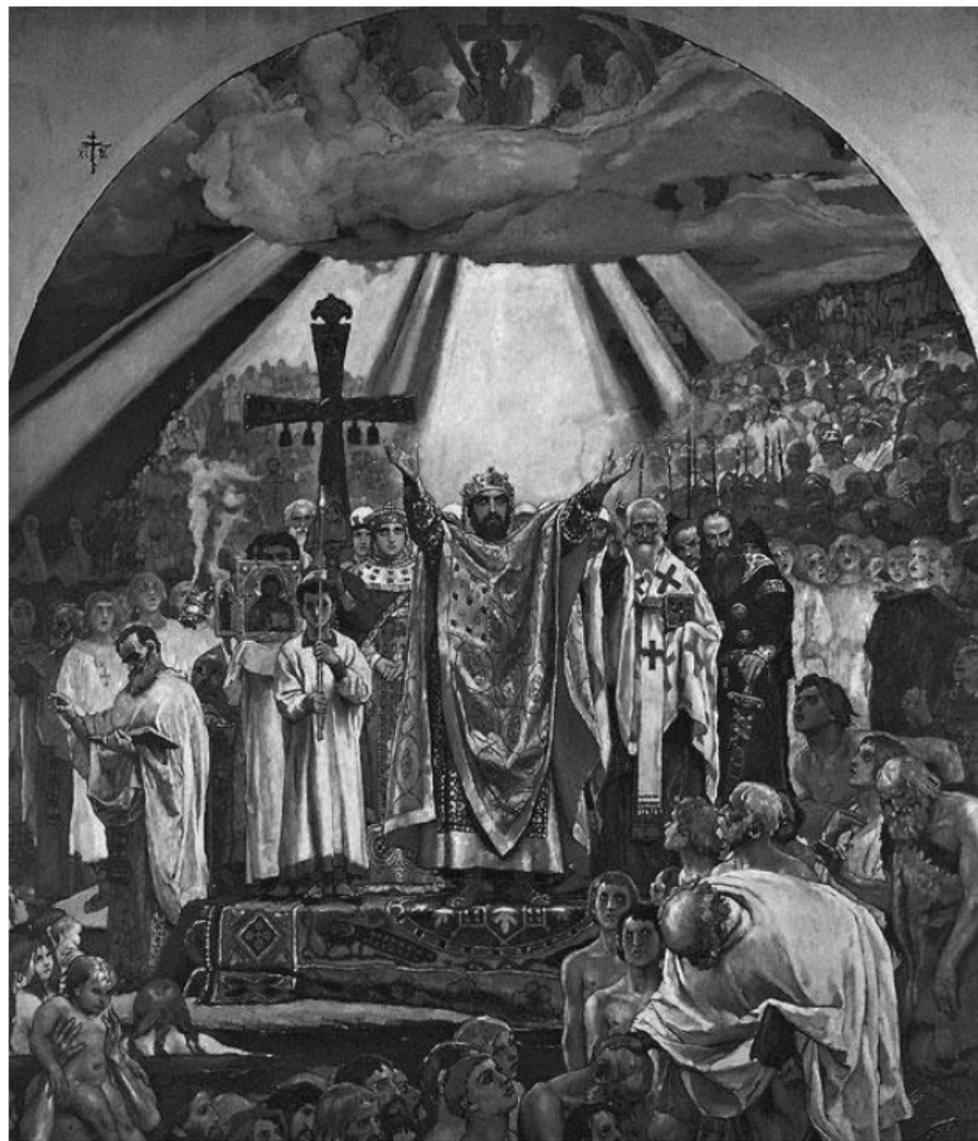
познание истины. Пуста была земля наша и иссохла; зной идолослужения иссушил ее, но внезапно потек источник евангелия и наполнил всю землю нашу... Капища разрушены, и церкви воздвигаются, идолы низвергаются, и явились иконы святых; бесы убежали; крест освятил города; пастыри словес — епископы и пресвитеры — стали возносить бескровную жертву и клир украсился и облекся в благолепие св. Церкви. Труба апостольская и гром евангельский огласили все города; фимиам, возносимый Богу, освятил воздух. Поставлены на горах монастыри; явились черноризцы; мужи и жены, малые и великие — все люди наполнили святые церкви, и прославили Господа... Тебя же как восхвалим, досточтимый и славный отец наш, премужественный между владыками земными, Василий? Какую воздадим благодарность за то, что через тебя познали мы Господа и избавились от заблуждения идольского, что по твоему повелению по всей земле нашей славится Христос... Встань из гроба твоего, честная глава, возведи очи и посмотри, как Господь, сподобив тебя почестей небесных, не оставил тебя без памя-

ти на земле... Посмотри на город, сияющий величием, посмотри на возрастающее христианство, и, видя все это, возрадуйся, возвеселись и восхвали благого Бога, строящего все это».

Видимыми памятниками св. Владимиру в Киеве служат Десятинная церковь, воздвигнутая на развалинах созданной им Десятинной церкви, которую разрушили татары, и освященный Князе-Владимирский собор. Великолепный храм этот украшен замечательною живописью чрезвычайной силы, в которой мастерская кисть соединилась с глубокою вдумчивостью и пламенным одушевлением. Имя художника, наиболее украсившего собор, — Васнецов.

Крещение Руси. Фреска над входом на хоры во Владимирском соборе в Киеве. 1895–1896 гг. Худ. Виктор Васнецов

На высоком берегу Днепра, лицом к реке, послужившей купелью возрождения Русской земли, воздвигнут величественный памятник равноапостольному просветителю России. Св. Владимир изображен молящимся о своем на-



роде. В руке он держит животворящий крест, знамение нашего спасения. Ночью крест этот

горит электрическим светом, и дивен вид этого сияющего в воздухе креста над теми высотами, где просияла Божья благодать.

Дело распространения веры продолжал сын и преемник св. Владимира, Ярослав Мудрый. Он особенно заботился о распространении книжного учения и строил много храмов. При нем были переведены с греческого творения святых отцов и другие благочестивые книги, которые составляли единственное и любимое чтение русских людей.

И мало-помалу русский народ принял тот облик истово верующего, безмерно усердного к своей вере, который так изумляет иностранцев, отзывы которых дошли до нас.

Святые мученики князя Борис и Глеб

Святой Владимир разделил Русь между своими 12 сыновьями при жизни. Любимыми сыновьями его были Борис и Глеб, во св. крещении Роман и Давид. Они были рождены от матери-христианки и по малолетству дольше других оставались при отце, когда другие уже княжили в своих уделах, — именно, в то время, когда Владимир так искренно и горячо отдался Богу. Они выросли под благочестивым настроением отца и всей душой глубоко восприняли христианство, с его правдой, чистотой и кротостью. Старший, Борис, был обучен грамоте и очень любил читать о подвигах и жизни святых, а младший, Глеб, с наслаждением слушал чтение брата. Читая о страданиях мучеников, Борис, обливаясь слезами, молился: «Господи Иисусе Христе, удостой и меня их удела, научи идти по их стопам. Молю Тебя, Господи, да не увлечется душа моя суетой этого мира. Просвети сердце мое, чтобы оно знало Тебя и Твои заповеди!»

Любимые нежно отцом, крепко и они были привязаны к нему, а между собой соединены горячею дружбой.



Святые Борис и Глеб на иконе середины XIV в.

Отец их любил в них не только сыновей, но и светлых, осененных благодатью истинных христиан.

Чтобы не разлучать их далеко одного от другого, когда пришло время, он назначил им соседние уделы: Борису — Ростов, а Глебу — Муром. Там они занимались распространением веры, сияли правосудием, кротостью, добротой и попечением о бедных.

Незадолго до кончины Владимира, Борис приехал к отцу, силы которого упали. В это время пришло в Киев известие, что печенеги идут на Русь. И, будучи сам уже не в состоянии идти в поход, Владимир отрядил на них сына. После напрасной погони за ними Борис возвращался в Киев, когда у реки Альты (недалеко от нынешнего Переяславля) получил известие, что его отец скончался, а брат его Святополк, скрыв на некоторое время его смерть, тайно схоронил его и завладел престолом. Святополк был племянник св. Владимира, сын брата его Ярополка, но усыновлен

св. Владимиром. Еще при жизни его он показал себя с дурной стороны, хотел, отложиться от России, сидел в темнице, но потом был прощен отцом.

Зарыдал Борис, услышав тяжкую весть о смерти любимого отца: «Увы, — говорил он, — зашел свет очей моих; горько мне, что я не был при твоей смерти, чтобы с честью схранить тебя!»

Бояре киевские, ходившие с Борисом в поход, советовали ему: «Иди в Киев и завладей престолом отца — и войско отцово с тобой и поможет тебе». На это князь отвечал: «Не пойду я на старшего брата. Он мне теперь вместо отца».

Икона Бориса и Глеба. Конец XIV в.

После такого ответа и бояре, и ратные люди ушли от Бориса, а он остался с одними приближенными и думал идти в Киев и приветствовать Святополка, как старшего брата и начального князя. А Святополк, чувствуя себя некрепко на престоле, так как все надеялись видеть на нем любимого Бориса, — замыслил убить Бориса, Глеба и всех своих бра-



тъев и нанял убийц.

Прежде чем они дошли до места стоянки

Бориса, к нему пришел тайно вестник, предупредая о том, какая ему готовится опасность. Но великодушный князь не поверил: он знал, что ничем не согрешил против брата, и нет причины тому злоумышлять на него.

Но все же эта весть смутила его. Полный к тому же скорби по отцу, он упал духом и в молитве искал утешения. Была суббота. Он вошел в шатер свой и с плачем стал молиться Христу и Пречистой Его Матери. Так молился он до глубокой ночи и стал петь утреню. Когда убийцы приблизились к шатру, они услышали голос князя.

Борису сказали, что убийцы уже здесь. И еще горячее полилась тогда к Богу его молитва. Совершив утреню, он устремил взор на икону Христа и в слезах молился так: «Ты, пострадавший за нас на кресте, сподоби меня за имя Твое претерпеть это страдание, которое я невинно принимаю не от врагов, а от брата моего, и не поставь ему, Господи, этого во грех!»

Так в страшный час молился он о своем убийце.

Окончив молитву и причастившись, Борис спокойно лег, предав себя в руки Божии...

С яростью ворвались убийцы в шатер, стали колоть его копьями, и он упал, обливаясь кровью...

Любимый отрок князя Бориса, Георгий, родом из венгерцев, носивший возложенную ему князем на шею гривну, пал на тело своего господина с криком: «Не оставляю тебя, но где гибнешь ты, там и я кончу жизнь!» Его тоже проткнули копьями, и так как не смогли сорвать с шеи драгоценную гривну, то отрубили ему голову и отбросили ее, так что потом между множеством трупов нельзя было распознать его тела.

Миниатюра из «Сказания о Борисе и Глебе».
Конец XIV в.

Чуть дышащего князя Бориса убийцы завернули в материю шатра и положили на колесницу. По дороге встретились посланные Святополка, и один из них вонзил свой меч в сердце князя. Это было в воскресенье, 24 июля. Тело его было привезено и тайно схоронено в Вышгороде (село на Днепре в 17 вер-



стах от Киева).

Св. Борис был строен и величествен, пленял всех красотой и ласковым обхождением.

Взор у него был приятный и веселый. Он отличался храбростью в битвах и мудростью в советах.

Убив св. Бориса, Святополк замыслил убить и Глеба. Он послал к нему гонца с известием, что отец их тяжело болен и зовет его к себе. Быстро собрался Глеб, взял с собой малую дружину и поспешил выехать, чтоб застать отца в живых. У Волги конь повредил ему ногу, и он водой поплыл к Смоленску. Против урочища Смядин князя нагнал гонец от княжившего в Новгороде брата его Ярослава и рассказал о кончине Владимира и убийнии Бориса.

Огорчен был Глеб смертью отца и еще больше гибелью брата. «Не услышу более, — говорил он, — кротких наставлений твоих, брат мой любимый! Если получил ты милость у Бога, моли Его, чтоб и я пострадал, как ты. Лучше мне быть с тобою, чем в этом злом мире».

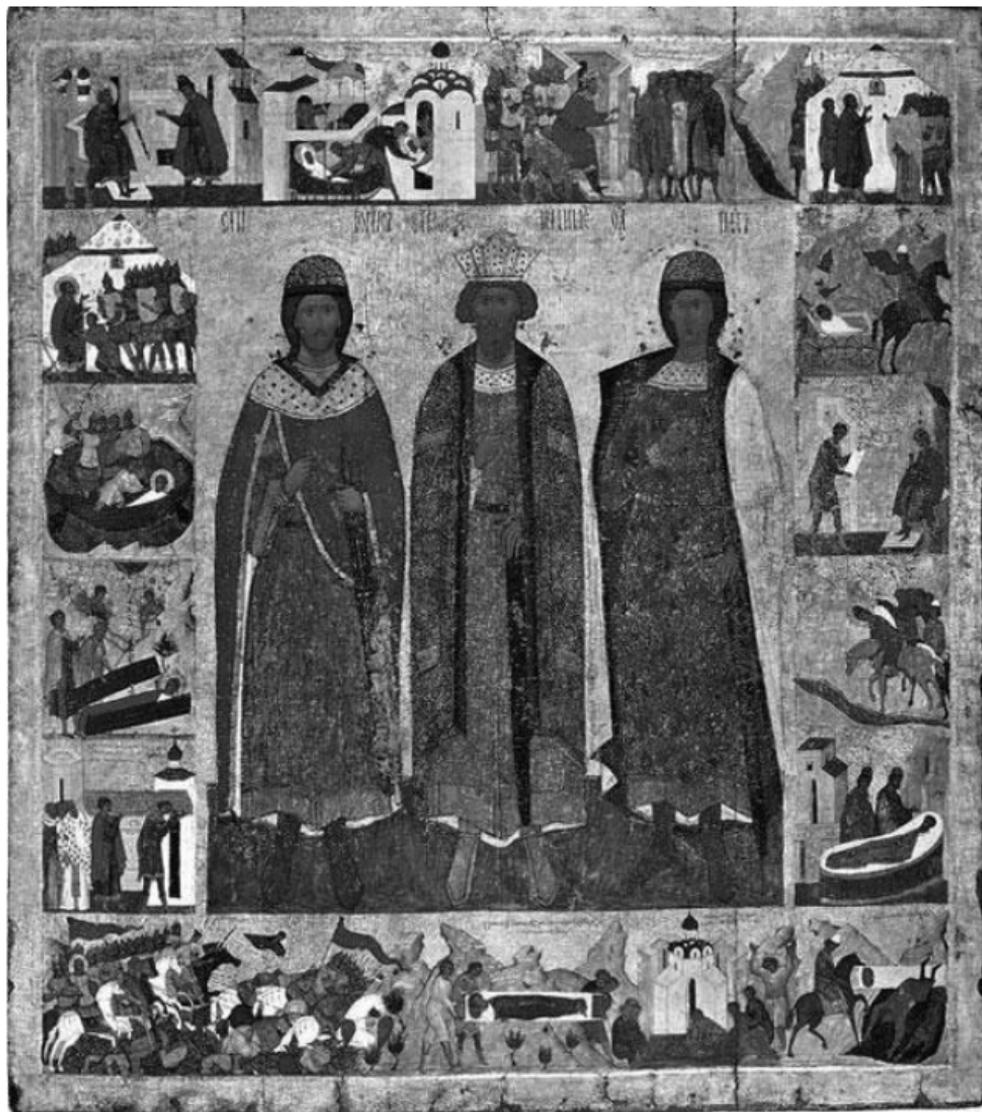
Так рано постиг он суету земную.

Еще плакал князь от ужасной вести, как его настигли посланные Святополком убийцы. Спутники князя увидали их и взялись за

оружие. Глеб сказал им: «Братцы, если мы не будем драться, они возьмут меня и поведут к брату, а иначе всех нас убьют». Приблизившись к лодке князя, они напали на него. Он воздел руки к небу и стал молиться со слезами. Во время его молитвы стоявший сзади его повар, злобствовавший на него, вытащил свой нож и, схватив его за голову, вонзил нож в горло. Как непорочный агнец, пал невинной жертвой юный князь Глеб и соединился навеки в небесном царстве с любимым братом. Это было 5 сентября.

Убийцы, не погребая тела, бросили его недалеко от берега, между двумя колодами, и прикрыли хворостом. И на этом месте стали являться знамения: иногда загорались огни, иногда слышно было проходящим пастухам ангельское пение. Через несколько лет охотники, занимаясь звериною ловлей, нашли честное тело. Оно лежало целым: ни зверь, ни птица не коснулись его, не было на нем тления.

Святые Владимир и сыновья его Борис и Глеб на иконе XVI в.



Они рассказали об этом в Смоленске. Тогда граждане со всем духовным собором отправились на то место и узнали в нетленных

мощах благоверного князя муромского Глеба Владимировича, убитого на этом месте; торжественно перенесли они мощи в Смоленск и положили в храме.

Святополк, погубив двух братьев, убил еще третьего, Святослава Древлянского, а затем должен был вступить в борьбу с ополчившимся на него Ярославом Новгородским. Четыре года длилась борьба; наконец Святополк привел печенегов и сошелся с Ярославом на берегу той Альты, где был убит св. Борис. Перед битвой Ярослав, воздев руки к небу, помолился так: «Владыко Господи! Кровь братьев моих от земли вопиет к Тебе. Молю Тебя, всемогущий Творец, Судья праведный, отомсти за кровь эту праведную, как отомстил Ты Каину за кровь Авеля... Вы же, братья мои святые, Борис и Глеб, помогите мне против этого безбожного убийцы!»

С рассвета вступили в битву, бились до ночи с ужасным ожесточением, враг сходил с врагом врукопашную, кровь текла ручьями по оврагам. Одолеп Ярослав, и Святополк бежал в польскую землю.

От страха и угрызений совести он не мог

остановиться нигде: ему всюду чудилась погоня. «Бегите, бегите, — кричал он, — за нами гонятся!» Он кончил жизнь в Польше в страшных мучениях душевных, и, как передает летописец, долго из насыпанного над ним кургана выходил смрад, как свидетельство лежавших на нем проклятий. Этот злодей назван «Святополком Окаянным».

Когда, утишив землю, Ярослав утвердился в Киеве, он узнал, что тело св. Глеба находится в Смоленске, и послал за ним священников. По Днепру тело привезено было к Киеву, и все увидели благоверного князя как бы спящим: тело было, как у живого, и источало благоухание. Его положили в Вышгород в могилу св. Бориса в 1021 г., и тогда же они оба были причислены к лику святых. Когда сгорел храм, где была могила, над гробом стали появляться огни и слышалось ангельское пение. Тогда над святыми мощами воздвигнута была новая церковь, а мощи вынуты из земли. Тут же начали совершаться чудеса исцелений. Впоследствии вместо деревянной была сооружена великолепная каменная церковь во имя первых русских чудотворцев.

При торжественном перенесении мощей раку св. Бориса несли князя, а каменную раку св. Глеба везли на санях.

Во время нашествия татар храм этот был разрушен до основания, а мощи благоверных князей скрыты в неизвестном месте, где остаются и доныне. Предание говорит, что место это — под святым колодцем, находящимся у алтаря теперешней церкви.

Память св. страстотерпцев совершается 27 июля, перенесение мощей — 2 мая.

Вспомним о трех святых братьях, верно служивших благоверному князю Борису.

*Борисоглебский монастырь в Торжке.
1910 г. Фото Сергея Прокудина-Горского*

Из Венгрии пришел к нему Ефрем, с братьями Моисеем и Георгием. Георгий был убит на Альте, прикрывая собой своего князя. Узнав об их гибели, Ефрем пришел искать тело брата, но не мог узнать его и нашел только голову. Он принял иночество и там, где теперь город Торжок, построил странноприимный дом, где служил странникам. При открытии мощей св. князей Бориса и Глеба, он воз-



двиг храм во имя новоявленных мучеников и основал при храме иноческую обитель.

Какая радость была для верного слуги видеть церковное прославление его любимого князя!

Мощи почившего в глубокой старости преп. Ефрема покоятся открыто в соборном

храме новоторжского Борисоглебского монастыря. При них нетленная глава его брата Георгия, по его завещанию положенная с ним в могилу. Третий брат, преп. Моисей Угрин, прославился великими подвигами целомудрия, много пострадал за душевную и телесную чистоту и был одним из первоначальных подвижников в киевских пещерах, где почи-вают его мощи.

Велико значение дивного подвига святых князей Бориса и Глеба, явившихся первым пышным цветом русского православия, первыми угодными жертвами, которые выставила Богу Русская земля.

Удивительна высота их нравственного совершенства: презрение к смерти, вера в Бога, смирение и правда, покорность старшим.

Особенно этой последней добродетели всегда будет поучать их память. Преп. летописец Нестор, подвижник Киево-Печерской лавры, рассуждает так об их кончине и прославлении: *«Видите ли, как ваша покорность старшему брату? Если бы они воспротивились ему, то едва ли удостоились такого дара от Бога. Потому что и ныне много юных князей,*

которые не покоряются старшим, сопротивляются им и бывают убиваемы, но они не удастаиваются благодати, как эти святые братья».

И особенно во времена взаимных раздоров князей Киевской Руси пример св. страсто-терпцев служил важным напоминанием о мире, любви и согласии, которых не было среди удельных князей; их рознь и предала Русь татарам.

Явление князей Бориса и Глеба перед Невской битвой

Каким отрадным светом сияют лики двух святых братьев; какую они озарены новою для Руси красотой — красотой смиренной и кроткой души! Их короткая жизнь и славная смерть показывают, как быстро и богато поднялось на русской почве посеянное их отцом семя.

Немного и недолго потрудились для родной земли благоверные князья-мученики, но зато явились сильными и теплыми ходатаями за нее на небе, и забота их о русской земле, и помощь подтверждаются следующими



знамениями.

Когда великий князь Александр Невский

боролся с немцами и должен был вступить с ними в бой на берегах Невы, один из военачальников его, стоя ночью на страже, имел такое видение. Лишь только забрезжил свет, появился на реке корабль; гребцы сидели как бы покрытые тьмой, а посреди корабля в блестящих одеждах стояли святые мученики Борис и Глеб. И сказал св. Борис: «Брат Глеб, вели грести скорее, да поможем сроднику нашему князю Александру против немцев».

И в тот день св. Александр одержал великую победу.

Также, когда благоверный князь Димитрий Иоаннович боролся с нечестивым Мамаем, стоявший ночью на страже Фома Халцибеев видел следующее. В высоте показалось густое облако, и от полуденной стороны явились двое светлых юношей; в руках у них были зажженные свечи и мечи. То были святые мученики Борис и Глеб. И сказали они татарским воеводам: «Кто послал вас губить наше отечество, данное нам Богом?» и стали рубить врагов, так что ни один не остался цел.

Наутро страж поведал видение великому князю Димитрию, и он молился: «Пресиль-

ный Боже, подай мне помощь молитвами святых мучеников Бориса и Глеба, как Давиду на Голиафа, как Ярославу на Святополка, как пращурю моему Александру на короля немецкого!»

То был день Куликовской битвы, которая положила начало освобождению России от татарского ига.

Семья Ярослава Мудрого. Св. Великая княгиня Анна и св. Князь Владимир новгородские. Преп. Никола Святоша, князь Черниговский

Преемник и сын Владимира святого, Ярослав Мудрый, славен был благочестием и был поборником духовного просвещения. Он высоко поставил русское имя.

В его семье было двое святых.

Супруга Ярослава, благоверная княгиня Анна, была дочерью шведского короля Олава; языческое имя ее было Индегерда, и она получила в приданое от отца город, по-русски называемый Старою Ладогой. Летописи не оставили нам подробностей о ее характере.

Перед кончиной своей она постриглась в монашество (10 февраля 1051 г.).

Великий князь киевский Ярослав по прозванию Мудрый



Благоверный великий князь Владимир Ярославич на 16 году поставлен отцом княжить в Новгороде, где неотлучно с ним жила до смерти и его мать. Он оставил о себе веч-

ную память сооружением великолепного собора Софии, Премудрости Божией, важнейшей святыни Новгорода и одной из первых русских святынь, которая уцелела во всей своей древней красе. После 18-летнего управления, он преставился 33 лет от роду, 4 октября 1052 г. Нетленные мощи его почивают рядом с мощами его матери в серебряной раке в созданном им соборе.



Софийский собор в Новгороде. Фото 1900 г.

Неясно рисуется чистый образ этого древнего князя, по скудости сведений о нем; но мы можем дополнить его по той обстановке, в какой протекло его детство в доме отца.

Созидательная, живая, спокойная, но плодovitая деятельность поглотила Ярослава во все его княжение. Он ставил новые города и храмы, любил церковные уставы, духовенство, особенно иноков, понимал пользу книг духовных и читал их день и ночь, велел переводить их. Все это не усыпляло его воинской доблести, когда нужно было ополчиться на врага.

«Ярослав, — говорит протоиерей Михаил Хитрово, — представляется за беседой со смиренным черноризцем о церковном уставе и строение или глубоко погружившимся в развернутую перед ним хартию... Уже давно ночь, но князь как будто и не замечает времени. Он весь ушел умом в письмена, где черпает уроки мудрости и благочестия, — и, кажется, шепчут его уста с Соломоном: „Пошли мне от святых небес приседящую престолу Твоему премудрость, чтоб она способствовала мне в

трудах моих!“»

Ярослав любил великолепии храмов, выписывал для украшения их греческих художников, завел стройное церковное пение.

Вот в какой среде росли первые православные русские князья. Такое настроение веры не могло не образовать людей, не только праведных, но и святых. Мы видели уже благочестивую ровность св. княгини Анны, принявшей иночество в последний год жизни. Один из князей последующего времени отрекся от престола и величия земного и провел жизнь в удивительных подвигах иноческого смирения.

Князь черниговский Святослав (в сокращении Святоша), во св. крещении Николай, жил счастливо, имея жену и детей. Но душа его жаждала исключительного общения с Богом. Он понял, что все тленно, что не утолит Софийский собор в Новгороде голода души земным величием, что только на небе — непреходящее царство славы; и он оставил все и пришел в 1106 году в Киево-Печерский монастырь.

Забывая прежний сан свой, он прилежнее

всех работал на послушаниях. Сперва он трудился в поварне, на плечах носил дрова с берега Днепра в гору и рубил их, делал и прочую работу. Его братья, узнав об этом, пытались принудить его бросить это дело, но он умолил их оставить ему его труды и три года протрудился на поварне. Потом пробыл он три года при монастырских воротах сторожем и никуда не отходил, кроме церкви. Отсюда взяли его на трапезу.

Никола Святоша, князь Черниговский. Конец XIX в.

После этих послушаний игумен велел ему трудиться в безмолвии, и он стал насаждать около своей кельи сад. Никогда не видели его праздным, и с рукоделием в руках, он, не переставая, творил молитву Иисусову: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя...».

Он ничего не ел, кроме малой части того, что давали ему на монастырской трапезе, а все, что присылали ему родные, раздавал нищим и странникам или на устройство церквей; много жертвовал также в храмы книг.

В миру в Чернигове у князя был врач, по



имени Петр, родом из Сирии. Он был очень привязан к нему и ради него переехал в Киев.

Посещая св. Николу, видя его пост и лишения, заставляя его то на поварне, то у ворот, врач сокрушался о нем.

— Ты не жалеешь себя, — говорил ему врач. — Ты заболеешь от истощения. Как купленный раб, работаешь ты на черноризцев, непривычный к этой работе. Твои братья скорбят, что ты из такой славы дошел до последнего убожества... Ведь тебе присесть некуда, кроме как на сорную кучу у поварни или ворот. Ты сам моришь себя. Кто из князей русских поступал так?

— Брат Петр, — отвечал ему блаженный Николай, — много я думал о спасении души моей и рассудил, что не надо щадить плоти, чтоб она не тяготила страстями духа.

Томимая воздержанием и трудом, она смиритя, а не изнеможет, а если бы и изнемогла, то апостол сказал: «Сила моя в немощи совершается». Бог хочет сердца чистого и смиренного, но без поста и труда оно не может быть таким... Ты упрекаешь меня, что я стал рабом этих черноризцев. Но я перестал быть рабом мира и благодарю Бога за то, что Он мне, рожденному князем, дал работать Царю царей в

лице этих иноков. Братья мои пусть не думают обо мне. С них довольно забот о моей власти, которую я оставил в земном княжестве, чтобы наследовать в небесном. Я обнищал ради Христа, чтобы приобрести Христа. Зачем же упрекаешь меня за воздержание мое и грубую пищу? Ведь, врачую недуги, ты приказываешь больным воздерживаться от некоторых блюд, а я этим способом лечу духовные недуги. Ты упрекаешь меня, что я сижу у сорных куч, — но чем я лучше Иова, сидевшего на гноище. А он в жизни назывался царем. Ты говоришь еще, что ни один из князей русских не поступал, как я. Пусть же, подражая Царю небесному, я буду им примером.

Часто, когда блаженный князь заболел, врач приготавливал ему лекарство, но, прежде чем он доходил до него с лекарством, князь выздоравливал и никак не позволял себя лечить. Сам же он молитвами своими исцелил болезнь врача.

Однажды князь призвал врача и сказал:

— Петр, тебе следует постричься в ангельский образ и работать Господу и Его Пречистой Матери в этом монастыре вместо меня,

потому что я через три месяца отойду от этого мира.

С воплем врач упал к ногам его и говорил:

— Увы мне, господин мой, благодетель, драгоценная жизнь моя! Кто позаботится теперь обо мне? Кто пропитает сырых и убогих, смилуется над просящими помощи? Ведь я просил тебя щадить себя, так как многим ты можешь быть полезен, и в твоей жизни — жизнь многих. Откуда эта весть? Если от людей — я отдам за тебя мою жизнь; если от Бога, умоли его, чтоб я умер за тебя. Если ты умрешь, мне негде оплакивать сиротство мое. Птица находит себе приют, а ты шесть лет живешь в монастыре, и у тебя нет приюта.

— Не тужи, Петр, — отвечал блаженный князь, поднимая врача, — Господь знает, как сохранить всю созданную Им тварь. Он будет прибежищем и тебе...

Потом святой Никола приготовил себе место для погребения и показал врачу, а тот умолял его:

— Знаю, что если ты захочешь умолить Господа, так тебе жить еще. Меня же положат здесь.

— Да будет тебе, как хочешь, если есть на то воля Божия, — отвечал князь. — В одном образе иноческом послужим Богу.

Тогда врач постригся и провел три месяца в слезных молитвах. По его молитве и предсказанию блаженного Николы, он, причастившись святых Таин, преставился в назначенное время.

Тридцать лет после того провел еще в обители святой князь. В год своей кончины он сослужил родине последнюю службу, примирив враждовавших русских князей. В день его смерти, 14 октября 1142 г., почти весь город собрался к нему, прося его молитв. Братья его горько плакали, узнав о его кончине, и один из них просил от игумена себе на благословение крест умершего, возглавие и помост, на которых почивший клал поклоны.

Позже он получил исцеление от власяницы, которую носил на теле блаженный Никола Святоша.

Мощи его почивают в Антониевой пещере Киево-Печерской лавры.

Семья Владимира Мономаха. Блаженная княжна Анна. Св. Мстислав Владимирович великий

Никола Святоша был одним из немногих исключений по кротости своей среди общего беспокойного нрава князей времени киевской Руси, проводивших свою жизнь в беспрестанных раздорах из-за того, кому быть великим князем.

Столь же редким исключением является семья великого князя Владимира Мономаха.

Внук Ярослава, Владимир Всеволодович Мономах прославился и бранными подвигами за отечество, и добрым нравом, всеми силами успокаивая Русь и примиряя князей.

Великий князь Владимир Всеволодович Мономах. 1672 г. Рисунок из Царского титулярника

Он творил добро врагам, одаривал их; летописцы славят его незлобие, покорность отцу, которого он ни разу не ослушался, щед-



рость, милосердие. Молясь, он проливал слезы. Яснее всего рисует его завещание, остав-

ленное им детям, в котором отразились все лучшие черты тогдашнего русского князя:

«Приближаясь ко гробу, — пишет он, — благодарю Всевышнего за умножение дней моих. Рука Его довела меня до старости маститой. И вы, дети мои, помните заповеди Божии, ходите по стопам отцов ваших. Страх Божий — основание добродетели. Велик Господь и чудны дела Его! О, дети мои! Хвалите Бога и любите человека. Не пост, не уединение, не монашество спасет вас: спасут вас дела добрые. Не забывайте бедных, кормите их и мыслите, что всякое достояние принадлежит Богу, а нам дано только на время. Не скрывайте богатства в недрах земли. Сиротам будьте отцами, не давайте сильным избить вдов и слабых. Не убивайте ни правого ни виновного; жизнь и душа христианина священны пред Спасителем нашим. Принимайте с любовью благословение пастырей духовных; творите им добро, да молятся за вас Всевышнему. Не имейте гордости ни в уме ни в сердце, и думайте: „Мы тленны: ныне живы, а завтра во гробе“. Бойтесь лжи, пьянства и любо-страстия, равно пагубного для тела и души.

Старцев чтите, как отцов, мудрых слушайте, старшим покоряйтесь, с равными и меньшими имейте любовь, беседуйте без криводушия, воздерживайтесь от смеха, старайтесь опускать очи к земле, а душу возносить к небу. В пути, на коне, не имея дела, читайте наизусть молитвы или повторяйте чаще „Господи помилуй!“ Не засыпайте никогда без земного поклона, а когда, чувствуете себя нездоровыми, поклонитесь в землю три раза. Да не застанет вас солнце на постели. Идите рано в церковь воздать Богу хвалу утреннюю. Так делал мой отец, так делали все добрые люди в мое время. Когда озаряло их восходящее солнце, они радостно славили Господа».

И дети своею жизнью оправдали такого отца, о котором летописец говорит такие глубокие и трогательные слова: «Бе нищелюбец и правдолюбец и добрый страдалец за Русскую землю».

Ярославово Дворище в конце XIX в.

Дочь Владимира Мономаха Марина, вместе со своей теткой, его сестрой Евпраксией, кончили жизнь в подвигах иночества.



В том же киевском Андреевском монастыре, основанном отцом Мономаха, подвизалась его старшая сестра, блаженная княжна Анна, прозванная Янкой. Она занималась там воспитанием девиц, обучала их грамоте, пению и рукоделиям. Она почила 3 ноября 1113 г. и причислена к лику святых.

Сын и преемник Мономаха, Мстислав, назван Великим, а церковью — Святым. С 12 лет дед послал его княжить в Новгород, где он в юности еще показал зрелую и великую душу.

Князь черниговский Олег, убив его брата Изяслава, захватил его удел — Ростов и Суздаль. Избегая мести, Мстислав, с горестью схоронив брата в Софийской церкви, послал сказать Олегу: «Ты убил брата моего, но на войне гибнут цари и князья; будь же доволен твоею наследственной Рязанью, и я упрошу отца моего помириться с тобой». Олег не хотел ничего слушать и мечтал завладеть еще и Новгородом. Тогда Мстислав вооружился и принудил Олега удалиться в Муром. Великодушный Мстислав, уважая в Олеге своего крестного отца, снова предложил ему мир, прося только возвратить ему пленных, и умолял отца забыть поступки Олега. Мономах сознался, что сын пристыдил его своим великодушием, и написал Олегу предложение мира. Обманно приняв предложение, чтобы усыпить племянника, Олег, только что Мстислав распустил войско, пошел на него. В один день молодой князь собрал дружину и разбил Олега, который бежал сперва в Рязань, а потом не знал, где ему преклонить голову, и скитался в отчаянии, боясь Мстислава. И снова благородный князь послал сказать ему: «Я буду твоим

верным ходатаем пред отцом, и он не лишит тебя Русской земли. Властвуй спокойно в своем княжении, только смирись». И, действительно, Мстислав вышел из Муромской области, возвратился в Новгород и примирил Олега с отцом.

Новгородцы любили Мстислава и дорожили им. Когда один князь хотел прислать им, с согласия Мономаха, своего сына, причем Мстислава предполагалось перевести во Владимир, новгородцы ответили: «Если у сына твоего две головы, пришли его к нам. Новгороду нужен Мстислав, которого ему дал его дед, а сына твоего не хотим».

Памятниками теплого усердия Мстислава к Церкви остались каменные храмы — Благовещенский на Городище, у Новгорода (где было пребывание князей), и великолепный собор на княжьем дворе (называвшемся Ярославово Дворище) в честь святителя Николая, с его чудотворною иконой.

Однажды святитель Николай явился в видении тяжело больному Мстиславу и приказал ему отправить в Киев послов за своею иконой, размеры и вид которой святитель пока-

зал князю. Послы отплыли, но поднявшаяся на озере Ильмень буря задержала их на три дня у Липного острова. Здесь они нашли плывущую по воде икону — круглую, как было в видении, и того же размера. Больной князь, приложась к иконе, получил исцеление.

Икона эта поныне находится в Николо-Дворищенском соборе, а на острове князь поставил храм и монастырь, от которого остались одни развалины.

Княжа в Новгороде, Мстислав дважды разбил Чудь и завладел городом Оденпе, или Медвежьей Головой, в Ливонии.

Есть предание, что Мстислав, по приказанию отца, ходил к Адрианополю, завоевал Фракию, и уstraшенный греческий император прислал в Киев дары: крест из Животворящего Древа, венец, чашу императора римского, кесаря Августа, золотую цепь и бармы императора Константина Мономаха, из рода которого была мать Владимира Мономаха.

Благовещенский храм на Городище. До 1945 г. Разрушен в годы Великой Отечественной войны. Сохраняется в законсервированных руинах



После Новгорода, по воле отца, Мстислав перешел в Белгород, а по смерти его, в 1125 г., сел в Киеве на престоле великокняжеском. Здесь он устроил монастырь в честь ангела своего, великомученика Федора, и храм во имя привезенной из Царьграда Пирогощей иконы Богоматери.

Семь лет княжил Мстислав в Киеве. В нем

была твердость отца его, соединенная с нежной, чувствительной душой, и он старался, не обижая князей, держать их в повиновении. Победоносный вождь, не сокрушая чужих государств, он был защитой, славой и утешением собственного. При его умении править Русскою землею, если бы он прожил дольше, он мог бы надолго утвердить в ней порядок. По характеру своему он был неудержимо милостив ко всякому, не принимал серебра и золота в руки, потому что не любил богатства.

Заранее узнав день кончины своей, он представился в один из дней святой Пасхи, 15 апреля 1132 г., и положен в основанном им монастыре. Современники не только чтили его, но уже и веровали в загробные молитвы его. Он причислен к лику святых.

Сыновья св. Мстислава. Св. Всеволод псковский и св. Ростислав

В числе сыновей св. Мстислава Великого двое были святы.

Когда Владимир Мономах перевел сына своего Мстислава поближе к себе, в Белгород, — он вместо него прислал в Новгород его сына, своего внука Всеволода (в крещении Гавриила).

Юный князь положил основание (или возобновил) знаменитому Юрьеву монастырю, заложив величественный храм св. великомуученику Георгию и, наделив обитель угодьями, воздвиг также на Торговой площади храм св. Иоанну Крестителю по случаю рождения сына.

Святой Всеволод Мстиславич на иконе XVI в.

В 1126 г. в Новгороде наступил, как во всех северных областях, страшный двухлетний голод. От жестокого необыкновенного холода



вымерзли озими, глубокий снег лежал до 30 апреля, вода затопила нивы и селения, и зем-

ледельцы весной увидели на полях вместо зелени одну грязь. Запасов не было, а цена хлеба поднялась так, что в 1128 г. осьмина ржи стоила по теперешним деньгам свыше двух рублей. Народ питался мякиной, лошадиным мясом, липовым листом, березовой корой, мхом, древесною гнилью. Изнуренные люди скитались как привидения, падали мертвыми на дорогах, улицах и площадях. Новгород принимал вид обширного кладбища, разлагающиеся трупы заражали воздух, и не успевали их вывозить. Отцы и матери отдавали детей в рабство иностранным купцам. И многие граждане искали пропитания в отдаленных странах. В эти тяжкие дни Всеволод делал все, что мог, для народа и истощил на него всю свою казну, которая не могла, однако, пропитать всех.

О добродетелях его Пролог говорит так: «Он был полон всяких благих дел: был богобоязлив и правдив, тих и кроток и равно и искренне любил всех. Уважал церковный чин и иноков, почитая их как братьев Божиих. Заступался за сирот и вдов, миловал нищих и покоил недужных».

Обороняя Новгород от врагов, сиял князь и воинской славой, и победоносно ходил в Финляндию, Эстонию и Литву для охранения новгородских границ.

Дядя его, Ярополк, вступил в 1132 году на киевский престол, дал Всеволоду важный удел переяславльский, считавшийся первым после киевского. С сожалением прощались с ним новгородцы, упрекая его в измене св. Софии.

В то же время младший дядя его, князь ростовский и суздальский Юрий Долгорукий, завидуя Всеволоду и думая, что Ярополк хочет провести его в свои наследники, пошел на Переяславль. Всеволод, въехав туда утром, до обеда был изгнан Юрием. Не проливая крови, кротко принял это поношение богобоязненный Всеволод и вернулся в Новгород. Забыв его благодеяния и победы, одержанные им для Новгорода, новгородцы сперва не хотели принять его, говоря: «Ты искал другого княжества. Иди же, куда знаешь». Но потом одумались и послали за ним, ограничив его власть.

Через два года пришел к Всеволоду дядя

его Изяслав, лишенный тем же братом Юрием своего удела. Новгородцы шумно вызвались защитить его, и Всеволод должен был вести их на Суздаль против Юрия, но, дойдя до реки Дубны, вернулся обратно. Недовольные этим и ставя свою честь в возобновлении похода, новгородцы требовали, чтобы их снова вели на Суздаль. Напрасно отговаривал их от этого предприятия киевский митрополит, приехавший в Новгород. Задержав у себя митрополита силой, они на святках, в страшные морозы выступили в поход. Через месяц на Ждановой горе произошла кровопролитная битва. Новгородцы бились крепко, пали во множестве, положили еще более суздальцев, но не одержали победы. Всеволод едва спасся с небольшим остатком дружины.

Тогда беспокойные и самовластные новгородцы выискали за Всеволодом разные вины и торжественно осудили его на изгнание. Его заключили в епископском доме с женой, детьми и тещей (он был женат на дочери святого князя Николая Святоши) и продержали семь недель под стражей до прибытия новоизбранного князя.

Ярополк дал изгнаннику Вышгород, но вскоре некоторые новгородцы пришли звать его обратно. Выросши в Новгороде, Всеволод любил его, как родину, и неблагодарных новгородцев — как братьев. Он тосковал вдали от Новгорода и с радостью направился туда.

Икона св. блгв. князя Всеволода-Гавриила из Свято-Троицкого собора Пскова

Псковитяне приняли его с радостью, но новгородцы не хотели слышать о нем и собрались на Псков. Тогда псковитяне завалили все дороги, шедшие по дремучим лесам, устроили окопы и так грозно готовились к защите, что новгородцы вернулись назад.

Во Пскове Всеволод заложил каменный храм во имя св. Троицы, поныне составляющий величайшую святыню Пскова. Не более года он княжил здесь, и это был год сплошных подвигов благочестия. Всегда набожный, теперь, предчувствуя смерть, он усугубил строгость жизни; смирял себя постом и молитвой, питал нищих, призревал странников, ходил за больными, перевязывал сам их раны.



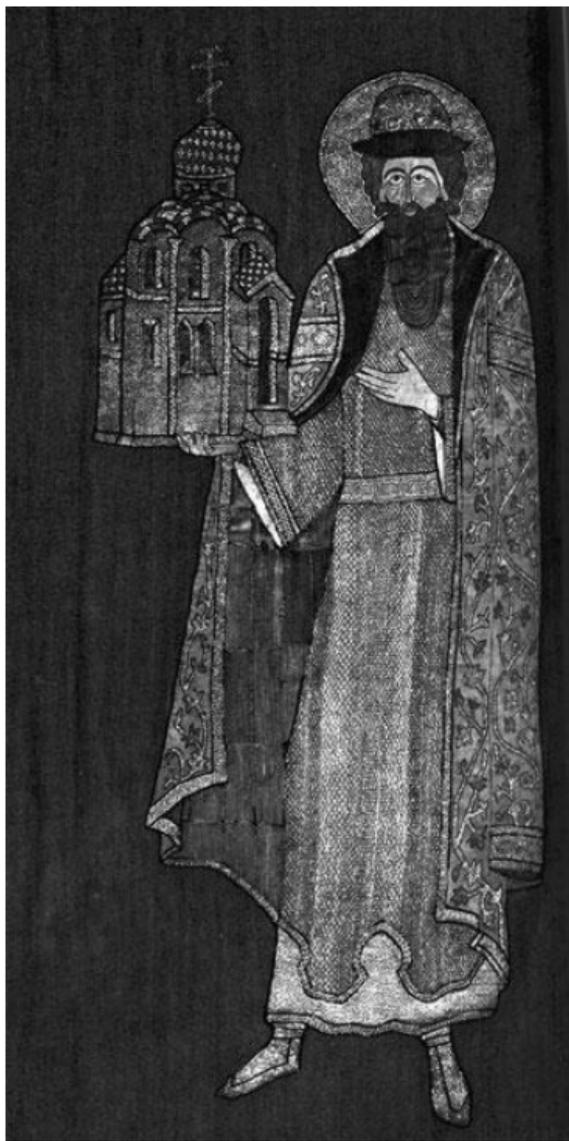
Эти христианские подвиги не были нарушены делами воинскими: слава Всеволода

сдерживала окрестные народы, трепетавшие при его имени; никто не смел напасть на Псков, и не выдал князь никому чести верного своего города.

11 февраля 1138 г., после недолгой болезни, он тихо почил в летах нестарых и в небесных селениях принял успокоение от той горечи, испытаний и унижений, какие вынесла на земле его благородная и кроткая душа.

Когда его не стало, тогда только новгородцы опомнились и поняли, какого праведного человека они гнали. Они послали в Псков протопопа от св. Софии, именем Полюда, чтобы перенести тело князя в Новгород. Но гроба не могли сдвинуть с места: князь хотел остаться там, где его при жизни покоили и любили. Горько плакали послы новгородские и молили дать им хоть малую часть от мощей. Тогда сам собой отпал ноготь от руки блаженного князя. В радости послы понесли эту святыню в Новгород.

Покров с изображением святого князя Всеволода-Гавриила Псковского. XVI в.



Князь Ростислав. Рисунок из «Отечественного пантеона великих князей», 1850 г.



Так как заложный Всеволодом собор св.

Троицы не был еще завершен, то псковитяне погребли его мощи в церкви великомученика Димитрия Солунского. Через 54 года они обретыены нетленными, и св. князь, явившись в видении одному благочестивому мужу, сказал: «Объяви властям, чтоб перенесли мои мощи в храм св. Троицы. Там хочу я возлечь. Господь Иисус Христос предал мне град мой Псков, чтобы хранить его от нечестивых немцев, и в нем хочу пребывать духом до скончания века». 1192 г. 27 ноября (в этот день празднуется перенесение его св. мощей) св. мощи перенесены и открыто поставлены в Троицком соборном храме.

В 1363 г. благоверный князь, явившись соборному пономарю, спавшему в притворе храма, сказал ему: «Завтра объяви причту св. Троицы и городским начальникам, чтобы вынесли иконы из церкви. В следующую ночь Господу угодно явить чудо над моими мощами». Приказание было исполнено, и ночью обрушился тяжелый свод храма и отшиб малую часть челюстей благоверного князя, доселе сохраняемую в серебряном ковчеге.

У раки св. князя стоит древняя чудотвор-

ная икона его и висит огромный крестообразный меч его с надписью на латинском языке: «*honorum meum nemini dabo*», то есть чести моей не выдам никому. Посещая Псков, царь Иоанн Грозный дивился размерам и тяжести этого меча.

Брат Всеволода, благоверный князь Ростислав (Михаил) Мстиславич, родоначальник князей смоленских, принадлежал к числу тех редких государей, которые в своем блестящем верховном сане находят более тягости, чем удовольствия. Он не искал великого княжества и, дважды возведенный на великокняжеский престол, искренне желал отказаться от власти.

Уже в престарелых годах, незадолго до смерти, всего более заботясь о судьбе своих детей, он, несмотря на слабость, поехал в Новгород, чтобы утвердить княжившего там сына своего Святослава.

За 300 верст от Смоленска встретили его смоленские послы Смоляне любили Ростислава и вспоминали с благодарностью его правление. Он тоже любил Смоленск, где он открыл епископскую кафедру, поставил слав-

ный храм Петропавловский. Сын его Роман, внуки, епископ Мануил вместе с народом приветствовали старца; вельможи и купцы привезли ему подарки; Это внимание горожан было дорого князю. Утомленный путем, он не мог ехать далее Великих Лук и вызвал туда к себе знатных новгородцев. Он взял с них клятву забыть все неудовольствия на его сына, никогда не искать иного князя и разлучиться со Святославом только смертью. Потом он успокоенный вернулся в Смоленск. Жившая там его сестра Рогнеда, видя изнеможение брата, советовала ему остаться в Смоленске, чтобы быть погребенным в воздвигнутом им Петропавловском храме.

— Нет, — отвечал великий князь, — я хочу лежать в киевской обители св. Феодора, вместе с нашим отцом, а если Бог исцелит меня молитвами Пречистой Своей Матери и преп. Феодосия, то постригусь в Печерском монастыре. Блаженный князь скончался 14 марта 1168 г. на пути, с тихою молитвой на устах: «Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему, с миром».

Это были его последние слова, и слезы

остановились на застывших ланитах преставившегося князя.

Он погребен в Киевском Феодоровском монастыре.

Блаженный князь Ростислав отличался удивительным незлобием. Он все прощал другим, помня только о своих грехах, и, исчисляя долги свои пред Богом, забывал о том, что должны ему другие. Часто он говорил игумену печерскому: «Приготовь мне келью, боюсь смерти неожиданной». Каждый пост он приобщался святых Таин, а во время Великого поста всякую субботу и воскресенье он звал к себе на обед игумена печерского с

12 братьями этой обители. Он беседовал с ними о христианской жизни и часто говорил им о намерении удалиться от суетного мира, чтоб мимотекущую краткую жизнь посвятить Богу в безмолвии монастырском. А благоразумный старец, преп. Поликарп, отвечал ему на это: «Бог требует от тебя других подвигов: делай правду, блюди землю Русскую».

Ростислав уступал в дарованиях отцу своему, св. Мстиславу Великому, и деду, Владимиру Мономаху, но всей душой любил родину,

любил мир и правду, страшился проливать
кровь русскую.

Св. Князь Константин Муромский. Мученическая кончина святого великого князя Игоря

Просветитель страны Муромской, св. благоверный князь Константин, был сыном князя черниговского, в удел которого входил и Муром. Эта страна была населена грубым и диким финским племенем, чрезвычайно закоренелым в язычестве. Кудесники финские держали народ в своей власти и разжигали суеверия.

Великая христианская ревность наполняла сердце князя Константина, и он сам просил отца поручить ему Муромскую область. Он задумал отдать свою жизнь делу просвещения ее жителей. Готовый на все, зная, что может быть, придется запечатлеть свою деятельность смертью, св. Константин отправился в Муром. Ему сопутствовали его княгиня, два сына, Михаил и Феодор, дружина и несколько лиц духовенства.

Покров с изображением князей муромских



*Константина и его сыновей Михаила и Федора
из раки с мощами святых. 1661 г.*

Немного не доходя Мурома, князь послал вперед своего сына Михаила, убедить городских жителей, чтобы они спокойно приняли нового князя. Но, вместо ответа, муромцы убили Михаила, выбросили тело его за город и приготовились к сопротивлению. Тогда князь обложил город. Муромцы смирились и приняли к себе св. Константина. Только что утвердившись в Муроме, князь стал просвещать язычников. Прежде всего он построил храмы, и первый из них в честь Благовещения Пресвятой Богородицы. Здесь было погребено тело юного убиенного князя Михаила.

Спутники св. Константина объясняли муромцам заблуждения языческие, говорили о Боге и Его правде, о служении Ему, о христианских обрядах. Часто и сам князь приглашал к себе старейшин и убеждал их обратиться ко святой вере. Но на сорной почве трудно было вырасти насаждениям истины. Язычники были глухи к учению, а некоторые поклялись убить или выгнать из города проповедника.

Однажды ожесточенная толпа с оружием подступила к княжескому двору. Усердно по-

молившись Владычице, князь с ее образом в руке один вышел к возбужденной толпе. И тут совершилось чудо: во внезапном страхе бунтовщики пали на землю пред иконою Богоматери и стали просить у князя крещения. Св. Константин через несколько дней крестил Муромцев в Оке, как некогда в Днепре св. Владимир — киевлян.

Утверждая веру и гражданственность в глухом крае, св. князь в то же время оборонял пределы муромские от болгар и мордвы. Наследовав Черниговское княжество, он предал Муром своему племяннику. Он скончался, горько оплакиваемый народом, в 1129 г. в Муроме и положен там в Благовещенском соборе, близ гробниц его сыновей — Михаила и Феодора.

С половины XIV века при гробе князя стали совершаться чудеса. Пред Казанским походом, молясь у гробницы, Иоанн Грозный дал обет, в случае дарования ему победы, воздвигнуть новый храм Благовещения. При постройке этого храма обретены мощи святого Константина и чад его нетленными и положены в особом месте стены.

Там, где убит был благоверный князь Михаил, поставлен храм его имени.

Посреди тех междоусобий, которые велись князьями из-за обладания киевским престолом, принял мученическую кончину св. великий князь Игорь (во св. крещении Гавриил). Он происходил из мятежного рода князя Олега Черниговского, на котором св. Мстиславу Великому столько раз пришлось выказать свое великодушие. Брат Игоря, Всеволод, восхитил киевский престол у потомков Мономаха и, умирая, передал его брату Игорю, которому киевляне и дали обет верности. При этом, однако, они просили, чтобы Игорь сменил вельмож брата, которые угнетали народ; окруженный дурными советниками, несмотря на добрые намерения умирить Киев, Игорь медлил исполнить обещание, и тогда киевляне, не любившие олеговичей и желавшие мономаховичей, предложили тайно престол внуку Мономахову, Изяславу Мстиславичу (брату св. Всеволода и Ростислава), который и пошел на Киев.

Князь Игорь. Рисунок из «Отечественного пантеона великих князей», 1850 г.



По дороге его встретили послы киевской

области и говорили:

— Мы все за тебя; не хотим олеговичей. Где увидим твои знамена, там и будем.

Между тем черниговские князья медлили помощью Игорю, торговались с ним, а когда собрались, было уже поздно. Киевские бояре под личиной верности Игорю ссылались потихоньку с Изяславом, и когда началась битва, Игорь увидел явную измену: в киевских полках развевались знамена Изяслава, и киевские бояре открыто передавались ему. Рать Игоря была разбита, Изяслав торжественно вступил в Киев и занял престол, а несчастного Игоря, слабого ногами, схватили в болоте, где увяз его конь, держали несколько дней в подгородном монастыре на Выдубицах, потом заключили в темницу в Переяславле. В своем бедствии он не имел и того утешения, чтобы кто-нибудь пожалел о нем, кроме верного его брата. Так он нес на себе расплату за грехи отца.

Вскоре, изнуренный печалью и болезнями, он изъявил желание отказаться от света.

— Давно и в самом счастье, — говорил он, — я хотел посвятить Богу душу мою. Ныне,

в темнице и при дверях гроба, могу ли желать другого!

Изяслав ответил ему:

— Ты свободен; но выпускаю тебя только ради твоей болезни.

Его отнесли в келью; 8 дней лежал он, как мертвый, но после пострига совершенно выздоровел и принял схиму в киевской обители св. Феодора.

Верный брат его Святослав желал отомстить за него, и Изяслав должен был выступить против него в поход, и прислал в Киев, прося помощи.

— Идем за тебя и с детьми, — кричали киевляне в ответ на речь посла Изяславова. Но в это время нашелся человек, который стал разжигать давнюю ненависть к олеговичам.

— Мы рады идти, — говорил он, — но вспомните, что враг князя и народа Игорь не в темнице сидит, а живет спокойно в монастыре св. Феодора. Умертвим его и тогда пойдем спокойно на черниговцев!

Народ безумный, как всегда безумна разжигаемая толпа, завопил:

— Да умрет Игорь!

Напрасно брат Изяслава Владимир увещевал народ.

Бунтовщики кричали:

— Нельзя разделаться добром с племенем Олеговым, — и толпами бежали к монастырю.

Когда Владимир подъехал к воротам обители, они уже вели князя, которого схватили за литургией в храме. Напрасно тысяцкий и митрополит умоляли народ оставить Игоря.

— Куда ведут меня, брат любезнейший? — спросил Игорь.

Владимир закрыл его своею одеждой, привел в дом к своей матери, запер ворота, невзирая на ярость мятежников, которые толкали и били его. Наконец, разъяренная толпа вломилась в дом. Игоря безжалостно убили и волокли нагого по улицам до торговой площади. Потом тело Игоря перенесено было в церковь, облачено в соответствующую одежду и предано земле.

Совершая погребение, игумен Феодоровской обители воскликнул:

— Горе живущим ныне! Горе веку суетному и сердцам жестоким!

В это время загремел гром: народ ужаснулся и стал плакать поздними слезами.



Убийство князя Игоря киевлянами. Радзивилловская летопись. XV в.

Св. князь Игорь убит 19 сентября 1147 г. В приделе св. Иоанна Богослова Великой церкви Киево-Печерской лавры находится Игоревская икона Богоматери, пред которою он молился перед смертью, принятою им, после терпеливых страданий за 14-дневное великое княжение, столь покорно и кротко.

Память его установлена праздновать 5 июня.

По летописи, св. Игорь был среднего роста,

сухощав, смугл, носил длинные волосы и узкую, небольшую бороду. В 1150 г. верный брат его перенес его мощи в Чернигов, где они были погребены в Преображенском соборе. Ныне они находятся неизвестно где. Есть весьма основательное предание, что во время нашествия Батыея они с ракой опущены под пол собора и там стоят донныне. В конце прошлого века оборвалась часть карниза и проломилась пол. Когда спустились в пролом, то увидели, что этот же кусок отшиб часть стоявшей глубоко под полом раки, о существовании которой ничего не знали, и через отверстие было видно нетленное тело в княжеской одежде.

Суздальско-Владимирское княжество, как предтеча Москвы. Его создатель св. Андрей Боголюбский. Сыновья его. Свв. Глеб и Изяслав

Те примеры миролюбия, которые явили Владимир Мономах, святые Мстислав, Всеволод, Ростислав; такие ужасные жертвы междоусобий, как св. Игорь; страшное пророчество, произнесенное игуменом над телом этого убиенного князя, — все осталось тщетным, ничто не могло отучить князей от их непрерывных распрей.

Вся Русская земля изнывала и слабла от нескончаемых войн, за которыми и уследить при изучении их трудно. Вчерашние враги становятся сегодня союзниками, чтоб завтра опять бороться, и в этих постоянных междоусобиях заглушался голос совести, ни во что вменялись клятвы, а, главное, забывалась судьба всей земли. Для частных стремлений и

отношений князей приносилось в жертву общерусское дело. И, когда хлынули разрушительным потоком с востока страшные татары, они не встретили перед собой мощной и грозной стены целого единого государства, а лишь кучу разрозненных уделов, — и, не задерживаемые дружным отпором, пронеслись губительным потоком почти из края в край Русской земли и покорили ее.

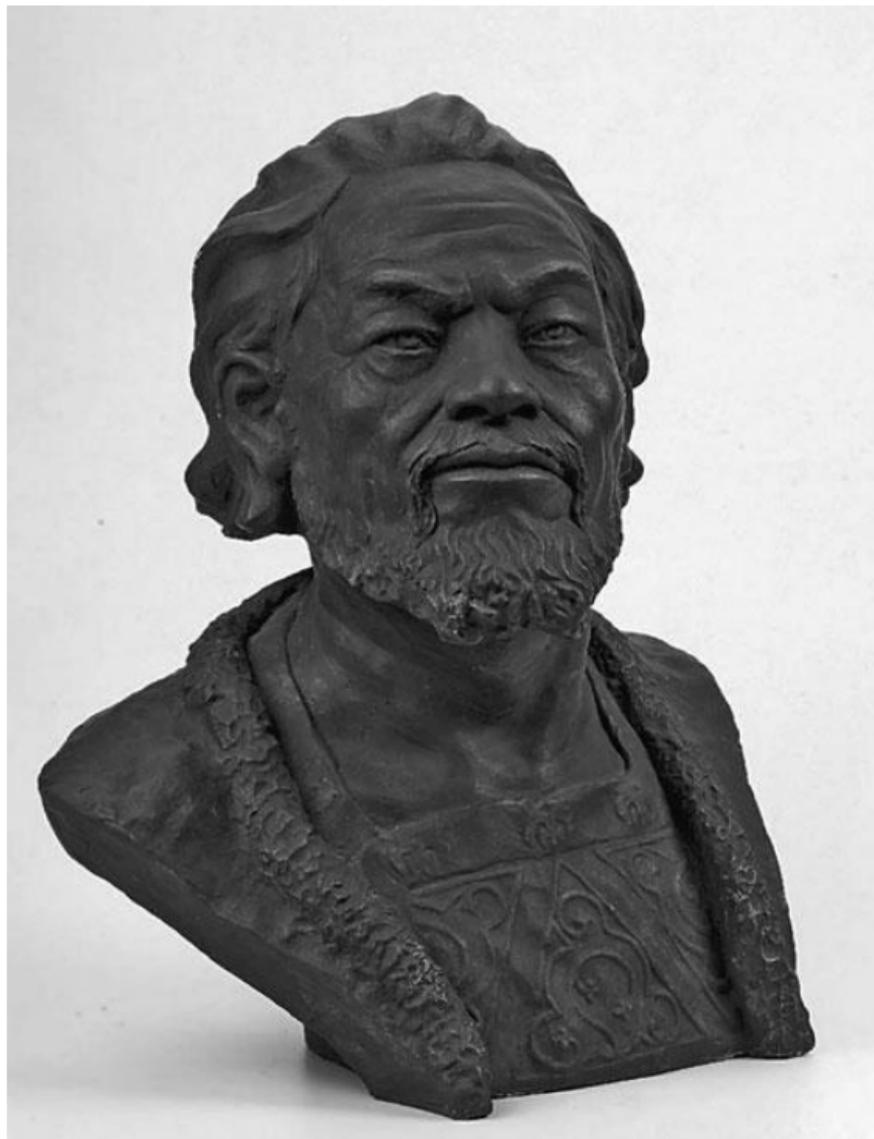
Самому имени земли Русской предстояла бы конечная гибель, если бы Божий Промысел заранее не подготавливал незримо и тихо такую силу, которая должна была спасти погибшую Русь.

Киевская Русь, еще ранее чем за сто лет до нашествия татар, своими междоусобиями осудила себя на гибель. Она доказала свою несостоятельность. Просветив русский народ верой — заслуга неоцененная, — она дальше ничего не дала ему. На смену ей надлежало выступить новой силе. Мало-помалу в северной части России вырабатывается новое явление: князья тихие, расчетливые, мудрые хозяева, с деятельностью несокрушимо последовательной, без шума совершающие свое дело,

от отца к сыну и к дальним потомкам неутомимо и молчаливо стремящиеся все к одной цели — *объединению* земли, утверждению единовластиа.

Вырабатывается народ спокойный, стойкий, терпеливый, бесконечно доверяющий своим вождям и им всецело покорный. Вырабатывается ничем несокрушимая вера и князей, и народа в то, что создание русского государства есть дело богоугодное, святое, что за Русь — Бог, что работа в самые отчаянные беспросветные минуты государства не останется бесплодною, потому что удел Руси велик. Дружно с князьями и народом, ободряя их, работают святители, духовною властью поддерживая эти выстраданные жизнью убеждения и надежды.

И, мало-помалу, вместо раздробленных, бессильных уделов является единая Русская земля, стряхивает иго, вырастает в неделимое царство, покоряет прежних поработителей, раздвигается во все стороны, и перед изумленным миром встает великая, грозная в своей правде и святая в своих стремлениях Россия.



*Князь Андрей Боголюбский. Портрет-ре-
конструкция Михаила Герасимова. 1939 г.*

Это дело — было дело Москвы, истинной собирательницы земли Русской.

Выработка же нового строя началась в княжестве Владимиро-Суздальском, послужившем переходною ступенью от Киева к Москве.

Внук Мономаха, сын беспокойного Юрия Долгорукого, который в жажде киевского престола наполнил междоусобием всю Русскую землю, Андрей Боголюбский был одним из самых дальнозорких лиц во всей Русской истории и прозван современниками за ум вторым Соломоном.

Оставив мысль о киевском престоле, он удалился в наследственную Суздальскую область, где народ не менял князей, служил им усердно и сражался за них мужественно. Тут он положил начало великому княжению суздальскому или владимирскому. Он старался не вмешиваться в бурную вражду князей, заботясь о процветании своего удела. Имея не только доброе сердце, но и превосходный разум, он видел ясно причину государственных бед и желал спасти от них хотя бы свою об-

ласть: он уничтожил порядок уделов, княжил единовластно, не давая городов ни братьям, ни детям.

Глубоко набожный, он старался освятить свое княжество святынями.

Он принес из Киева знаменитую икону Богоматери, Владимирскую, написанную св. евангелистом Лукой. На берегу Клязьмы, не доезжая Владимира, кони, везшие икону, остановились и не могли сдвинуться с места. Здесь Андрей построил каменный храм и поставил на время икону, место же назвал Боголюбово, так как Богоматерь возлюбила его. Во Владимире он воздвиг великолепный собор, перенес в него икону и богато украсил ее. Для украшения собора были выписаны из разных земель художники. Его драгоценные сосуды, золотые двери, паникадила, серебряный амвон, живопись, богатые оклады икон удивляли русских и иностранцев. Имея к иконе теплую веру, он всегда брал ее с собой в походы. В 1164 г. он молился пред нею, готовясь к битве с камскими болгарами. Разбив их и молясь с благодарностью перед иконой и животворящим крестом, он увидел воссиявший от них

свет, который озарил все войско. В тот же день император греческий Мануил видел свет от креста Господня и разбил сарацин. В память этого двойного события установлен 1 августа праздник всемилостивому Спасу.

Богоматерь Владимирская. XII в.

Св. Андрей надеялся испросить у царьградского патриарха отдельного митрополита для северной России, с тем, чтобы кафедра его была во Владимире.

Пышно процветало при нем в его области православие. Открыты в Ростове мощи святителей Леонтия и Исаакия, и все эти святыни также способствовали возвышению севера.

Летописец с теплотой говорит о душевной красоте Андрея Боголюбского.

«Сей благоверный и христолюбивый князь с юных лет возлюбил Христа и Его Пречистую Матерь, очистил ум свой как светлую палату и украсил душу всеми добрыми нравами. Много создал он церквей и монастырей. Не омрачил он ума своего пьянством: был кормителем чернецам и черницам и для всех людей любвеобильным отцом. Особенно же лю-



бил подавать милостыню: каждый день приказывал возить по городу различную пищу и

питье и раздавать больным и нищим, и, видя всякого нищего, подавал ему и говорил себе: «Не Христос ли это пришел испытать меня?» По ночам входил он в церковь, сам зажигал свечи и, повергаясь пред иконами, со смиренным сердцем молил о прощении грехов и плакал о них».

Древний собор во Владимире

Великий князь Андрей, — как говорит летописец, — был женат на дочери боярина Кучки. Этот состоятельный человек, владелец селения Москва, был казнен отцом Андрея, Юрием Долгоруким, а дочь его выдана за Андрея. Он осыпал милостями ее братьев, но должен был казнить одного из них за злодеяние. Другой возненавидел за это Андрея и подстрекал против него бояр, внушая им, что их ждет та же участь. Это было тем легче, что строгость Андрея, твердого и искоренявшего злоупотребления бояр, развела много недовольных.

Некоторые из заговорщиков были доверенные, близкие к князю лица.

В глубокую ночь, с 29 на 30 июня 1175 г.,



они пришли к дворцу в Боголюбове, для смелости напившись в княжеском погребе вина

и меду, зарезали сторожей, вломились в сени и горницы и стали звать Андрея. При князе находился один из его отроков. Злодеи отбили дверь спальни. Андрей хотел взяться за свой меч, принадлежавший некогда святому Борису, но не нашел его, так как его вытащил заранее из-под изголовья изменивший князю ключник.

Два человека бросились на князя. Сильным ударом он сшиб первого с ног, и товарищи в темноте умертвили его вместо князя. Долго боролся Андрей. Израненный мечами и саблями, он говорил: «За что проливаете кровь мою? Рука Всевышнего казнит убийц и неблагодарных».

Наконец он упал на землю. В замешательстве злодеи схватили тело товарища и поспешили выйти вон. Андрей в беспомощности вскочил и побежал за ними с громкими стонами. Убийцы воротились, зажгли свечу и по следу крови Андреевой дошли в сенях до столба лестницы, за которою сидел князь. Один из них отрубил князю правую руку; другие вонзили мечи в сердце. Андрей успел сказать: «Господи, в руки Твои предаю дух мой!»

и скончался.

Убив еще любимца княжеского, заговорщики овладели казной государственной и драгоценностями и послали во Владимир объявить боярам и дружине о смерти великого князя, называя их своими единомышленниками.

— Нет, — отвечали владимирцы, — мы не были и не будем участниками вашего дела.

Но жители Боголюбова взяли сторону убийц и разграбили дворец.

Тело Андрея лежало на огороде. Преданный слуга убиенного стоял над ним и плакал. Увидя ключника, он потребовал ковра, чтобы покрыть обнаженный труп. Ключник ответил:

— Мы готовим его на съедение псам.

— Изверг, — сказал верный слуга: — государь взял тебя в рубище, а теперь ты ходишь в бархате, оставляя мертвого благодетеля без покрова.

Ключник бросил тогда ему ковер и мантию. Слуга отнес тело в церковь, где клиросные долго не хотели отпереть дверей. Отпели его на третий день, а через шесть дней влади-

мирский игумен привез тело во Владимир и положил в Златоверхом соборе Богоматери.

Мощи князя почивают открыто в серебряной раке, в посвященном его памяти приделе сооруженного им собора. «Видом, — как говорит летопись, — князь Андрей был не высок ростом, не широк в плечах, красив лицом, с волосами черными и кудрявыми, с высоким челом и большими светлыми очами».

Богоматерь Боголюбская, с припадающим святым князем Андреем Боголюбским. XVIII в.

Он умер за то стремление к единовластию, необходимость которого он так ясно сознал и осуществил. Но мысль, до которой он додумался, продолжала жить. Оставляя Руси будущего эту великую и животворную мысль, он оставил ей и свою заветную святыню, икону Владимирскую, ставшую прибежищем, оплотом и заветною святыней Русской земли.

Приведем слова знаменитого историка М. П. Погодина.

«Если вы будете во Владимире, ступайте в Кремль поклониться древнему зданию зодче-



ства в русском царстве (храму святой Богородицы Золотоверхой, — создание князя Андрея

Юрьевича Боголюбского). На правой стороне от северных дверей стоит серебряная гробница, и недалеко от нее висит древний шитый образ во весь рост усопшего. Помолитесь ему и поклонитесь мощам благоверного князя Андрея. Это был самый смысленный князь своего времени, который умел захватить в свои руки власть почти над всей своею братией, которого слушались равно и Киев, и Новгород, и Ростов, и Суздаль, и Владимир, князья смоленские, полоцкие, волынские и прочие. Но не тем он заслужил особенную память в летописях отечества, а вот чем: он обратил средоточие русской государственной тяжести в нашу сторону, он вывел на поприще истории другое племя, великорусское, самое младшее из всех племен славянских, и — второй Рюрик

— положил основание другому княжеству, которое примет в один из меньших городов своих, заложенный отцом его, все прочие... И заключит в себе судьбы отечества».

Имя Боголюбского звучит еще в наименовании иконы, на которой святой князь изображен в коленопреклоненной молитве перед

Богоматерью.

За девять дней до убиения св. Андрея (20 июня) скончался 20-летний сын его, благочестивый, чистый душой и телом князь Глеб. Мощи его были открыты в 1702 г., через пять с лишком веков по его преставлении. Они прославлены чудесами и отличаются особою жизненностью: рука князя свободно поднимается, гнется, наклоняется, как у живого. Ракка стоит в приделе того же Владимирского собора, ему посвященного.

В том же соборе почивает благоверный князь Изяслав, другой сын св. Андрея Боголюбского. На гробовой его плите лежат ратный шлем и стрелы и даруют исцеление верующим. Богомольцы надевают на себя шлем и держат в руках стрелы.

Св. Мстислав Храбрый

Теплым отрадным светом сияет жизнь князей, которые в эти грустные времена разделения и распрей, подготовивших падение Руси, сияли великодушием и правдой.

Внук св. Мстислава Великого, сын св. Ростислава, Мстислав Ростиславич еще в молодости заслужил прозвание Храброго столько же по отваге в битвах, сколько по благородству души, какое его отличало. Как пишут современники, с юности он привык не бояться никого, кроме единого Бога, и всю жизнь вступался за правых против виноватых и за слабых против сильных.

Когда Андрей Боголюбский предоставил Киев, уже как простой удел, князю, имевшему на него менее прав, чем братья Мстислава, Мстислав вступился за их права. На угрозы Андрея он отвечал:

— Не страшимся. Исполни их. Идем на суд Божий.

Собрав громадную рать, свыше 50 тысяч воинов и более 20 князей, Андрей осадил Вышгород, где заперся с малочисленной дружи-

ной Мстислав. Необозримый стан осаждающих представлял невиданное зрелище. Ничтожная крепость, обороняемая горстью людей, казалась целью, недостойною этого ополчения, которое могло бы разрушить или завоевать сильную державу.

Единоборство князя Мстислава Владимировича Удалого с косожским князем Редедей. 1812 г. Худ. Андрей Иванов

Но среди князей осаждающих не было согласия. Девять недель прошло в битвах, с большими потерями с обеих сторон. Когда к Мстиславу направился неожиданный союзник, это незначительное для силы рати Андреевой обстоятельство произвело среди нее такой переполох, что она обратилась безумно в бегство и ночью толпами кидалась в реку. Мстислав стоял на стене Вышгорода и при свете зари видел это непонятное бегство многочисленного войска, гонимого как бы сверхъестественною силой в глубину Днепра. Он едва мог верить этому зрелищу и, подняв руки к небу, восхвалил святых заступников Вышгорода, Бориса и Глеба, сел на коня и до-



вершил поражение, взяв неприятельский стан и обозы. Пленных же отпустил на волю

без выкупа.

Посадив в Киеве брата своего Романа, он отдал ему и Смоленск, а себе не искал никакого удела: он был везде, куда звала его правда и слава.

Новгородцы прислали звать его к себе на княжение, но он колебался, говоря, что не хочет расстаться с добрыми братьями и своею отчиной — Смоленском.

— А великий Новгород разве не твоя отчина? — сказали ему новгородцы. — Пойди, князь, поклонись св. Софии, послужи ей верой и правдой, как служили дед твой и прадед.

И Мстислав пошел, потому что добрая душа его всегда рвалась на дела великие.

Весь Новгород: народ, бояре, духовенство с крестами, с ликованием вышли ему навстречу. Возведенный на престол в Софийской церкви, Мстислав дал слово блюсти честь и пользу Новгорода и сдержал это слово. Узнав, что эстонцы осадили Псков и постоянно беспокоят границы, он в несколько дней собрал 20000 войска и пошел на них, радуясь столь многочисленной рати. Но эстонцы

немедленно побежали. Он прошел их землю до моря, взял множество скота и пленников и готовился к другим предприятиям, как в цвете мужества, сил и надежд был сражен смертельным недугом.

Он велел нести себя в церковь, причастился после литургии святых Тайн и смежил очи пред дружиной, в объятиях супруги, поручая детей своим братьям; и успокоились крестообразно его мощные руки на широкой груди, верно оборонявшей Новгород. Он отошел 14 июня 1180 г. Его мощи почивают открыто в Софийском Новгородском соборе.

Летописцы описывают его мужественную красоту, светлый и смелый взгляд голубых очей, исполинский рост, необыкновенную силу — внешнюю прекрасную оболочку великой души.

Удача в победах соединялась в нем с младенческим добродушием. Новгород и вся Русь неутешно оплакивали в Мстиславе благородные намерения для славы Руси, детское незлобие и простоту, соединенную с пылкой гордостью благородного сердца, ненависть ко лжи, смирение перед старшими, милосердие

ко всем несчастным, обездоленным, страждущим, гонимым, на защиту которых стремились неудержимо его золотое сердце, одушевление горячей веры, беспредельное усердие к Богу и Церкви.

Святой благоверный князь Мстислав Храбрый. Икона месячной минеи. 1892 г.

Современники называют его украшением его века и России.

Другие воевали для корысти, а он для правды и славы; презирая опасности, еще более презирал он золото, и всегда отдавал его войнам и Церкви. В битвах ободрял людей словами:

— За нас Бог и правда; умрем ныне или завтра: умрем же с честью.

«Не было такой земли на Руси, — говорит летописец, — которая не хотела бы повиноваться ему, и где бы о нем не плакали».

Одна из самых отрядных личностей русской истории, Мстислав соединил в себе все лучшие свойства людей киевского времени русского государства. Казалось, перед тем, чтоб уступить место новым времени и людям



иною склада, каких требовали иные обстоятельства жизни, напряжением всех сил своих

Киевская Русь, как венец свой, выставила это светлое явление, сказала им последнее свое слово.

Не выдающимся государем, не дальновидным политиком, не мудрым преобразователем был Мстислав. Не умом поражал он современников и изумляет потомков, а дивною правдой горячего, великого сердца, что крепче и могущественнее всего притягивает к себе людей; и вот почему биение этого золотого бесценного сердца, чистый и цельный лик этого самоотверженного человека, выделяясь особенно ярко на темном фоне тогдашних распрей и себялюбивых стремлений, никогда, — пока живет и чувствует хоть один русский человек, — не будет забыт, как последний стройный отзвук древнебогатырской Руси.

Все то хорошее, что было в предшествовавших Мстиславу русских поколениях, слагаясь из задатков русской природы, переработанной влиянием веры, все это он сочетал в себе в удивительном согласии.

Не отыскивая и не пролагая новых путей, он всей душой послужил той правде, какую

научился понимать ее от лучших людей своего времени, и, цельный в своем постоянном воодушевлении, сумел всю свою короткую, но полную жизнь провести в области самых возвышенных и чистых стремлений и подвигов.

Кротким, не грустным, не робким и мерцающим, но спокойно уверенным в себе светом сияет святой образ благородного русского витязя Мстислава на пороге к иным ожидавшим Россию путям и новой труднейшей эпохе.

**Свв. Евфросиния Полоцкая,
Евпраксия Псковская,
Евфросиния Суздальская,
великая княгиня Мария,
преп. Харитина, княжна
литовская, великая княгиня
Феодосия, св. Федор
Новгородский**

Пока благоверные князья русские усердным служением родине, подвигами молитвы и смирения среди славы земной достигали святости, — сияли на Руси праведностью и причислены к лику святых и жены княжеских семей. Выше было говорено о некоторых святых женах рода Владимира Равноапостольного. Вот еще имена тех, которые принадлежат по времени жизни к Киевской Руси.

Крест Преподобной Евфросинии, княжны полоцкой. 1161 г. Утрачен в годы Великой Отечественной войны



Дочь полоцкого князя Предислава, воспитанная родителями в страхе Божием, с юных

лет отличалась разумом и глубоким пониманием книжного учения; и рано созрела душа ее, чуждалась она мирской суеты и отвернулась от мира, прежде чем опытом вкусила его тщету и горечь. Красота Предиславы привлекала к ней много женихов, но ее сердце уже было всецело охвачено любовью Божественною. Она тайно ушла в монастырь, где сестра ее отца была игуменьей, и здесь, после долгих настойчивых просьб, приняла пострижение, с именем Евфросинии.

Обычная монашеская жизнь не удовлетворяла ее души, жаждавшей суровых подвигов. Она испросила позволение жить в пристроенной к киевскому Софийскому собору келье. Тут в полном уединении предавалась она сосредоточенной молитве, трудилась над переписыванием книг, и ту плату, какую выручала за эту тогда дорого оплачиваемую работу, раздавала нищим. Велика была пред Богом и на этой трудовой милостыни. Однажды ей было некоторое видение, и она решилась основать свой монастырь. От епископа она получила для этого место за городом с находящеюся на нем Спасскою церковью.

Скоро к ней стали собираться сестры. Между ними была ее младшая родная сестра, княжна Градислава, в иночестве Евдокия, ее двоюродная сестра Звенислава тоже отреклась от мира и много помогла устройству монастыря, принеся с собой все имущество, назначенное ей в приданое. Она наречена в монашестве Евпраксией.

Созидая обитель, св. Евфросиния около 1160 г. вместо деревянного храма, бывшего до основания монастыря, воздвигла каменный, уцелевший до нашего времени. Доныне хранит он признаки древности: живопись на стенах в древневизантийском вкусе, а на хорах две крестообразные келии, где молились преп. Евфросиния и сестра ее. Сохраняется там и драгоценный напрестольный крест — дар основательницы, с частицей животворящего древа.

Связанная родством с греческими императорами, преподобная выпросила у них великую святыню — одну из икон Богоматери, писанную евангелистом Лукой, дотоле стоявшую в Ефесе. Впоследствии, при выходе замуж полоцкой княжны за благоверного князя

Александра Невского, икона эта была принесена невестой в Торопец, где и пребывает поныне под именем Торопецкой или Корсунской.

Заботясь о спасении сестер своей обители, она часто беседовала с ними, возбуждая их к подвижничеству и духовной бодрости. «Я собрала вас для Бога, — говорила она, — как птица собирает птенцов. Возрастайте же в добродетели от силы в силу, чтобы я могла радоваться плодам трудов моих. Я стараюсь сеять в вас слово Божие, — но душевная ваша нива не остается ли в том же виде?.. А жатва близка, и лопата отбросит плевелы от пшеницы... Творите же из себя спелую пшеницу Христову: трудами поста, чистотой, любовью, молитвами измелитесь в жерновах смирения, да будете Богу, как хлеб сладкий...»

*Торопецкая икона Божией Матери.
XII–XIV вв.*

Св. Евфросиния памятна еще, как одна из первых русских паломниц. Издавна желая посетить Палестину, где родился и жил Спаситель мира, преп. Евфросиния перед концом



исполнила это желание. Поручив монастырь сестре, она с двоюродною сестрой и братом

поплыла па Восток. Поклонясь святыням Греции, она направилась в Иерусалим. Остановилась она в русском монастыре и несколько раз была у гроба Господня и поставила над ним золотую лампаду. Обойдя прочие места, освященные памятью Спасителя, она возвратилась в Иерусалим, занемогла и 23 мая 1173 г. отошла к Богу, Которого с младенчества искала всеми силами души.

Она была сперва положена в окрестностях Иерусалима, а впоследствии ее св. мощи перенесены в киевские пещеры, где и теперь почивают. По мощам виден величественный рост подвижницы.

Прмц. Евпраксия Псковская на хромографии 1873 г.

* * *

Супруга великого князя Всеволода Юрьевича, прозванного «Большое гнездо», великая княгиня Мария славна была и чадолюбием, как мать многочисленной семьи, и мудростью государственною; и благочестием. Она основала во Владимире девичий монастырь, получивший имя *Княшина*; там хоронили супруг и дочерей князей владимирских. Лю-



била украшать храмы золотыми и серебряными сосудами. Не сохранилось о ней подроб-

ных сведений, но летописцы называют ее русскою Еленой, Феодорой, второю Ольгой. Последние семь лет жизни она провела в страданиях от тяжкого недуга и показала пример удивительного терпения, часто сравнивая себя с Иовом. Перед кончиной она призвала сыновей и, точно предчувствуя близкую гибель Руси, ослабленной княжескими междоусобиями, заклинала детей жить в мире, любви и согласии. Она напомнила при этом слова Ярослава Мудрого, что распри княжеские губят отечество, возвеличенное трудами предков. Она также советовала детям быть набожными, трезвыми, приветливыми ко всем и особенно уважать старцев, по изречению Библии: «во мнозем времени премудрость, во мнозе житии ведение». Она приняла пострижение за 18 дней до кончины и скончалась 19 марта 1206 г. Гробница ее — в соборе основанного ею монастыря. Она — мать убитого в битве при Сити св. великого князя Георгия.

В Пскове, в Иоанно-Предтеченском монастыре, поживает его основательница, память которой почитается псковитянами, — княгиня

ня Софрония (в иночестве Евпраксия). Супруг ее, сын псковского князя, Ярополк, беспокойно и мятежно провел свой век; был то врагом, то союзником немцев, постоянных неприятелей Пскова. Он, наконец, отверг свою благочестивую — супругу, ушел к рыцарям и женился на немке. Княгиня постриглась в основанном ею монастыре. Однажды была она вызвана для свидания с мужем в Оденпе (Медвежья Голова) и здесь убита пасынком 8 мая 1243 г.

Через несколько дней после погребения в Пскове икона Спаса над ее могилой обильно источила миро. Икона и поныне находится там. Св. княгиня Евпраксия славилась в России как памятью добродетельной и грустной жизни, так и чудесами.

Преподобная Евфросиния Суздальская на иконе XVIII в.

* * *

Старшая дочь князя Михаила Черниговского, который прославился потом мученической кончиной в орде, княжна Феодулия, с детства благочестивая, не думала о жизни в миру. Родители ее хотели выдать ее замуж за князя Мину, который жил в Суздале и был по-



томком варяжского князя Шимона, много способствовавшему преп. Антонию и Феодо-

сию Киево-Печерским в украшении церквей. Не противясь воле родителей, покорная княжна в душе тосковала, что этим браком она будет лишена иночества. Ее везли уже в Суздаль, как жених скончался. Приняв это за указание Божие, она уже не вернулась к родителям.

Она доехала до Суздаля и приняла здесь постриг в Ризположенском монастыре, с именем Евфросинии. Всю жизнь провела она здесь в строгом подвижничестве, была настоятельницей обители и, когда совершилось нашествие на Русь Батыея, сохранила монастырь своими молитвами от разорения. Она преставилась 25 сентября 1250 г. В 1698 г. ее мощи обретенны нетленными и положены в соборном храм ее обители.

* * *

В двух верстах от Новгорода, в древней Петропавловской, обращенной в кладбищенскую, церкви, уцелевшей из бывшего здесь прежде женского монастыря, почивают мощи бывшей настоятельницы его преп. Харитины, княжны литовской. Некоторые полагают, что она была невестой умершего перед самою

свадьбой св. князя Феодора Ярославича.

* * *

Внучка знаменитого святого Мстислава Ростиславича Храброго, дочь праведного Мстислава Мстиславича Удалого, великая княгиня Ростислава (в крещении Феодосия) была супругой великого князя Ярослава Всеволодовича, первого великого князя, занявшего престол уже под игом татар. Вскормив большую семью и деля с супругом страшное общерусское горе, гибель родных князей, скорь подневолья, она пережила еще ужасное горе: смерть старшего, любимого сына в цветущей молодости. Покорно приняла она этот крест, говоря: «Ты, Господи, дал; Ты и взял. Да будет благословенно имя Твое». В конце жизни постриглась она с именем Евфросинии и по кончине (4 мая 1244 г.) схоронена близ сына в соборной церкви Юрьевского новгородского монастыря.

Александр Невский и его старший брат князь Феодор на иконе XVIII в.

* * *

Князь Феодор Ярославич славился удивительной красотой внешнею и возвышенною



душой. По воле отца, он уже должен был вступить в брак. Уже готова была невеста, созва-

ны князья и вельможи, как вдруг напала на жениха внезапная болезнь и, вместо свадебного пира, пришлось положить его в гроб (5 июня 1233 г.). Народ плакал вместе с родителями. Летописец в таких словах отмечает это событие: «Преставился князь Феодор, сын Ярославль вящший, и положен бысть в монастыре святого Георгия (Юрьевъ), и еще млад, и кто не пожалует сего? Сватба пристроена, меды уварены, невеста приведена, князи позвани, и бысть в веселия место плач и сетование за грехи наши».

Когда в 1614 г. шведы взяли Новгород, они вынули гроб святого князя Феодора из земли и открыли его. Митрополит новгородский Исидор перенес гроб в Софийский собор. Мощи оказались не только нетленными, но от них совершались и многие чудеса. Он почивают открыто в серебряной раке... Этот князь был старший брат св. Александра Невского.

В Переяславском соборе почивают нетленные мощи св. Андрея, князя смоленского (XIII в.).

Св. Петр и Феврония муромские. Великий князь Константин Всеволодович

Полна необыкновенных обстоятельств была жизнь святых супругов князей муромских.

Младший брат удельного князя муромского, Давид, в молодых годах тяжело заболел: все его тело покрылось струпьями. В той стране славилась красотой и умом дочь пчельника, именем Евфросиния. Она вылечила его мазью. Князь в радости дал обещание жениться на ней. Но потом, как прошла первая радость, он раздумал, находя, что неприлично ему жениться на девушке столь незначительного происхождения. После такого решения болезнь снова напала на него, и Евфросиния опять излечила больного. Тогда Давид женился на ней. Пришло время — он стал после брата наследником престола Муромского. Но бояре муромские объявили ему: «Твоя жена оскорбляет своим происхождением наших боярынь; или отпусти ее, или уходи из Муро-

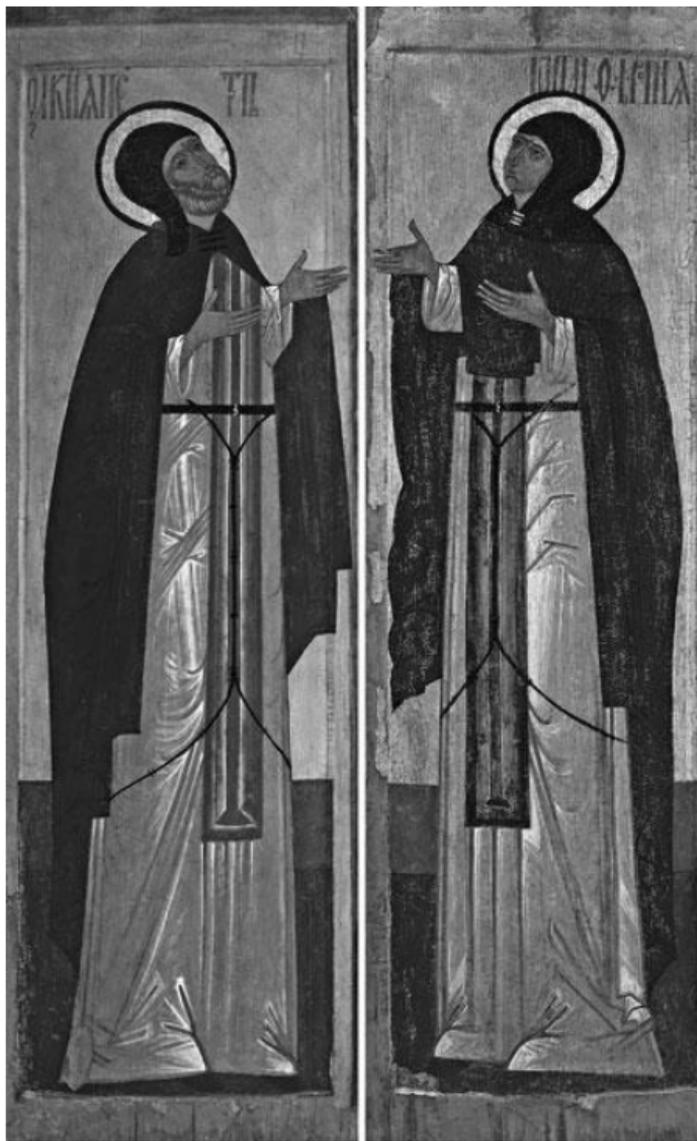
ма». Хорошо поступил тут князь — он решил лучше остаться верным супруге, с которою был венчан пред алтарем и которая столько сделала для него, чем без нее пользоваться властью, и ушел из Мурома.

Князь Петр и княгиня Феврония Муромские. XVI в.

Жертва эта была не легка. Он должен был вести очень скудную жизнь и часто тем скучал. Но его разумная и крепко веровавшая в милость Божию княгиня говорила ему: «Не печалься, князь, — Бог милосерден и не оставит нас в бедности». И действительно, скоро в Муроме пошли неурядицы, и князя Давида просили обратно на княжение.

Правление его было мудрым: твердое, но мягкое, милостивое, и не злобное. Во всем княгиня помогала ему советами, больше же всего прилежала добрым делам.

Испытав унижение и бедность, они не знали ни гордости, ни жадности к деньгам. Зная, что такое нужда, покоили странников, помогали обездоленным, почитали чин священнический и иноческий. В частном быту они жи-



ли жизнью чистой, целомудренной и постнической. Достигнув старости, они единовре-

менно приняли монашество. Князь — с именем Петра, а княгиня — с именем Феврония.

Скончались они на пасхальной неделе 1228 г. и положены, как завещали, в одном гробе.

Преподобный князь Петр и преподобная княгиня Феврония, муромские чудотворцы, почивают в муромском соборе.

* * *

Остановимся на жизни еще одного праведного великого князя Константина Всеволодовича.

Князь Константин. Рисунок из «Отечественного пантеона великих князей», 1850 г.

Сын знаменитого государственным разумом великого князя Всеволода Юрьевича и праведной Марии, родной по отцу племянник св. Андрея Боголюбского, он с ранних лет слышал и видел вокруг себя примеры доброй жизни.

Двадцатилетним отец отправил его княжить в Новгород, уже славного мудростью, великодушием и добродетелями христианскими. Его так любили во Владимире, что



отъезд его всех опечалил. Бедные в особенности горевали, что лишаются своего благотворителя. Отпуская его, отец вручил ему крест и

меч. «Иди править народом, — сказал он, — будь его судьей и защитником. Новгород Великий есть древнейшее княжение в нашем отечестве. Бог, государь и родитель твой дают тебе старейшинство между всеми князьями русскими. Гряди с миром. Помни славное имя свое и заслужи его делами».

Трогательно выразилась любовь народная при проводах Константина. Собрался весь город, вельможи, купцы и простые люди. Народные толпы громко осыпали его благословениями.

В Новгороде князь, твердый, несмотря на юность и доброту души, зорко оберегал свою власть. Горожане засыпали покойно; мятежные страшились. Но и в этой светлой жизни было пятно. В год смерти отец вызвал к себе Константина и дал ему в удел Ростовское княжество, а потом назначил его преемником достоинства великокняжеского, с тем, чтоб он уступил Ростовское княжество следовавшему за ним брату Георгию. Но сын ослушался отца, желая наследовать великое княжество Суздальское в целости. Раздраженный Всеволод в торжественном и многочисленном со-

брании объявил своим наследником Георгия, которому он и поручил великую княгиню и младших сыновей. Все безмолвствовали, как ни любили Константина.

После распрей и столкновений Константин, с помощью вступившего с ним в союз князя Мстислава Мстиславича Удалого

(сына св. Мстислава Храброго), в страшном бою при Липецке, где пало 10000 суздальцев-ладимирцев, одержал решительную победу над Георгием и занял великокняжеский престол.

Но, достигнув своей цели, Константин стал действовать великодушно: призвал Георгия к себе, объявил его наследником великого княжения и дал ему Суздаль. Братья искренне примирились...

Чувствуя слабость, Константин три года своего великого княжения заботился больше о небесном, чем о земном. Можно предполагать, что память о неповиновении отцу, распри с братом, пролитой крови — тягостным бременем лежала на его душе и сокрушила, изожгла горячим раскаянием его великодушную природу. И последние годы его жизни мы

видим его в том исключительно высоком настроении души, какое обещали чудные годы его юности. Простим же солнцу то, что иногда его заволакивают тучи, и будем помнить при ясном и величавом закате о безоблачном восходе и радостном полудне.

Великий князь Константин покоил несчастных, раздавал милостыню, строил церкви, с восторгом встречал святыни, которые ему привозили из Греции. Незадолго до кончины он отправил в Ростов старшего сына, именем Василько, оставившего по себе в русской летописи столь же сочувственный отзыв, как отец; другого, Всеволода — в Ярославль. Приказал им жить согласно, благотворить сиротам, вдовам и духовенству, чтить Георгия как второго отца. Он преставился на 33 году, 2 февраля 1219 г. И плакали по нему бояре, слуги, нищие и монахи. Супруга его немедленно постриглась над его гробом и через два года отошла в вечность.

Восхваляя мудрость и добродетель этого князя, летописец говорит, что он не только читал многие душеспасительные книги, но и исполнял их на деле. Он весь дышал верой; а

кротость его была так велика, что он старался не опечалить ни одного человека, а словом и делом утешить всякого.

Вещественным памятником по себе он оставил начатый им и достроенный его сыном, святым Васильком ростовским, великолепный храм Успения Богоматери. Он славен был и просвещением. Когда вся Европа коснела в невежестве, у Константина были писцы, которые списывали для него множество рукописей, и он все их с любовью читал.

Праведный великий князь Константин Всеволодович погребен во Владимирском соборе, в приделе св. князя Глеба Андреевича.

Великое милосердие Божие к погрешившему, но великодушному князю не допустило его видеть гибель Руси, ослабленной княжескими распрями. Он был отозван туда, где нет борьбы, перед тем самым временем, как страшная гроза неслышно надвигалась на Русь; он умирал великим князем отечества вольнолюбивого и еще свободного. И когда ему в день Сретения Господня отверзлось небо, и он лицом к лицу воспел песнь Сретения, песнь освобождения от земли со всей ее

горечью, в числе пережитых им страданий он не мог назвать ужаснейшего, потому что был смертью избавлен от него. Он не успел узнать тогда, как узнала вся оставшаяся жить и вскоре за ним преставившаяся мученическая рать его князей-собратий, величайшего и неисцелимого земного горя: крушения отечества.

Приближение татарского ига

Мы доселе слышали лишь о распрях между доусобных, которые терзали Русь, и набегах других племен. Но эти набеги не оставляли неизгладимых последствий.

Теперь надо приступить к описанию громадного бедствия, которое изнурило государство, наложило страшную печать беспросветного страдания на многие поколения и оставило надолго неизгладимые следы в народе.

То было татарское иго.

В первой четверти тринадцатого века повелитель монголов, или татар, завоевал большую часть Азии. Около 1223 г. дикие татарские орды стали окружать Половецкие степи. Тогда множество половцев, ища спасения, бежали в Киев и принесли весть о нашествии неведомого грозного и опасного врага.

В Киеве собрался совет нескольких князей, на котором решили, что лучше идти прямо на врага и стараться одолеть его вне пределов Русской земли, чем ждать его вторжения. Особенно настаивал на этом князь галицкий Мстислав Удалой.



Миниатюра из «Сказания о Мамаевом побоище». XVII в.

К русской рати, стоявшей у Днепра, явились послы от татар, объясняя, что они не злоумышляют на русскую землю, а желают только разделаться с половцами; предлагали даже помочь им в этом и воспользоваться добычей. Князя вместо всякого ответа велели убить послов. Тогда новые послы объявили, что желание русских сбудется: они потянутся с монголами.

С любопытством встретившись с невиданным доселе врагом, Мстислав одолел передовой его отряд. Затем на берегу реки Калки 31 мая 1223 г., произошла великая битва. Желая один предвосхитить победу, Мстислав Удалой вступил в битву, не известив отдаленные части русского стана. Русские бились с мужеством чрезвычайным. Но половцы не выдержали удара монголов, смешались и побежали, чем и расстроили совершенно русские ряды, которые тогда не могли устоять; не могла удержать татар и застигнутая врасплох отдаленная часть русского стана. Все обратилось в бегство. Среди множества убитых было 6 князей, 70 богатырей. Летописец говорит, что русская земля от начала своего не видела такого

бедствия. Мощное, бодрое ополчение было скошено с земли. О его размерах и количестве нашей потери можно понять уже из того, что одних киевлян легло на месте 10 тысяч. Вообще, спаслась едва десятая часть рати.

Между тем у берегов Калки князь Мстислав киевский отбивался еще на укрепленной горе. После трехдневной битвы с ним татары предложили ему — выпустить его свободно, если он даст выкуп за себя и дружину. Но он был обманут: его, еще двух князей и всех русских, бывших с ними, изрубили, на их трупы настлали доски и стали пировать.

Так закончилось это грозное событие — последнее предупреждение Русской земле перед великим бедствием.

Вся южная Россия в трепете молилась Богу — и внезапно татары повернули к востоку и пошли в Великую Бухарию.

Еще дымились в развалинах опустошенные татарами селения, отцы, матери оплакивали убитых; а легкомысленный народ и князья уже успокоились. И вскоре опять начались междоусобные распри после общей радости северных князей, что не на них пало

нашествие.

Между тем необыкновенные явления в природе точно предвещали страшные события. Явилась комета, — звезда необыкновенной величины, — целую неделю в сумерки показывалась на западе, озаряя небо блестящим лучом. Сделалась летом необыкновенная засуха; загорелись леса и болота, густые облака дыма скрывали свет солнца, воздух был полон удушливой мглы, и птицы падали на землю мертвые. Это все было в год битвы на реке Калке.

В 1230 году по всей России случилось 3 мая землетрясение, так что каменные церкви расседались; В Киеве, в минуту этого землетрясения праздновали день преп. Феодосия, и в лавре князь, бояре и митрополит собирались сесть за трапезу, как здание поколебалось в своем основании, и сверху стали падать на пол кирпичи. Через десять дней произошло необыкновенное затмение солнца, и в небе, гонимые резким ветром, появились разноцветные облака. Народ ждал конца мира, на улицах стенали и прощались друг с другом.

В том же году мороз побил в северной Рос-

сии все озимые, и настал страшный голод, болезни и мор.

Ели трупы человеческие; некоторые убивали людей, чтобы добыть себе ужасную пищу; люди потеряли все хорошие чувства. В одном Смоленске умерло до 30 тысяч, в Новгороде — до 42. На площадях псы пожирали неубранные трупы и живых младенцев. Летописец приводит ужасное слово: «Новгород уже кончался».

Но иноземные купцы подвезли хлеб и, не заботясь о корысти, помогли в бедствии.

Все эти ужасы были как бы предзнаменованием крушения Руси.

Мы приблизились теперь к той грозе, которая постепенно, при глухих и далеких раскатах грома, при видных вдалеке зловещих молниях, надвигалась на русскую землю.

Взысканный бесчисленными милостями Бога, поселенный в стране, богатой дарами природы, получив в удел силу телесную, удивительный разум, быстрые способности, душу глубокую, благородные стремления, просвещенный, наконец, благодатным светом веры, русский народ не сумел достойно пользоваться-

ся всем этим.

Не думая о том, что задача правителя — мирным и тихим житием покоить народ и в этой тишине вести его к спасению вечному, князья раздирали Русь междоусобиями, а народ, не видя благих примеров, своевольствовал и мятежничал. Провидение могло представить народ его грустной участи — постепенному самоистреблению, или исправить его жестокою карой. И вот, зная сокровенные силы русского народа, Провидение испытывает его грозным вековым наказанием — предаёт его во власть чуждого народа. Здесь, в этом плену, в страшное время, выясняется вся любовь этого народа к Богу, верность Его Церкви. Все хорошее, что было затоптано раньше проявлением взаимной вражды, теперь является в чудном свете, в особенности в лице вождей народа — его князей.

Когда вожди старого времени, старых порядков полегли на полях битв и в сожженных городах: тогда во главе кончавшейся Киевской Руси выступили новые деятели, понесшие на своих плечах расплату за грехи отцов. Как те в себялюбивых стремлениях терзали

Русь, так эти, забывая себя, жертвами своих сил и жизни — покоили ее, израненную, истрадавшуюся, больную, безнадежно унылую, отхаживая ее, как мать отхаживает любимое детище. И здесь совершилось одно из величайших исторических чудес: на святых жертвах этих подвигоположников русского государственного величия — из жалкой татарской данницы выросла неделимая Россия, из трупы киевской раздробленной Руси после ига воскресла с задатками бессмертия недробимая, крепкая, неудержимо, как половодье могучей реки, рвущаяся к развитию Московская Русь.

**Нашествие Батыя
Мученики: князья Роман,
Олег, Феодор, Евпраксия,
Иоанн рязанские. Владимир,
Всеволод, Мстислав, Агафья,
Мария, Христина, Феодора
владимирские. Св. великий
князь Георгий Всеволодович,
св. Василий Константинович
ростовский, Василий
Козельский**

После смерти Чингисхана, орда которого произвела избиение русских у Калки, ему наследовал сын его Октай. Октай дал своему племяннику Батыю полмиллиона войска и велел ему идти на покорение северных берегов Каспийского моря и дальнейших стран.

Едва достигла, в 1237 г., области Рязанской весть о нашествии Батыя на закамских болгар, как сквозь густые леса монголы вступили в Рязанскую область.

На берегу реки Воронеж татарские послы встретили рязанских князей, желавших узнать их намерения. Теперь татары не искали уже, как прежде, в русских друзей, а требовали от князей одну десятую часть достояния их.

Ответ князей был: «Когда из нас никто в живых не останется — берите все». Послы поехали далее, во Владимир, к Георгию, который думал управиться один с врагами и, несмотря на просьбы рязанских князей, оставил их без помощи.

Князь Юрий Рязанский, оставшись без помощи, послал к Батыю сына своего Федора, жена которого из царского (вероятно, византийского) рода славилась красотой. Феодор жил в том месте, где стоит теперь город Зарайск и где он воздвиг храм святителя Николая для его чудотворной иконы, принесенной в землю Рязанскую в 1224 г.

Перед тем князь Феодор видел во сне святителя Николая, который сказал ему, что невидимо сопутствует своей иконе, приближающейся к его уделу, и обещал испросить царство небесное ему, его жене и сыну. Меж-

ду тем, Феодор тогда еще не был женат.

Когда Феодор прибыл с дарами к Батыю, Батый изъявил желание видеть его жену. Князь отвечал, что христиане не показывают жен нечестивым язычникам. Батый велел умертвить его. Княгиня Евпраксия, супруга его, получив известие о гибели любимого мужа, в беспамятстве ринулась с высоты терема на землю с младенцем на руках, и оба разбились до смерти, почему это место и названо *Заразом*, или *убоем*. На трех могилах были поставлены каменные кресты.

Отец Феодора, князь Юрий с малочисленным войском отважился на битву в поле, и здесь легли все витязи рязанские и князья. Только одного князя — Олега Ингваревича Красного привели к Батыю. Пораженный мужеством и красотой его, Батый предлагал ему дружбу свою, если он переменит веру. Олег с презрением отверг это предложение, и Батый приказал разнять его по частям.

Затем Батый двинулся на Рязань, обложил ее и оградил тыном. Кровь лилась пять дней; воины Батые переменялись, а граждане стояли все те же, не выпуская оружия из рук. На-

конец, зажгли город, татары ворвались, неся с собою смерть. Варвары распинали пленников или, связав их, стреляли в них, как в цель. Оскорбляли женщин и девиц на глазах умирающих мужей и отцов, жгли священников или закалывали их у алтарей. Весь город обратился в пепел. После нескольких дней убийства все стихло: *некому было стенать и плакать.*

Вскоре возвратился в Рязань из Чернигова князь Ингвар. Вместо Рязанской области перед ним было неизмеримое кладбище. Где цвели города и селения, там остались кучи пепла и трупов, терзаемых хищными зверями и птицами. Занесенные снегом, на мерзлом ковыле убитые князья и воеводы. Изредка из лесов и прокрадывались редкие люди, с ужасом глядя на страшную пустыню.

В древних рукописных святцах помещены в числе святых князья рязанские: Роман Олегович, Олег Красный и Феодор Юрьевич с супругой Евпраксией и младенцем Иоанном.

Из Рязани Батый пошел дальше, разгромил Коломну, сжег Москву, где взял в плен сына великого князя, Владимира. Георгий со-

дрогнулся, видя великую опасность Руси, и, поручив Владимир двум сыновьям с племянниками, детьми великого князя Константина, пошел в область Ярославскую, стал там на берегах реки Сити, впадающей в Мологу, и начал собирать войско.

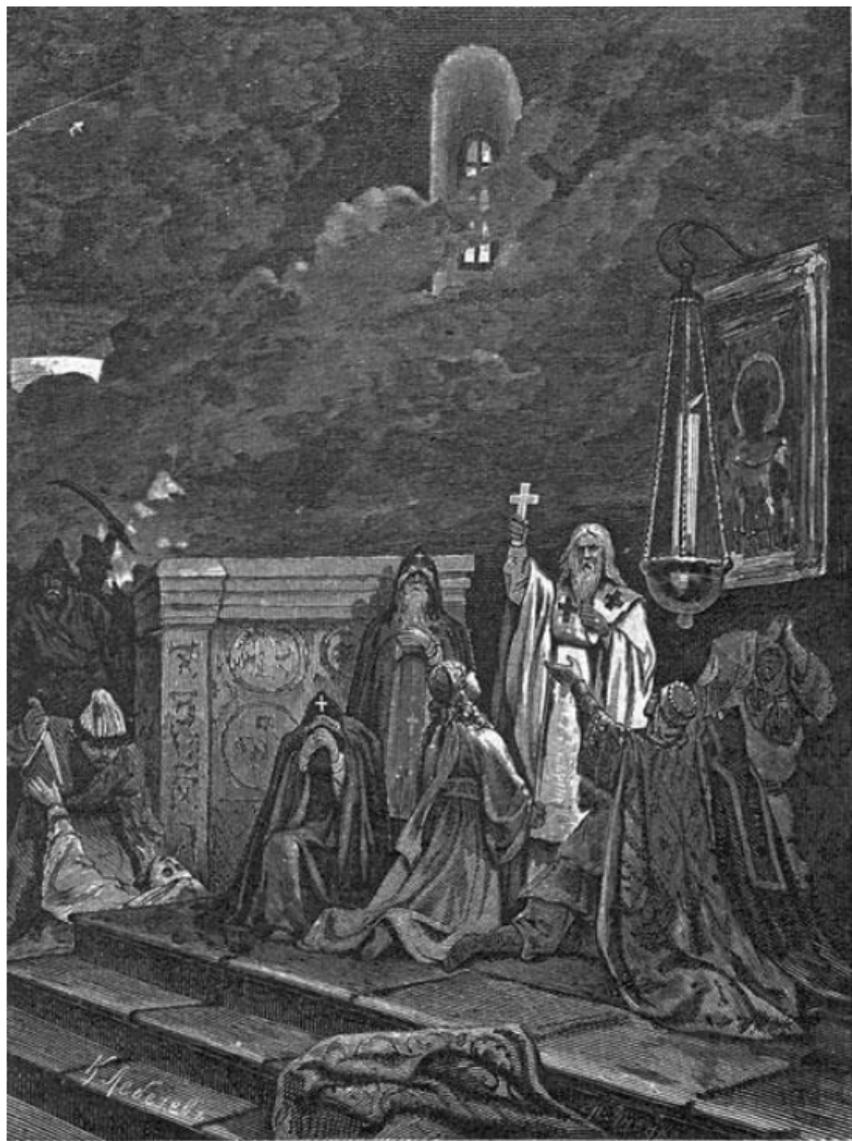
Сожжение татарами собора во Владимире

Второго февраля татары подступили к Владимиру. Народ с ужасом смотрел на их неисчислимую силу. Татары, подъехав к воротам, спрашивали, где великий князь. В ответ им пустили стрелы.

— Не стреляйте, — кричали они. И русские увидели перед собой неузнанного ими от происшедшего в нем страшного изменения князя Владимира.

Отправив отряд на Суздаль, где были истреблены все жители, 6 февраля Батый открыл приступ на город. Хотя можно было еще спасти жизнь ценой рабства, князя и бояре предпочли смерть.

Настали торжественные часы. Князя, супруга Георгия и вся семья его, бояре, высшие лица собрались в храме Богоматери, где епи-



скоп облачил их в схиму. В великой тишине совершался священный обряд. Прощаясь

между собой, с надеждой скорого соединения в спокойной вечности, расставаясь с жизнью и родиной, одною ногой в гробу, эти люди молились о том, чтобы Господь воздвиг когда-нибудь погибавшую русскую землю, чтобы не сгинули навек ее имя и ее слава. То было зрелище невыразимого величия и невыразимой скорби: эти люди, обрекшие себя на смерть.

Седьмого февраля, после заутрени начался приступ. Татары с нескольких сторон вломились в город. Великая княгиня Агафья с дочерью, снохами и внучатами, множество бояр и народа затворились в соборе. Неприятель зажег его. Тогда епископ произнес громко и внятно:

— Господи, простри невидимую руку Твою и прими души рабов Твоих, — и благословил всех на смерть.

Клубы дыма, проникнув в окна, душили находившихся в храме. Наконец, татары отбили двери и ворвались внутрь собора. Семья великого князя с хор, куда ход был заложен и куда изверги не могли проникнуть видела гибель находившихся в соборе. Наконец дым,

поднявшись на хоры, задушил всех.

В древнерусских святцах помещены между святыми: святитель Митрофан, князя — Владимир, Всеволод и Мстислав Георгиевичи, мать их, великая княгиня Агафья, со снохами Марией и Христиной и дочерью, княжной Федорой...

Когда до великого князя дошла ужасная весть, он, хотя и проливал горькие слезы, принял весть со смирением и молил Бога даровать ему терпение Иова.

Из Владимира, разоряя по дороге города, татары дошли до рати, собранной Георгием у берегов Сити. Тут произошла битва. Долго и мужественно бились русские. Но, наконец, обратили тыл. Георгий и его племянник, Всеволод Константинович ярославский, пали в битве. Другой его племянник Василько Константинович ростовский был взят в плен, Изнуренный жестоким боем, невыразимую скорбью и голодом, князь не хотел принять пищи из рук врагов. Любуясь его величественным видом, зная на опыте мужество и силу его, татары говорили ему:

— Будь нашим другом и воюй под знаме-

нами великого Батыя.

— Лютые кровопийцы, — отвечал он, — враги моего отечества и Христа не могут мне быть друзьями. Темное царство не разлучит меня с моим Христом. Любя нас и даруя нам жизнь вечную, он предал нас в ваши скверные руки. Есть Бог, и ты погибнешь, когда исполнится мера твоих злодеяний.

Татары от ярости скрежетали зубами. А мученик молился о судьбе России и православной Церкви и о двух своих юных сыновьях, Борисе и Глебе. «Господи, — говорил он, — Ты знаешь тайны сердца моего, знаешь всю нечистоту мою. Очисти мя от грехов моих». Он славил Бога за то, что в юных летах умирает мучеником, и что память о нем не будет бесславною. Татары умертвили его в Шеренском лесу (между Кашином и Калязинном) и бросили тут его труп.

Тело святого Василия Константиновича было перевезено в Ростов. Княгиня, дочь Михаила черниговского, епископ и народ встретили его со слезами и положили его в княжеской усыпальнице под сводами алтаря ростовского соборного храма.

Летописец с восторгом говорит об этом князе и описывает его так: «Он был красавец лицом, с очами светлыми и грозными, был храбр, добр сердцем, ласков с боярами. Кто из бояр служил ему, кто ел хлеб его и пил из его чаши: тот не мог забыть его и быть слугою другого князя. В нем мужество соединено было с умом и правдивость со знанием. Он был во всем сведущ и на все способен. Это был отец и кормитель сирот, великое утешение печальным».

Епископ ростовский Кирилл посетил место битвы при Сити и в числе павших отыскал по одежде обезглавленное тело великого князя, и с великою честью привез его в Ростов, где и схоронил. Глава святого Георгия отыскана после и положена в гроб. На втором году после этих событий его тело перенесено было во Владимир, и тогда увидели великое чудо: глава прильнула к мощам, так что не осталось и следа отсечения. Св. мощи почивают открыто во Владимирском соборе.

Батый шел дальше, к Новгороду. Головы жителей падали на землю, как трава скошенная. Не доходя ста верст до Новгорода, татары

повернули назад и пошли к Козельску. Семь недель не могли они взять этого города, наконец, овладели им и перерезали всех. Малолетний князь козельский Василий пропал без вести. Говорили, что он *утонул в крови*.

В 1240 г. после страшного сопротивления, татары взяли Киев и почти смели его с лица земли.

**Подвиги князей русских во
время ига
Св. Василий и Константин
ярославские. Подвиг
мученичества св. князя
Михаила Черниговского, внук
его св. Олег брянский.
Кончина вел. князя Ярослава
Всеволодовича**

Совершилась кара Божия. Иго монгольское спало на русскую землю.

Тяжелые дни начались для тех, кто уцелел. Страшным воспоминанием стояли призраки убитых, сожженных, замученных князей, бояр, избитого населения. Непокрытые белели на равнинах кости сраженных русских бойцов.

Города стояли испепеленные в развалинах. Все скопленное раньше трудами поколений: довольство, образование, бодрость, — исчезло. За сердце хватает перезвон колоколов,

зовущих на молитву. Припадает народ к земле, чтоб подслушать, не придет ли откуда весть облегчения. А ветер несет все старую весть: русская земля стонет. Тяжело, беспросветно... Вот в каких обстоятельствах пришлось действовать русским князьям времени татарского ига.

Несокрушимая сила духа, бесконечная бездна веры нужны были, чтоб спокойно и твердо делать свое возрождающее дело. И князья веровали. Как ни ужасно было положение народа поработанного, стоявшего без защиты и друзей, напитанного горючими слезами, в эти страшные годы князья не утратили веры в Русь, как избранницу Божию.

Пусть вздымаются волны и хлещут, и почти потопили корабль... Живо еще русское имя. Ему, скорбному племени, поручено Христом дивное сокровище: чистота и целостность Христова учения. И если выше всех земных благ он поставит это сокровище и избрет свой путь по евангельской хартии — Бог будет верен. И этой верой из слез, крови и невыразимых бедствий татарской данницы выросла неодолимая русская сила.

Но сколько благородных усилий, невидных жертв, самолюбия, законной гордости принесено было для блага народа князьями времени ига. Неодолимые витязи, как Александр Невский, смиряются перед ханами, отмаливая землю, и истекает незримою мученической кровью богатырское сердце. Не выразить словами всей святости государственного подвига лучших русских князей того времени, и только у престола Божия оценены в праведной мере их дела и зачтены дорогой искупительной жертвой за грехи прошлых поколений. Не щадя себя, они полагали свою душу за народ и, во цвете лет, как Александр Невский, Дмитрий Донской, отходили к Богу с молитвою целить и врачевать ту Русь, всех ран которой при жизни не могли заживить никакими усилиями. А нам, пожинаящим теперь плоды их святого страдания, должно в душевном волнении чтить память этих великих родных людей.

Святые благоверные князья Василий и Константин, ярославские чудотворцы, предстоящие Христу Вседержителю. XIX в.



Как страдания тогдашних поколений, так великая сила веры и надежды на конечное

Божье милосердие, позволявшая существовать русским людям, прекрасно выражены в стихотворении поэта Майкова «Упраздненный монастырь», представляющем также верную картину того, чем был монастырь для средневекового общества.

*...Я живо вижу, как сюда
Пришел спасаться муж святой,
В те времена еще, когда
Кругом шумел здесь бор густой.*

*И, вековым объята сном,
Вся эта дикая страна
Казалась людям волшебством
И чародействами полна...*

*И келью сам в горе изсек,
И жил пустынным житием
В той келье Божий человек.
На козни беса глух и нем.*

*И что свеча в ночи горит,
Он в этом мраке просиял,
Учил народ, устроил скит,
И утешал и просвещал...*

И вот вокруг валяются леса!

*И монастырь здесь возстает...
Над гробом старца чудеса
Пошли твориться... и растет*

*За храмом храм, встает стена,
Встает гостиниц длинный ряд:
И в погреба течет казна,
И всюду труд и всюду лад!*

*Идут обозы вдоль горы;
Хлопочет келарь, казначей...
Варят меды, творят пиры,
Всечасно братья ждет гостей...*

*А эти гости то князья,
В орду идушие с казной...
То их княгини, их семья,
В разлуке плачущие злой...*

*И черный люд, безвестный люд,
Со всей Руси идет, бредет...
В грехах все каяться идут
Да страшный гнев Свой Бог уй-
мет...*

*Идут с пожарищ, с поля битв,
Ища исхода хоть слезам
Под чтение сладостных молитв,*

Под пенью ангельское там...

*И в темных маленьких церквах
Душистый воск горит, как жар,
Пред образами в жемчугах
Сердец скорбящих чистый дар...*

*И чуть звонят, народ во храм,
Вопит, как жаждущий в степи:
«Когда ж, Господь, конец бедам!»
И клир в ответ ему: «Терпи!»*

*Терпи! и вытерпела ты,
Святая Русь, что посылал
Тебе Господь все тяготы
Насильств и казней и опал...*

*Тяжелый млат ковал тебя
В один народ, ковал века;
Но веришь ты, что Бог любя
Тебя карал, и тем крепка!*

Ярославские чудотворцы (благоверные князь Феодор с чадами Давидом и Константином, а также Василий и Константин. XVII в.

В 1243 г. Батый назначил в русские города своих надзирателей — баскаков и приказал



князьям явиться к нему с изъявлением покорности. Первым должен был отправиться к

нему великий князь Ярослав Всеволодович, брат и преемник Георгия. Его примеру последовали и другие князья.

Мало-помалу князья начали устраиваться в своих уделах, стали оживать города и селения в безлюдной, обращенной в развалины пустыне. Между прочим, в Ярославле стали княжить сыновья погибшего при Сити Всеволода Ярославича, святые князья Василий и Константин. Старший из них, Василий, собрал рассеянный народ и заботился о вдовах и сиротах ратных людей, павших с отцом его на берегах Сити. Он окончил жизнь в 1249 г., оставил одну дочь, Марию, которая, принося с собою Ярославское княжество, вышла замуж за святого князя Феодора Чермного, ярославского и смоленского.

Другой брат, св. Константин, убит в 1257 г. близ Ярославля в битве с шайками татарских грабителей. Гора, где он убит, поныне зовется Туговою, как место туги, то есть горести народа. Оба святые брата погребены в соборной церкви г. Ярославля. Мощи их обреты в 1501 г.

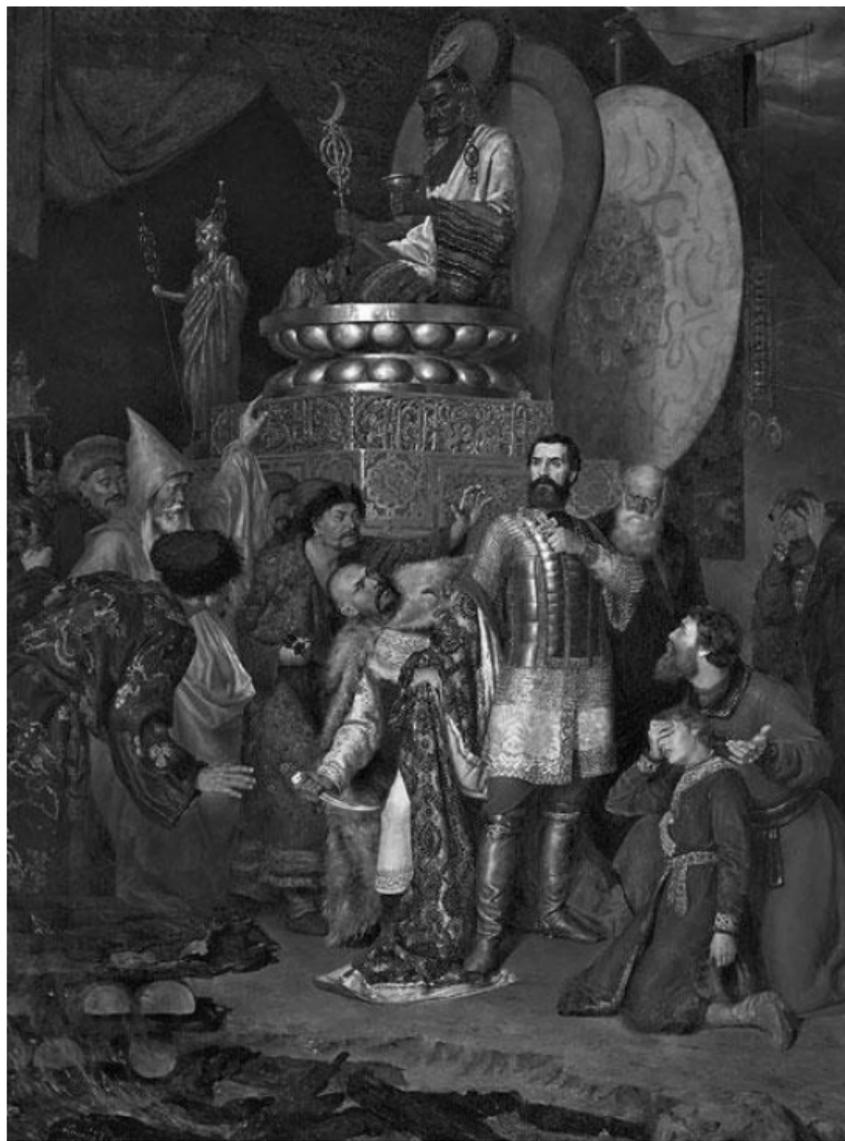
Князья должны были возобновлять храмы,

из которых многие представляли собой груды камней. Священная утварь, иконы и книги сделались добычей татар. Но величайшим благодеянием было то, что татары не воздвигли явного гонения на Церковь, как было в первые века христианства при римских императорах. Они имели обычай чтить всякую веру и уважать всяких жрецов. Ханы выдавали русским святителям ярлыки, в которых, под страхом смертной казни, запрещалось хулить русскую веру.

Хотя иногда князья и платились смертью за отказ исполнить языческий обряд: народ беспрепятственно соблюдал свою веру, и эта вера, с покаянными чувствами и смиренным несением скорбей государственных, сохранила Русь.

Князь Михаил Черниговский перед ставкой Батые. 1883 г. Худ. Василий Смирнов

В первые годы ига принял в орде мученическую кончину св. князь Михаил Всеволодович Черниговский. Собираясь, по требованию Батые в орду, он принял благословение у духовника своего епископа Иоанна, и тот сказал



ему:

— Многие князья ездили в орду и, пре-

льстясь славою мира сего, ходили сквозь огонь, вкушали оскверненную пищу. Но ты, князь, не подражай им.

Он отвечал:

— Я желаю пролить кровь мою за Христа и за веру чистую.

То же сказал сопровождавший своего князя верный боярин Феодор. Епископ отпустил их с молитвою, дал им на случай часа смертного запасные Св. Дары.

Когда Михаил прибыл в орду с юным внуком Борисом Ростовским и боярином Феодором, Батый приказал исполнить над Михаилом все языческие обряды, и жрецы потребовали, чтобы князь и боярин прошли сквозь огонь. Михаил отказался. Раздраженный Батый предложил ему выбрать между поклонением богам и смертью.

— Я готов поклониться царю, — отвечал Михаил; — ему вручил Бог судьбу царств земных. Но я христианин и не могу поклониться, чему кланяются жрецы.

Княжич Борис со слезами умолял деда поберечь жизнь. Бояре Ростовские вызывались принять на себя и на весь народ епитимию за

князя. Но Михаил, которого поддерживал боярин Феодор, не слушал их. Он сбросил с плеч знак земного, преходящего сана, шубу княжескую и сказал:

— Не погублю души моей. Прочь, слава мира сего тленного. Не хочу ея!

Вельможи Батыея пошли с этим ответом к хану, а исповедник веры с боярином своим стали петь псалмы и потом причастились бывшими с ними Св. Дарами.

Еще стали уговаривать их татары.

Св. князь Михаил Черниговский на иконе XVII в.

— Не слушаем вас, не хотим славы мира сего! — воскликнули мученики.

Подъехали убийцы. Соскочив с коней, палачи растянули Михаила за руки и за ноги по земле, стали бить кулаками и палками по груди, затем, повернув лицом к земле, — ногами. Наконец, один русский изменник отрезал князю голову ножом. Его последнее слово было: «Христианин есмь!»

После него замучен был св. Феодор. День страдания их — 20 сентября 1246 года. Тела



были брошены в пищу псам, но остались невредимы. Над св. мощами, в прославление

святых, явилось знамение — стоял столп светлый, горели огоньки и слышалось небесное пение. Тела мучеников были принесены в Чернигов, откуда в 1572 г., при переходе Чернигова к полякам, перенесены в Москву. С 1774 года св. мощи покоятся в Архангельском московском соборе.

Вскоре по кончине, святой князь с боярином Феодором явился в сиянии жившей в Суздале дочери своей, святой Евфросинии, и возвестили, что они оба стяжали вечное блаженство.

Потомство святого князя, доньше многочисленными княжескими родами процветающее на Руси, пользовалось видимым благословением Божиим. Из пяти сыновей св. Михаила особенно в благочестии подражал отцу Роман Брянский. Сын его Олег Романович уступил княжество Черниговское брату, а сам удалился от мира. Он принял пострижение с именем Василия, построил у Брянска Петропавловский монастырь и после строгих подвигов скончался в конце XIII века.

Память преподобного князя Олега Брянского 20 сентября.

Преимник и брат св. великих князей Константина и Георгия, первый понесший сан князя плененной страны, великий князь Ярослав Всеволодович отличался твердостью, деятельным умом, бодростью в несчастьи. В последний год жизни он был вызван в Орду, где успел оправдаться во взведенных на него каких-то обвинениях. Мать хана перед отъездом предложила Ярославу из собственных рук пищу, заранее отравленную. Выехав из Орды, великий князь стал слабеть и на седьмой день окончил жизнь. На теле умершего ясно были видны последствия отравы — пятна. Тело его привезено во Владимир. В одной древней русской книге рассказ о Ярославе заключается словами: «Причте его Бог ко избранному своему стаду».

В рукописных святцах он включен в число святых.

Святой благоверный великий князь Александр Ярославич Невский

Прошумела гроза, утихла буря, замолкли грозные раскаты грома, занялась на небе заря, и над местностью, опустошенной стихийным раздором природы, медленно выплывает ясное солнце... И светит оно на долины, залитые водой, светит на размытые пашни, на поваленные ветром строения, льет тепло на деревья со сломанными ветвями, на погибшую жатву и все бедствия, принесенные бурей людям... И светит, светит солнце, поднимаясь все выше и выше. Все жарче лучи его греют землю, и под их теплом воды впитываются в почву, просыхают дороги, прибитая трава выпрямляется, свернувшиеся листья разворачиваются, зеленея еще веселее, чем прежде, и люди бодро принимают за работу, и исчезают один за другим следы отжитого бедствия... А солнце все светит, все светит и греет и озаряет сочувственно и радостно жизнь людскую.



Шлем великого князя Александра Невского

Таково же воздействие тех людей, которые появляются после великих исторических несчастий и, как ясное солнце, греют обездоленный народ, поддерживают в нем силы для лучшего будущего и, умирая, оставляют за собою бесценную и плодотворную работу нравственного солнца.

Таким лучезарным светилом взошел над русской землей в бедственнейшие дни благоверный святой великий князь Александр Ярославич Невский.

Великий князь Александр был сыном великого князя Ярослава Всеволодовича и родился в Переяславле-Залесском, где в то время его отец был удельным князем, 30 мая 1219 г.

Как видно из деятельности св. Александра, он чудным сочетанием соединил в себе лучшие качества своих предков с отцовской и материнской стороны. Со стороны отца он является потомком того колена Владимира Мономаха, которого ярким представителем был св. Андрей Боголюбский. Отличительные семейные черты с этой стороны: мудрая расчетливость, последовательность, умение поль-

зоваться обстоятельствами и стремление к неуклонному собиранию земли вокруг одного престола. Князь-хозяин, князь-строитель, с оттенком непреклонной суровости, — таков характер отца Александра, Ярослава и дедов его — родного Всеволода и двоюродного Андрея Боголюбского.

Со стороны матери, родной внук св. Мстислава Храброго, — Александр унаследовал черты витязя киевского времени: беззаветное мужество, трогательное мягкосердечие, высокое доверие к людям, бесконечное сострадание ко всему страдающему, голубиную кротость при орлином полете, не знающее удержу стремление к славе родной земли.

И сочетание этих редко в одном человеке уживающихся качеств составило явление чрезвычайное, необыкновенное, которое произвело сильнейшее благотворное впечатление на современников и оказало счастливое влияние на ход русской истории.

В том яснее всего и видна направляющая Русь рука Божия, что в нужные времена Бог посылает своих избранников, точно созданных по обстоятельствам и требованию време-

ни. Таков был и Александр — то грозный и победоносный вождь русских против северных недругов немцев, то смиряющий свою богатырскую душу и отмаливающий Русь от гнева ханского. И как ни высоки воинские подвиги во славу отечества, еще выше смирить и унижить себя для блага родины.

Св. Александр вырос среди благочестивой семьи; и среди самых первых, на всю жизнь остающихся впечатлений, главными были впечатления святой веры. Каким искренним благочестием был он окружен с детства, видно из того, что мать его считалась современниками святою; дед по матери, Мстислав Удалой, и восходящие предки — Мстислав Храбрый, Ростислав и Мстислав Великий — окружены сиянием святости; дяди со стороны отца — Константин и Георгий — также; старший брат Феодор — святой. И вот в этом незаменимом для развития ребенка благодатном воздухе, среди таких преданий подрастал Александр.

Не сохранилось подробностей о его воспитании, но несомненно, что князь Александр рос серьезным, вдумчивым отроком. Избегал

пустых забав, он любил чтение священных книг и пение церковных песнопений. От первых до последних лет своей жизни он вел себя воздержно, обуздывая тело постом и суровыми трудами: охотой, ездой, стрельбой. Все это закалило его и развило его природную богатырскую силу.

Набожность Александра уже с этих пор выражалась тем, что он любил часто ходить в храм и по ночам наедине долго-долго молиться перед иконами Спасителя и Божией Матери.

О чем так жарко, лишая себя ночного покоя, молился он, кому с колыбели были даны все земные блага? Или были у него желания, которых некому было рассказать, кроме как Богу, или уже и в те годы нес он на себе такое великое горе, которое он должен был изливать в горячей молитве, чтоб оно не сушило душу?

Вспомним, что князю Александру было 14 лет во время нашествия Батые, что до того он знал о первом столкновении с татарами, и что на его чуткую душу тяжело ложились эти ужасные события. И если вдумаемся, что дол-

жен был переживать богато одаренный, впечатлительный мальчик, назначенный рождением на дело правления, что он переживал при пленении родины, — нам станет тогда ясен этот самоотверженный образ. В школе грустной, но великой — бедствий своего народа — сложилась нравственная личность Александра, и несчастья Руси определили направления его жизни: отдать ей все силы души, всякое биение сердца, все помышления. Выступая служить родной земле, он должен был быть готов не щадить за нее своей жизни. И не разом, не на плахе под топором татарских палачей, не в грозной сече битвы пришлось сложить ему молодецкую голову. Скорбь по родной земле высосала каплю за каплей кровь из его сердца; силу за силой положил он на труды для родного народа, пока не пала на него предсмертная слабость; до глубокого дна испил он полную чашу унижений за родную Русь и тогда, сокрушенный невгодьем, но не побежденный богатырь прилег и заснул вечным сном.

Александр Невский на иконе XVIII в.



С юных лет благоверный князь Александр был поставлен княжить в Новгороде. И

первую половину своей жизни он посвятил победоносной борьбе с северными врагами Руси. Эти враги были, быть может, еще более опасны для Руси, чем татары. Татары посягали на государство, на внешнюю силу, а те враги хотели похитить у нас самую нашу веру. Римские папы, видя ослабление нашей земли, поднимали на нее походы то из Швеции, то из Ливонии через ливонских рыцарей, которые старались подчинять Римскому папе новые земли. Цель Шведов и Ливонцев была завоевать нас и обратить в латинскую ересь.

С первых дней княжения своего в Новгороде Александр старался окружить себя храбрыми людьми. Сам же он был точно создан для побед, кроме великого благоразумия, одаренный мужеством, величавой красотой и звучным могучим голосом. Народ с гордостью и радостью любовался им и с почтением внимал его речам, *гремевшим как труба*, говорит летописец.

В 1240 г., подстрекаемый папою, шведский король снарядил многочисленное войско, посадил его на лодки и под начальством зятя своего Биргера послал в Неву. Биргер думал

дойти Ладожским озером и по Волхову до Новгорода и послал сказать Александру: «Ратоборствуй со мной, если смеешь. Я уже стою на земле твоей».

Ни страха, ни гордости не изъявил послам Александр. Он поспешно собрал войско, с горячею верой помолился в храме св. Софии, принял благословение архиепископа.

«Боже хвальный, Боже праведный, Боже великий и крепкий, — молился Александр, — Боже предвечный, сотворивый небо и землю и поставивый пределы языком и жить повелевый не преступая в чужая части: суди, Боже, обидящим мя и возбрани борющимся со мною. Прими оружие и щит, стани в помощь мою!» Отирая на пороге храма слезы умиления, он передал исход дела воле Божией и с веселым лицом вышел к дружине. Тут он сказал ей краткое, но великое историческое слово, которое много раз было подтверждено в жизни русского народа:

— Нас немного, а враг силен. Но *не в силе Бог, а в правде*. Идите с вашим князем!

Не имея времени дожидаться помощи от отца, великого князя Ярослава, Александр вы-

ступил в поход и 15 июля 1240 года пришел к берегу Невы. Здесь встретил его с донесениями один из военачальников его Пелгус и рассказал ему чудное явление, которое он видел ночью, ожидая князя и погруженный в молитву на берегу Финского залива.

Уже начинало светать, как по простору морскому пронесся шум. Показалась большая ладья, сидевшие у весел гребцы были как бы одеты мглою. Посреди лодки стояли в великом сиянии, в червленых ризах два витязя, первые князья-мученики, Борис и Глеб. И раздался голос Бориса: «Брат Глеб, поможем сроднику своему великому князю Александру Ярославичу на неистовых немцев». Когда видение кончилось, Пелгус пошел от берега и встретил Александра. Князь запретил Пелгусу разглашать это видение. Как молния, ударил он на шведов и быстрым, внезапным ударом привел их в смятение. Сам он добрался до Биргера и своим копьем возложил печать на лицо ему.

Святой Александр Невский. Конец XIX в.

Шведы были разбиты наголову. Темная



ночь спасла их остатки. Они нагрузили, не дожидаясь утра, две лодки телами знатнейших

лиц, зарыли прочих в яму и поспешно удалились. Главный воевода, также епископ их, были убиты. Наша же убыль была едва заметна.

Великою радостью пронеслась по Руси весть об этом одолении врага. За победу Александр получил прозвище Невского. Как эта, так и последующие победоносные битвы, где участвовал св. Александр, были невыразимым утешением для униженной, бедствующей России. В самые дни ига он доказывал, что русская воинская слава не сгинула, что русский меч так же грозно обороняет русскую землю на севере, как в ясные дни Мстиславов и Всеволодов.

Сохранилось сказание современников о Невской битве.

Подвиги русских богатырей в ней были так изумительны, что им с трудом верили даже очевидцы. Новгородцы прямо говорили, что с ними сражались ангелы Божии, что силы небесные избивали шведов. Между тем, ливонские рыцари ворвались в пределы Псковской земли и заняли самый Псков. Многие псковитяне кинулись в Новгород, но Александра там не было: недовольный новго-

родцами, он уехал от них в Переяславль, а литва, немцы, чудь стали уже беспокоить земли новгородские. Тогда архиепископ со многими боярами отправились к Александру и умолили его простить Новгород.

С его прибытием все переменилось. Немедленно собралось войско и весело с Александром пошло к Финскому заливу и взяло поставленную немцами крепость Копорье; потом немцы прогнаны были из Пскова. Затем Александр вступил в Ливонию и нашел выгодное для битвы место на льду Чудского озера, еще крепком (5 апреля 1242 г.). Немцы врезались в наши ряды, но Александр, ударив сбоку, смешал их, сломил и истреблял рыцарей, а чудь грозно гнал до вечера. Трупы чуди лежали на 7 верстах, пало 400 рыцарей. Начальник ордена с трепетом ожидал появления Александра под стенами Риги и умолял короля датского о помощи.

Однако Александр, довольствуясь страхом немцев, вложил меч в ножны, вернулся в Псков. Пленники немецкие шли с потупленными глазами, в своей рыцарской одежде за нашими всадниками. С крестами и пением

церковным встречало после Ледового побоища победителя духовенство, народ стремился к нему толпами, называя отцом и спасителем.

Затем заключен был с рыцарями выгодный мир.

Вскоре литовцы завладели Торопцем. Александр пришел и истребил их до единого. Возвращаясь с малой дружиной, он увидел новые толпы неприятеля и рассеял их. В течение нескольких дней он одержал семь побед над литовцами.

Но Бог готовил Александру высшую славу — победу духовную над самим собой. Этой великой душе назначено было показать самую редкую и трудную добродетель: смирить себя беспредельным смирением, забыть голос своего самолюбия и ценою своих унижений сохранить родину.

Еще прежде, чем престол великокняжеский перешел к Александру, он должен был отправиться на поклон к Батыю. Слава об Александре и удивление ему достигали вообще отдаленных стран, до нас дошел отзыв одного чужеземца: «Я прошел многие страны,

знаю свет, людей и государства, но с изумлением видел и слушал Александра Новгородского».

Вообще, бывалые люди говорили, что не встретить подобного Александру мужеством и видом: ни в царях — царя, ни в князьях — князя. Его достоинства возвышались тем, что он не кичился ни положением, ни дарами внешними, ни умом, а со всеми был приветлив, всем был прибежище. И над всеми его добродетелями, как и во дни юности, выделялось благочестие.

Русские гордились Александром, называя его независимым князем, и стращали им татар.

Слыша много об Александре, Батый велел сказать ему: «Князь Новгородский, известно ли тебе, что Бог покорил мне множество народов. Ты ли один будешь независимым? Если хочешь властвовать спокойно: явись в моем шатре».

На этот зов можно было ответить гордым отказом и подвергнуть за то всю Русь гневу Батыея и опустошению. Александр же любил Россию более, чем княжескую и богатырскую

честь, и сознательно вступил на тот путь самоуничтожения для спасения родины, от которого его освободила лишь смерть.

Он отправился к Батыю, который ласково принял его и сказал, что молва не увеличила его достоинств. Он с удивлением внимал его мудрым речам, горевшим любовью к родине.

Из орды надо было ехать далее, в Татарию, к великому хану. Это было ужасное путешествие. Простясь с отечеством на долгое время, надо было терпеть голод и жажду, отдыхать на снегу или раскаленной земле. Кругом одна безотрадная унылая степь, усеянная костями путников. Вместо селений — одни кладбища кочующих племен.

Князь Александр Невский принимает папских легатов. 1876 г. Худ. Генрих Семирадский

И в этом безотрадном пути мучительные думы о своем унижении, бедствии отечества, воспоминание об отце, умершем в таком же путешествии в неприютной степи...

Хан отнесся к Александру с благоволением и поставил его над всей южною Россией. К этому же времени относится посольство па-



пы к Александру.

Папа римский прислал Александру письмо, с убеждением принять католичество, обе-

щая ему за то помощь. Не надменно, но твердо ответил папе князь: «Мы знаем истинное учение Церкви, а вашего не приемлем и знать не хотим».

Вскоре после возвращения Александра в Новгород, при общем ликовании города, он опасно (1251–1252 г.) занемог. Вся русская земля с трепетом ждала исхода болезни и неотступно молилась за него. Он был надеждою России. Его делали бесконечно дорогим народу и прежние его незабвенные победы, и обнаруженное им теперь умение обходиться с татарами, и его сострадательность. Он всячески благодетельствовал бедствующим, посылал в орду золото для выкупа пленных. Бог услышал всенародную молитву, Александр выздоровел. Скоро он был признан великим князем.

При общем ликовании въехал он во Владимир и стал продолжать дело отца: заживление прежних ран.

Когда в 1256 г. шведы, финны и немцы явились на берегах реки Наровы, встревоженные новгородцы послали за Александром, и он повел рать и опустошил значительную часть Финляндии.

Это было последним военным подвигом Александра.

Умер Батый, и Александр должен был отправиться к его преемнику в орду, которая навсегда осталась кочевать в окрестностях Волги и Дона. Тут тщетно просил он освободить северные княжества от обложения подушною данью, подобно тому, как еще раньше были обложены южные. Вскоре были посланы татарские чиновники в области: Суздальскую, Рязанскую, Муромскую, и переписали жителей.

Через несколько месяцев Александр совершил новое путешествие в орду: теперь обложен был поголовною данью и Новгород, и великому князю предстояло дело, мучительное для его чувств. Ему, прославленному поборнику новгородской вольницы и чести, предписывали теперь склонить к рабству гордый, пылкий народ, который величался своею независимостью. Что переживал в эти дни Александр, известно одному Богу.

В 1259 г. с татарскими чиновниками он прибыл в Новгород. Жители пришли в ужас. Как ни уговаривали некоторые граждане

смириться, народ отвечал грозным воплем, умертвил посадника и выбрал другого. Юный князь Василий Александрович уехал из Новгорода в Псков, объявив, что не хочет повиноваться отцу, везущему с собою оковы и стыд для людей вольных. Хотя новгородцы и отпустили чиновников татарских с дарами, они решительно отказались от дани.

Великому князю представлялось — принять решительные меры или предать Россию новому разорению. Выбора не было. Он велел схватить ослушного сына и под стражею везти его в Суздальскую землю. Потом он остался в Новгороде, выжидая хода событий. Распространилась весть, что войско хана уже готово идти на Новгород. Народ тогда в страхе согласился на дань, и Александр поспешил уведомить татар о покорности Новгорода. Явились татарские переписчики и своими утеснениями настолько раздражили народ, что вспыхнул мятеж. Народ снова не хотел слышать о дани и собирався вокруг Софийской церкви, объявляя, что желает умереть за честь и свободу.

Святой Александр Невский. 1666 г. Архан-



гельский собор Московского Кремля

Наконец, Александр употребил последнее средство. Он выехал из дворца с татарскими чиновниками, объявив, что предает мятежных граждан гневу хана и навсегда покидает Новгород... Это смутило народ, и вельможи воспользовались этой минутой, чтоб уговорить его.

Не успел князь опомниться от этих тягостных событий, где его разум и благо Руси заставляли его действовать против влечения сердца, как в 1262 году возникли новые страшные неприятности в срединной Руси. Доселе дань собирали татарские сборщики, которых народ терпел. Но потом татары стали отдавать дань на откуп бесерменским купцам, хивинцам, опытным в торговле и наживе. Эти откупщики выдумали целую сеть вымогательств для увеличения барышей. Под видом облегчения плательщиков, они назначали разные рассрочки, но с громадным ростом, и в конце концов, у бедных людей счета с бесерменами запутывались до такой степени, что уже не было никакой возможности рассчитаться. Тогда они забирали должников, беспощадно били их на площадях палками,

выпытывая, не спрятали ли они где-нибудь свое имущество. Не добившись толку, бесермены забирали сыновей, дочерей или самих должников в рабство и в чужих странах продавали их с великою выгодой.

У самых трудолюбивых людей отбивало охоту к труду. Всякий страшился за будущее — не уведут ли его детей в рабство. Кроме всех этих ужасов, бесермены возбуждали ненависть еще тем, что их сопровождали татарские наездники, которые грабили дома, оскорбляли женщин и всячески глумились над населением. Мера терпения истоцилась, когда затронуту было чувство веры.

Какой-то монах Зосима, в 1262 г. в Ярославле, в угоду бесерменину и магометанину Тетямю, отрекся от Христа, вступил в магометанство и начал ругаться над своею прежнею верой... Не мог осилить народ негодования при поругании того последнего сокровища, которое во всех своих испытаниях он хранил не нарушенным, над верой святою. Вскипел народ бурным, неудержимым гневом при виде того, как «окаянный лишенник» веры поносит святой крест и ругается церквам Божиим.

Его схватили, убили, и псы волочили по городу его труп. И в ответ на эту месть народа, мстившего за поругание заветной святыни своей, — поднялся народ по всем городам суздальской и ростовской земли. Загудели призывные колокола, пошли слухи, что сам Александр разослал приказ бить татар, и стала расти и расти буря народного негодования.

Летописцы с сочувствием отмечают эти события. Народ истреблял одних бесерменов, хивинских откупщиков. Собственно же из татар никто не пострадал. Русские дали доказательство тому, что всему есть мера, и что, хотя и побежденный, народ не свыкся с рабством. Но страшная расплата должна была постигнуть землю, все не примирявшуюся с потерей воли. Шли слухи, что татарские полчища готовы ворваться в русские пределы.

Можно было ожидать поголовного истребления, худшей грозы, чем нашествие Батыя. Какие страшные минуты переживала земля русская, на то нет слов. И тут великий князь Александр просиял своей родине своим последним подвигом.

Он готовился раньше в поход на ливон-

ских немцев, но тут поручил полки сыну и отправился в орду отмаливать свой народ. Это был венец его жизни и его самоотвержения. Хотя он не был виноват в происшедших событиях, он шел в орду на верную смерть в то время, как хан уже двигал войско на Русь, шел к тому хану, перед которым он же, вымаливая оставить некоторую самостоятельность Руси, ручался за ее покорность. Он шел с явным намерением принять на себя все раздражение хана и погибнуть, лишь бы отвести или смягчить грозу для России.

Об этом решительном отъезде среди обстоятельств столь страшных — и теперь, через шесть слишком веков, нельзя вспоминать без волнения. Что же испытывал провожавший Александра народ?

Провожаемый как на смерть, он поехал.

Незадолго до того, как до хана Беркая дошла весть об избиении сборщиков, он пришел в ярость от неудачного похода, поднятого им на Персию, и собрал вновь 300 тысяч; решил также послать туда и русских... Русским предстояло сражаться за татар! И вот тут-то получил он весть о событиях в Суздале, Яро-

славле и Ростове. Ханскому гневу, казалось, не было пределов...

Он готов был выпустить 300 тысяч на Россию и совсем заклевать ее. В эти-то дни и прибыл Александр.

Как молил он хана, что говорил ему, неизвестно: но он и на этот раз отвел грозу. Россия была спасена. Вслед за тем власть принял новый хан, и долго пришлось ждать Александру в орде, прежде чем хан успел выслушать Александра. Он так сумел поставить дело, что и прежнее было забыто, и русские освобождены от обязанности воевать за монголов.

Более года пробыл Александр в орде и здесь допил последние капли того кубка унижений, страданий и горечи, который едва ли когда у кого из других русских князей был так глубок и так горек. Но, уезжая, он вез с собою весть избавления, луч радостного солнца в ту обездоленную страну, которую он так умел любить и которая так в него крепко верила. Измученный, изнуренный, он спешил с благою вестью к томившемуся без него и за него народу... Но те силы, которые он столько лет напрягал без жалости к себе, уже изменяли:

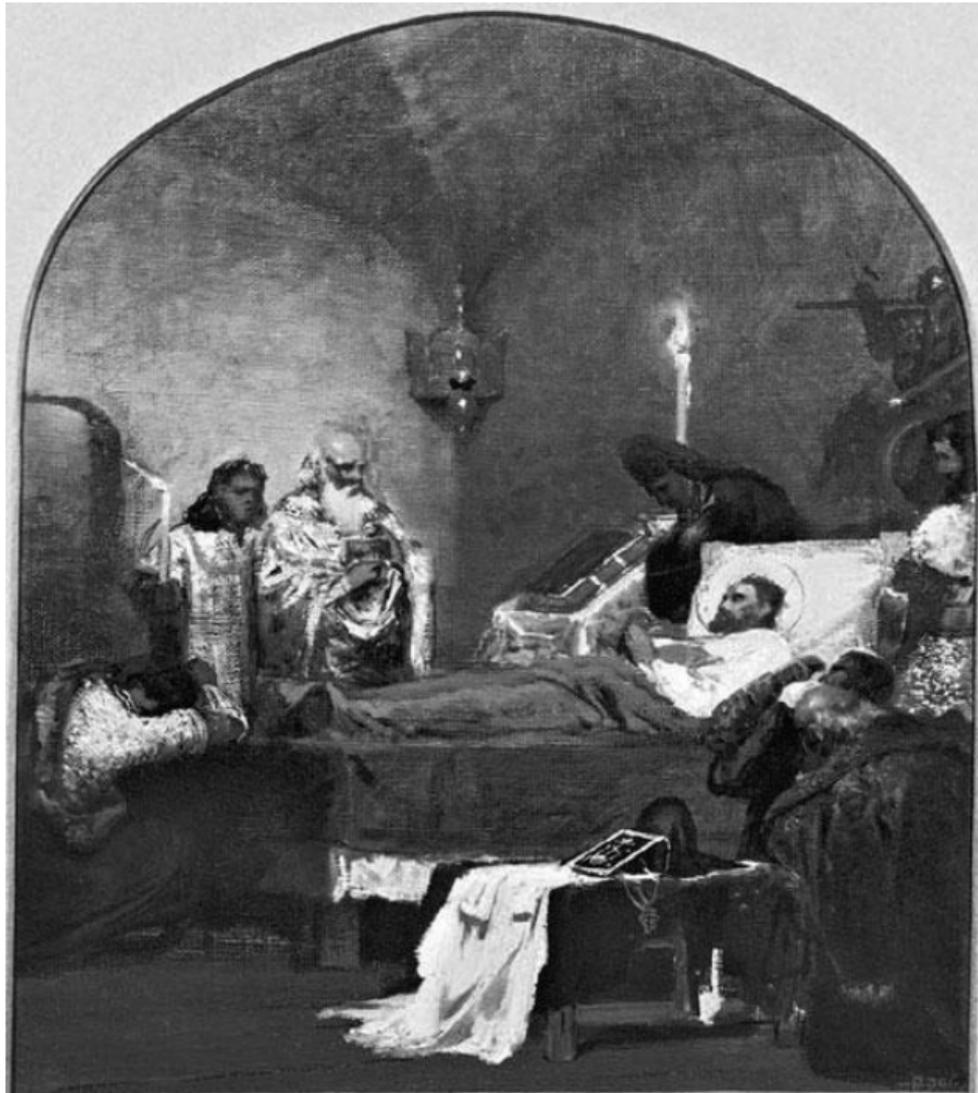
богатырь был сражен непомерной работой, душа истощена вечным страданием. Четыре поездки в орду, — двадцать битв... Венец столь тяжелый, венец терновый, который убил избранника, едва достигшего 43 лет.

В Нижнем Александр разболелся и должен был остановиться. Потом его повезли дальше. Стояла глубокая осень. В Городце он окончательно занемог. Сознывая, что смерть близка, он просил о пострижении.

Долго сдерживали себя окружающие, о которых летописец говорит, что им бы легче было лечь с ним во гроб, чем пережить его. Наконец, зарыдали. Тогда кротко сказал им князь: «Удадитесь и не сокрушайте души моей жалостью!»

Смерть Александра Невского. XIX в. Худ. Генрих Семирадский

Через несколько минут снова созвал он к себе приближенных и у всех, бояр и простых, стал трогательно просить прощения... Потом он затих. Слеза скатилась из глаз его. Он открыл глаза и пожелал приобщиться в последнюю минуту. Когда это совершилось, он тихо



предал дух Богу.

То было 14 ноября 1263 года.

...Много любезных лиц в тихом, немеркну-

цем сиянии светят русскому народу из дали его прошлого. Много великих событий, дорогих, возвышенных, чудных, совершилось в нашей земле. Но меж всех исторических лиц, уступая место одному, Богом Руси дарованному, неизглаголанному игумену Сергию, — сияет на первом месте благоверный Александр.

Что может быть чище и святей этой тихой смерти в пути после величайшего, никогда и никем из правителей не превзойденного, подвига? Эта смерть вдали от спасенных, когда напряжением всего существа только что избавлен от гибели весь народ, обеспечена ему возможность продолжать существовать, спасена надежда на далекую волю.

Велика прозорливая мудрость Ольги, бесценное одушевление равноапостольного Владимира, горячая правда Мстислава... Но это вольное и безропотное мученичество богатыря, это истекшее святою кровью сердце, вместившее и пригревшее Русь в самые безотрадные ее дни... Эта неустанная работа всей жизни; эта ничем незагасимая вера в свой народ, в священное призвание той Руси, которая некогда из рабства, пепла и крови встанет

необоримой и славной!..

Есть чувства, для которых на языке нет слов. Есть образы непонятной силы, от которых трепещет в восторге, удивляясь им, душа. Есть события, память о которых точно расширяет эту душу умилением, — что Бог помог человеку достичь в жизни таких нравственных высот.

Таков этот богатырь русского народа, и такова его смерть.

...Кончина благоверного князя была возведена во Владимире чудесным образом. В соборе митрополит Кирилл совершал службу и стоял у алтаря, как перед ним словно живой, но озаренный не здешним светом, предстал князь Александр. Будто несомое ангельскими крылами, поднялось к небу светлое видение. Лицо святителя выражало великое волнение, замеченное предстоявшими. Он понял все... Слезы показались в старых очах, и, опустив голову, он сказал: «Солнце земли Русской закатилось!»

Не поняли люди ужасного смысла этих слов... Наконец, собрался святитель с силами и, сдерживая рыдания, громко возгласил: «Ча-

да моя милая, знайте, что ныне благоверный великий князь Александр преставился».

В ужасе, столь же сильным воплем отчаяния ответил парод. Изо всех грудей вырвалось: «Погибаем!»

Владимир опустел. Все пошли навстречу долгожданному великому князю. Митрополит с духовенством остановился в Боголюбове... Пылали свечи, курился фимиам... Народ без числа покрыл окрестность. А он все приближался.

Тот, который так часто нес избавление своей земле, идет в нее с новым избавлением и чтобы никогда не уходить... Идет он, разрешенный от тягостей жизни, замученный непомерным подвигом... Показался великокняжеский стяг.

И при виде этого предшественника лежащего в гробе вождя — зарыдал весь народ... За стягом и гроб — и кинулись к умершему отцу осиротелые дети, чтобы еще пригрел и поберег их...

И стал тогда над народом, говорит летописец, великий плач и крики горя и тоски, каких никогда не бывало, и содрогалась от

воплей этих земля.

23 ноября совершенно было отпевание. Плач и стон народа заглушал церковное пение. Наконец и певчие замолкли от рыданий. Князя положили в монастыре Рождества Богородицы.

При отпевании совершилось чудо: когда усопшему вкладывали разрешительную молитву, он протянул за нею руку и опять сложил руки на груди.

Это событие уверило народ, что Бог прославит благоверного князя и положило начало его посмертному почитанию.

Оно оправдалось при великом князе Дмитрии Донском, в 1380 г. Тогда, перед битвою с Мамаем, ночью в том храме, где была могила св. Александра, загорелись сами собою две свечи, из алтаря показались два честных старца и, приблизившись к гробу, сказали: «О, господине Александре, возстани и ускори на помощь правнуку своему, великому князю Дмитрию, одолеваемому от иноплеменных». И в тот час благоверный князь восстал из гроба и с обоими старцами сделался незрим. Явление это было донесено в Моск-

ву митрополиту, и тогда совершилось обретение св. мощей. На московском соборе 1547 г. великий князь Александр Невский в виду многократных чудес причислен к лику святых.

В 1723 году император Петр Великий перенесет сам мощи благоверного князя Александра из Владимира в Петербург, для утверждения новой столицы, основанной на берегу той самой Невы, где святой витязь славил Русь своими победами. Шествие мощей продолжалось более года.

В Новгороде раку поставили на лодку, а близ Петербурга ее принял на торжественную галеру царь и сам встал у руля.

Мощи благоверного князя покоятся в соборном храме святой Троицы, Александро-Невской лавры, в драгоценной серебряной раке. Она сделана из серебра, найденного в царствование императрицы Елисаветы. Близ раки находится Владимирская икона Богоматери, по преданию принадлежавшая св. Александру; в ризнице — его великокняжеская шапка.

Поэт Майков в превосходном стихотворе-

нии описывает предсмертные думы и кончину благоверного великого князя Александра. Эта проникновенная картина совместила, кажется, всю скорбь души благоверного Александра.

В Городце в 1263 году

Ночь на дворе и мороз.

*Месяц — два радужных светлых
венца вокруг него...*

*По небу словно идет торжество;
В келье ж игуменской зрелище
скорби и слез...*

*Тихо лампада пред образом Спаса
горит;*

*Тихо игумен пред ним на молитве
стоит;*

Тихо бояре стоят по углам;

*Тих и недвижим лежит, головой к
образам,*

*Князь Александр, черной схимой
покрыт...*

*Страшного часа все ждут; нет,
надежды уж нет!*

*Слышится в келье порой лишь бо-
лящего бред.*

*Тихо лампада пред образом Спаса
горит...*

Князь неподвижно во тьму,
в беспредельность глядит...
Сон ли проходит пред ним, иль ви-
дений таинственных цепь
Видит он — степь, беспредельная,
бурая степь...
Войлок разостлан на выжженной
солнцем земле.
Видит: отец! смертный пот на
челе,
Весь изможден он и бледен и
слаб...
Шел из Орды он, как данник, как
раб...
В сердце, зная, сил не хватило
обиду стерпеть...
И простонал Александр: «Так и
мне умереть...»
Тихо лампада пред образом Спаса
горит...
Князь неподвижно во тьму,
в беспредельность глядит...
Видит шатер дорогой, златотка-
ный шатер...
Трон золотой на пурпурный по-
ставлен ковер —
Хан восседает среди тысячи мурз
и князей...

Князь Михаил перед ставкой стоит у дверей.

Подняты копья над княжеской светлой главой...

Молят бояре горячей мольбой...

«Не поклонюсь истуканам вовек», — он твердит...

Миг — и повержен во прах он лежит...

Топчут ногами и копьями колют его...

Хан изумленный глядит из шатра своего...

Тихо лампада пред образом Спаса горит...

Князь неподвижно во тьму, в беспредельность глядит...

Снится ему Ярославов в Новгороде двор...

В шумной толпе и мятеж, и раздор...

Все собрались концы и шумят...

«Все постоем за Святую Софию! — вопят. —

Дань ей несут от Угорской земли до Ганзы...

Немцам и шведам страшней нет грозы...

Сам ты водил нас, и — Биргер
твое
Помнит досель на лице, чай, ко-
пье!..
Рыцари — памятен им пооттаяв-
ший лед!..
Конница словно как в море летит
кровяном!..
Бейте, колите, берите живьем
Лживый, коварный, пришельче-
ский род!..
Нам ли баскаков пустить
Грабить казну, на правез нас во-
дить?
Злата и серебра горы у нас в по-
гребях, —
Нам ли валяться у хана в ногах!
Бей их, руби их, баскаков поганых
татар!..»
И разлилася река, взволновался
пожар...
Князь приподнялся на ложе сво-
ем; очи сверкнули огнем,
Грозно сверкнули всем гневом вы-
сокой души,
Крикнул: «Эй вы, торгоаши!
Бог на всю землю послал злую
мзду.

Вы ли одни не хотите Его поко-
ряться суду?

Ломятся тьмами ордынцы на
Русь — я себя не щажу,
Я лишь один на плечах их держу!..
Бремя нести — так всем миром
нести!

Дружно, что бор вековой, поды-
маться, расти,
Веруя в чаянье лучших времен, —
Все лишь в конце претерпевый —
спасен!..»

Тихо лампада пред образом Спаса
горит...

Князь неподвижно во тьму, в бес-
предельность глядит...

Тьма, что завеса, раздвинулась
вдруг перед ним...

Видит он: облитый, словно лучом
золотым,

Берег Невы, где разил он врага...

Вдруг возникает там город... на-
родом кишат берега...

Флагами веют цветными кругом
корабли...

Гром раздаётся; корабль показал-
ся вдали...

Правит им кормчий с открытым

высоким челом...
Кормчего все называют царем...
Гроб с корабля поднимают, ко
храму несут,
Звон раздаётся, священные гимны
поют...
Крышу открыли... Царь что-то
толпе говорит...
Вот — перед гробом земные по-
клоны творит...
Следом — все люди идут прило-
житься к мощам...
В гробе ж — князь видит — он
сам...
Тихо лампада пред образом Спаса
горит...
Князь неподвижен лежит...
Словно как свет над его просиял
головой, —
Чудной лицо озарилось красотой...
Тихо игумен к нему подошел и
дрожащей рукой
Сердце ошупал его и чело —
И, зарыдав, возгласил: «Наше
солнце зашло!»

**Благоверные князья:
Роман Рязанский, Роман
Углицкий, Василий и
Владимир Волынские,
Феодор, Давид и Константин
Ярославские, Довмонт
Псковский, Михаил Тверской
и Анна Кашинская**

В княжение брата св. Александра Невского совершился мученический подвиг св. князя Романа Олеговича Рязанского.

Св. Роман в ближайших предках своих видел примеры ревностной веры. Его два деда, Юрий и Олег Ингваревичи, страдальчески кончили жизнь в борьбе с Батыем. Отец его более 10 лет протомился в тяжелой неволе в орде, и св. Роман возрос среди скорбей за родину среди того одушевления веры, какое процвело в эти трудные времена; и весь свой век он провел в слезах и молитвах за родину. Сколько мог, он облегчал участь угнетаемых и разоренных своих подданных и погиб он за

свое заступничество, за народ.

Один из татарских сборщиков, собирая дань, прибежал к бесчеловечным насилиям. Князь старался обуздать его. Тогда сборщик донес хану, что князь рязанский поносит царя и его веру. Вызвав Романа в орду, хан объявил ему, что ему должно выбрать одно из двух — мучительную смерть или веру татар.

Святой Роман Рязанский. XIX в.

— Я покорен воле Божией, — отвечал князь, — и повинуюсь власти хана. Но никто не принудит меня изменить моей святой вере.

Татары начали бить исповедника.

— Я христианин! — повторял он.

Тогда его уста заткнули платком, сковали его и бросили в темницу, а хан произнес приговор: «Пусть умрет мучительною смертью!»

Когда князя привели на место казни, он стал говорить собравшемуся для зрелища народу о вере Христовой. Тогда ему отрезали язык, потом стали мучить с ухищренною лютостью. Сперва вырезали ему глаза, потом обрубили пальцы рук и ног, обрезали уши нос,



губы, отсекли руки и ноги. Он оставался еще жив. Тогда взяли туловище, содрали кожу с

головы и тогда лишь отрубили голову и воткнули ее на копье. Это неизреченное страдание совершилось 19 июля 1270 г.

Память св. Романа всегда была почитаема на Руси. До нас дошло описание его древних иконных изображений. Князь не старых лет, русые кудрявые волосы падают на плечи тонкой волной. На нем накинута соболья шуба, под нею бархатная поддевка. Левою рукой он держит город с церковью, а правая поднята на молитву.

Где находятся мощи св. Романа, о том не сохранилось сведений. Предание говорит, что они были тайно унесены в Рязань и преданы земле в неизвестном месте.

В том же веке несколько благоверных князей прославились тихими подвигами благочестия.

Внук незабвенного и праведного великого князя Константина Всеволодовича, святой князь Роман Владимирович Углицкий — был добрым отцом своего княжества. В его обладании находились города: Углич, Кашин, Бежецк, Устюжск, Дмитров, Звенигород. Кроме того, он на высоком берегу Волги построил

новый город Романов (против слободы Борисоглебской, почему он теперь Романов-Борисоглебский). Мудрый хозяин, он в разных местах своего княжества воздвиг до 15 храмов, устроил странноприимные дома и богадельни.

Угличские святые, в том числе царевич Димитрий и князь Роман на иконе конца XIX века

Ведя жизнь строгую, праведный князь ежедневно слушал церковную службу, любил беседы с иноками и чтение божественных книг. Оставшись одиноким, вдовый и бездетный, он последние годы жизни весь ушел в подвиги молитвы, поста и милосердия и среди них тихо почил 3 февраля 1285 г.

В 1486 г. при копании рвов для фундамента Угличского собора, где был схоронен князь Роман, его мощи обретенны нетленными. Он обгорели в 1609 г., когда ляхи зажгли собор. Останки св. мощей хранятся в соборе.

На юге России в это время сияли благочестием Василий Романович, князь Волынский, и его сын. Василий Романович был братом и



верным сподвижником знаменитого Даниила, короля Галицкого, славного столько же во-

инскими и государственными заслугами, сколько великодушием, милосердием, твердостью. По смерти брата Василий — или, как звали его, Василько — остался усердным и опытным руководителем его сыновей. Этот храбрый воин и добрый князь окончил (около 1270 г.) дни свои иноком. Он удалился в дикую, заросшую кустарником пещеру и здесь, посвятив себя суровым подвигам, оплакивал то, что было грешного в его былом мирском властолюбии и в его бранной жизни.

Наследник его области и сын его, Владимир-Иоанн, был горячим сторонником правды, кроток, милостив, воздержан, строг к себе, смел в бою и очень любил книжное знание, так что и прозван современниками *философ* (друг мудрости).

Смоленский князь Феодор Чермный. Миниатюра из Федоровского Евангелия. 1327 г.

В четыре последние года жизни он вынес ужасное страдание. У него начала гнить нижняя губа; лекарства не оказывали никакого действия. Терпеливо снося боль, он не оставлял дел и ездил на коне. Недуг усилился. От-

Приблизившись в таких страданиях к смерти, Владимир собрал все драгоценности, золотые и серебряные пояса свои и отца, монасты матери и бабки, утварь свою — большие серебряные блюда, золотые кубки. Все это он слил в гривны и разделил между бедными. Им распределил он также и княжеские стада.

Праведный князь Владимир скончался в 1289 г. и погребен в соборном храме г. Владимира-Волынского. Город Ярославль был также местом подвигов целой семьи святых князей.

Смоленский князь Феодор, по прозванию *Чермный*, вырос в страхе Божиим. Отличаясь мужеством и качествами доброго военачальника, он тем не менее удалялся от распрей и ссор. Его братья предоставили ему из всего княжества Смоленского небольшой городок Можайск, и потому он жил в Ярославле. Жена его, княгиня Мария, была дочерью последнего князя Ярославского, св. Василия Всеволодовича, и единственной наследницей княжества Ярославского. Жить в Ярославле ему было нелегко, так как теща его, вдовствующая кня-

гиня Ксения, не хотела уступать ему власти.

Будучи с другими князьями в орде, князь очень понравился дочери хана, и ее мать предложила Феодору ее руку. Он не побоялся ответить, что он христианин, женат и по своему закону не может взять вторую жену. Отклонив с опасностью жизни это предложение и показав тем верность Богу, он вернулся домой. Но княгиня Ксения не впустила его в Ярославль и объявила, что там уже есть другой законный князь, рожденный от него, сын Марии, Михаил. Несмотря на вмешательство ордынского посла, властолюбивая Ксения так и осталась при своем.

Не хотел кроткий Феодор хлопотами у хана добиваться своего, и Господь наградил его за его миролюбие. Вскоре он овдовел, умерли его братья, и он получил после них княжество Смоленское.

Прибыв снова в орду, он был там встречен с радостью и с прежним чувством со стороны дочери хана. Теперь лишь языческая вера служила единственным препятствием для ее брака. Она приняла св. крещение с именем Анны и была обвенчана с Феодором. Хан на-

значил города для содержания дочери и зятя. Благочестивый князь испросил у тестя разрешение поставить несколько храмов в орде. Счастье не изменило ему; твердый в беде, он был тих в счастии и всего больше любил Господа.

Вскоре умер малолетний сын его, Михаил Ярославский; тогда князь Феодор отправился в Ярославль с княгиней Анною и двумя сыновьями от нее, Давидом и Константином. Жители Ярославля не хотели принять их, но князь привел смолян и смирил Ярославль.

Потом он стал оплачивать неусердному к нему городу благодеяниями. Он расширил Ярославль, окружил его земляным валом, построил и богато украсил несколько храмов. Особенно прилежал он монастырю Спасскому: часто там молился, оделял бедных, кормил братию. В княгине своей он видел полное сочувствие своей христианской жизни.

В сношениях с князьями он искал всю жизнь миролюбия, и частые их смуты удручали его тихую душу.

Достигнув старости и почувствовав близость смерти, он велел нести себя через весь

город в Спасский монастырь.

Его поставили здесь в притворе, и игумен спросил его: «Что пришел, брат? Желаете ли сподобиться ангельского образа?» Князь поднял руки к небу и сперва сказал: «Всей душой готов, Владыко и Творец мой, работать Тебе!» — потом ответил игумену: «Да, честный отче!»

Совершился обряд пострижения, и нового инока понесли в келью к игумену. Там весь день прощался он со всеми, исповедал всенародно все грехи и заблуждения своей жизни и простил всем все. Простившись с княгиней и детьми, он уговаривал их исполнять его наставления. Поздним вечером он просил игумена облечь его в схиму и затем выслал от себя всех, кроме игумена. Во время утрени он осенил себя знаменем креста и предал ясный дух свой Богу 19 сентября 1298 г.

Сыновья святого князя были наследниками отцовского благочестия. Младший, Константин, умер безбрачным, а старший, Давид, 23 года правил Ярославским княжеством и умер в 1321 году. Оба они положены возле родителя, в Спасском монастыре.

В 1468 г. Спасский архимандрит обрел нетленные мощи трех святых князей, перенес их в храм и положил в одной гробнице. Тогда начались от них исцеления и чудеса. Архиепископ Ростовский Трифон, не веровавший в их святость, был поражен расслаблением всего тела. Но, уверовавши, исцелился. Мощи свв. благоверных князей Феодора и чад его, Давида и Константина, Ярославских чудотворцев, почивают открыто в соборном храме Спасского ярославского монастыря

В 1692 году при построении новой церкви в бывшем Петровском монастыре, усыпальниц древних князей и княгинь Ярославских, были обретены мощи княгинь Ксении и Анастасии и князя Михаила; полагают, что это теща, сын и вторая супруга, княгиня Анна, в иночестве Анастасия, — св. князя Феодора Чермного.

Конец того же XIII века, столь обильного грустными историческими событиями и святыми князьями, которых Бог посылал для облегчения народа, украшен подвигами одного из северных князей: св. Довмонта Псковского.

Довмонт, язычник и литовец, князь Налы-

панский, после кровавых событий в Литве, спасая жизнь, с 300 литовских семейств бежал в Псков. Здесь, как говорит летописец, на него дохнула «обновляющая благодать Божия», он принял св. крещение с именем Тимофея. Псковитяне посадили его на княжеском престоле и высватали ему внучку св. Александра Невского, княжну Марию, чтоб связать его с дорогим для них родом.

И этот пришлец стал княжить в Пскове, воскрешая прежние славные времена св. Всеволода, Мстислава и Александра. Он предпринял поход на Литву, которая часто из своих густых лесов вторгалась в русские пределы и уводила русских в плен.

Пользуясь тем, что князь Литовский в отсутствии, Довмонт, имея при себе всего 270 воинов, прошел с огнем и мечом по его владениям, забрал в плен и его жену, и семью, и толпы литовцев. Затем он выбрал 70 лучших воинов и перешел с ними Двину, а остальным велел с добычей идти в Псков. Скоро сторожевые дали знать о приближении литовского князя с войском. «Братья-псковичи, — сказал тогда Довмонт своим 70 воинам, — кто

стар из вас, тот мне отец. Кто молод, тот мне брат. Я знаю ваше мужество. Перед вами жизнь и смерть. Братья мои, постойм за святую Троицу!»

Эти слова воодушевили эту небольшую горсть людей. С воинами Довмонт одолел литовцев, многих побил и потопил в Двине. На следующий год он снова ходил в Литву, опустошил ее и убил князя.

Так были смиренны эти исконные враги западной русской окраины.

Еще важнее победы Довмонта над ливонскими рыцарями, которые, как было уже выше говорено, были врагами особенно опасными, потому что посягали не только на области наши, но главным образом хотели вооруженною рукою провести в Россию католическую ересь, называя нас не иначе, как язычниками.

Эстонские язычники издавна платили дань Новгороду, и потому, когда датчане стали заводить у них свои поселки, чтоб подчинить их себе, много русских князей в 1268 г. собралось в Новгород, чтоб идти в Эстонию и выгнать датчан. Пошел также с псковитяна-

ми и Довмонт.

В начале похода ливонские рыцари отрядили к русским послов, которые клялись, что рыцари не будут помогать датчанам, а желают сохранить с князьями мир. Но затем и начальник рыцарей, и епископ дерптский выступили на помощь датчанам. Между русским ополчением и союзными иноземцами произошла жестокая битва. Епископ дерптский был убит и с ним около полутора тысяч человек. В темноте ночи рыцари обратились в бегство. Новгородцы ушли домой, а Довмонт с псковитянами прошел до самого моря, разорил капища эстов и вернулся домой, ведя с собою множество пленных. Вскоре немцы тайно вступили в псковскую область и ограбили несколько сел. Довмонт с небольшим отрядом настиг и разбил их. Некоторые скрылись на острове. Довмонт велел зажечь траву и так истребил клятвопреступников.

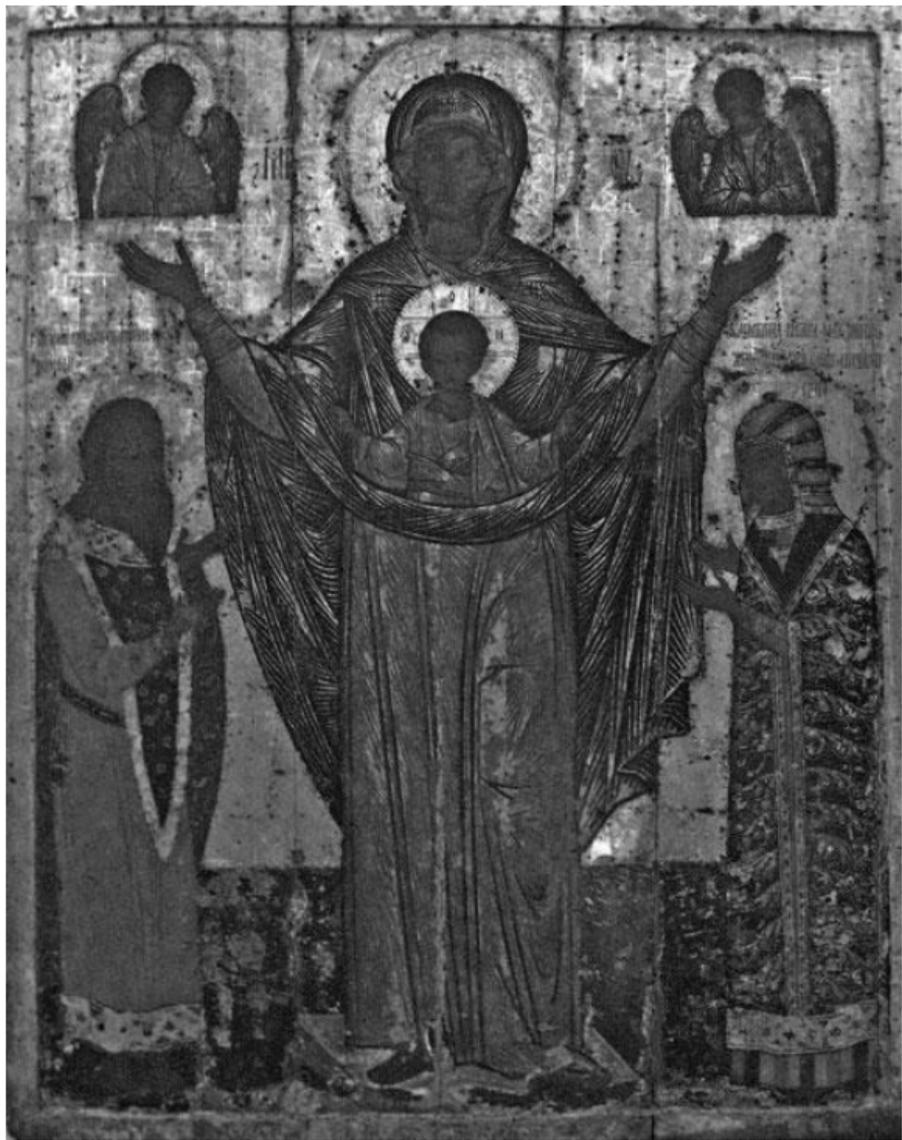
На следующий год, пылая местию, начальник ордена собрал 18000 войска и пошел на Довмонта. Он грозил сровнять Псков с землею и осадил город. Убедившись личным осмотром в силе неприятеля, Довмонт осмотрел

войско и пришел помолиться в Троицкий собор. Там положил он меч свой перед алтарем, пал на лицо и молился так со слезами: «Господи Боже сил, призри на кротких и смиренных рабов Твоих и смири высокоумие гордых!»

Довмонт Псковский и его супруга Мария на иконе Мирожской Божьей Матери. 1583 г.

Игумен Мирожского монастыря опоясал князя мечом и благословил на битву за веру и Псков. Довмонт не стал дожидаться новгородцев. Он ударил с дружиной на немцев, разрубил магистру лицо и истребил несколько тысяч латинян. На десятый день подошли полки Новгородские. Немцы устремились в бегство, и потом был заключен мир на условиях, предписанных Довмонтом.

Все эти победы Довмонта надолго доставили покой западной нашей границе. Но не одними подвигами для охранения русской земли прославился Довмонт. Он оставил в Пскове вечную о себе память своим добрым управлением. Из купели крещения он вышел истинным христианином и, обнажая меч за ве-



ру, в то же время утешал своею кротостью свой народ. Он судил право, слабых не давал

в обиду, постоянно благотворил бедствующим, посещал заключенных в темницах, покоил странников, любил духовенство и строил храмы. К себе был строг, смирял себя постом и чтил праздники.

Из городских сооружений Довмонта памятна построенная им каменная стена, которая до XVI века называлась Довмонтовою. Уже перед самою кончиной ему пришлось снова отразить немцев от Пскова. В начале 1299 г. ливонские рыцари неожиданно окружили Псков, грабили монастыри в его предместьях, убивали безоружных монахов, женщин и младенцев. Уже слабеющий старец, но пылкий духом воин, Довмонт вывел свою малочисленную дружину и сразился с немцами на берегу Великой. Он смел немцев в реку, начальник их был ранен; Довмонт захватил множество их оружия и отправил пленников к великому князю.

Через несколько месяцев князь заболел павшею на Псков заразительною болезнью и 20 мая 1299 г. скончался. Народ горько плакал, погребая в соборе Св. Троицы тело любимого князя. 33 года верно трудился он «за Свя-

тую Троицу» и возвеличил призревший его город Псков. Верил, что мужественный и праведный князь получил дерзновение у престола Божия за свой народ.

Псковитяне молились ему перед битвами, в 1374 году построили ему храм. Когда в 1480 г. сто тысяч немцев осадило Псков, св. Довмонт явился во сне одному благочестивому человеку и сказал ему: «Возьмите покров гроба моего, трижды обнесите вокруг города с крестным ходом, молитесь и не бойтесь». Псковитяне исполнили повеление св. князя, вступили смело в бой и заставили немцев снять осаду.

У дубовой гробницы, стоящей в верхней церкви в приделе св. князя Всеволода — Троицкого Псковского собора, хранится древняя его икона и висит его меч. Псковитяне особенно уважали этот так долго и славно оборонявший их меч, вручали его князьям, возводя их во Св. Троице на княжение. Он размерами меньше и не так изящно отделан, как меч св. Всеволода. Оба меча носят во время крестных ходов.

Супруга благоверного князя Довмонта,

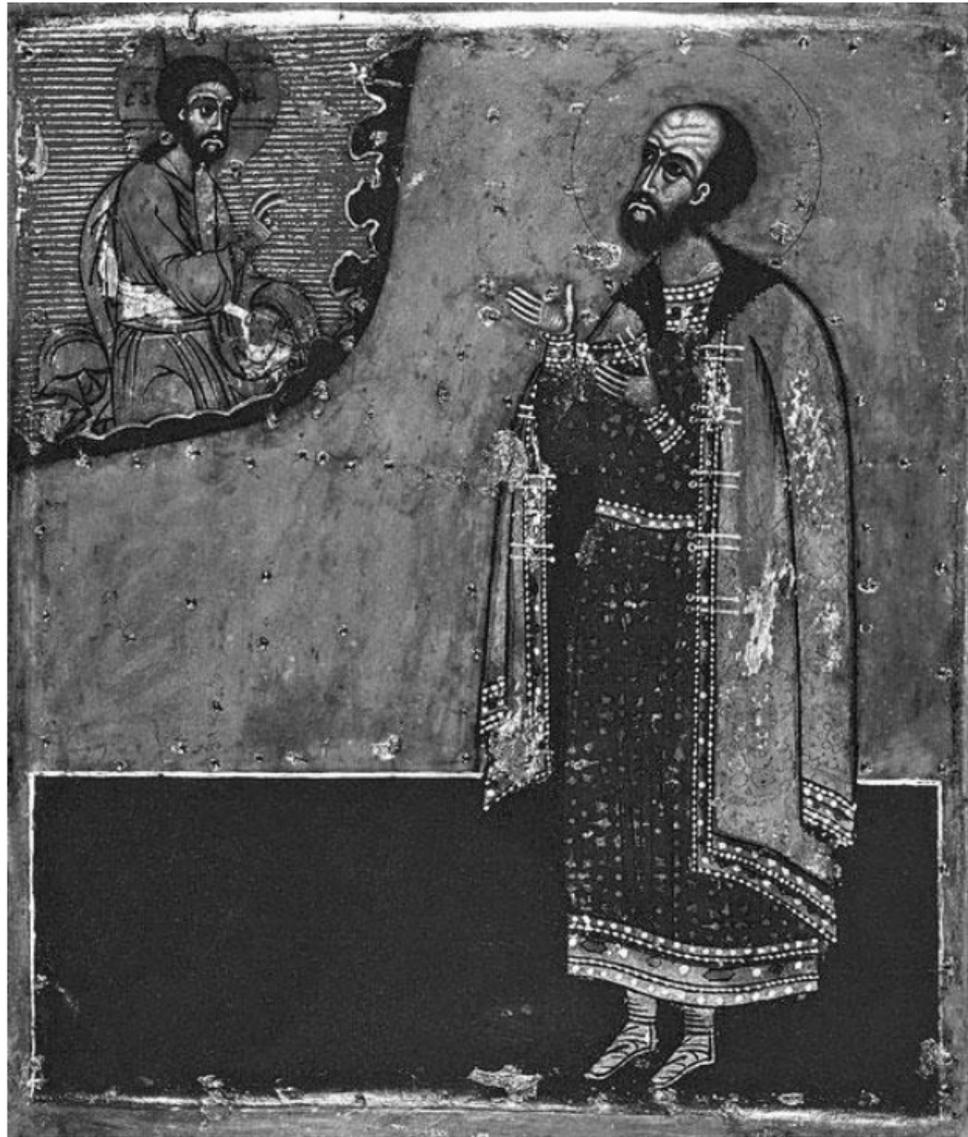
внучка св. Александра Невского, блаженная княгиня Мария, лишь на год пережила супруга и почила, приняв иночество с именем Марфы. Она погребена в Предтеченском храме монастыря того же имени. Память ее местно чтится 6 ноября, и в рукописных святцах она показана в числе святых.

На чудотворной Мирожской иконе Богоматери, прославленной в 1567 году, изображены молящимися: по правую руку Богоматери — св. Довмонт, а по левую — блаженная княгиня Мария.

Святой Михаил Тверской на иконе XVII в.

Последнею чистою жертвой, замученною татарами, отошел св. великий князь Михаил Ярославич, тверской чудотворец.

Св. Михаил всю жизнь особенно почитал свою мать, княгиню Ксению, умную и добродетельную, которою был воспитан. Есть предание, что она была помолвлена за отрока княжеского Григория, как ее увидал князь Ярослав и женился на ней, а Григорий отрекся от мира и основал близ Твери Отроч монастырь. Благочестивая княгиня Ксения почила



незадолго до сына в 1312 г., приняв пострижение. Она погребена в тверском соборе. В его

ризице хранится древний образ св. Михаила и блаженной матери его Ксении; они держат руками город. Тверитяне чтут память княгини Ксении, как молитвенницы за родину.

Выросши под руководством благочестивой матери, св. Михаил всю жизнь остался верен своему воспитанию, и стремление покоить землю даже ценою уступок всегда руководило им. Вступая по праву старшинства на престол великокняжеский, Михаил должен был вынести борьбу с племянником, Георгием Московским; наконец он получил утвердительную ханскую грамоту.

Три года Георгий, живя в орде, искал у ордынских вельмож, дарил их; наконец, угодил новому хану Узбеку, который выдал за него любимую сестру, Кончаку (в крещении Агафью), объявил его великим князем и дал войско. Тогда недостойный Георгий с татарами и их воеводою Кавгадыем пошел на Тверь.

Михаил отправил к племяннику послов, говоря: «Если то угодно царю — будь великим князем, но оставь меня спокойно княжить в моем уделе. Иди во Владимир и отпусти войско».

Георгий вместо ответа принялся опустошать Тверское княжество. Угнетаемый Михаил созвал тогда на совет епископа и бояр.

— Судите, — сказал он, — меня с племянником. Я отдал великое княжество Георгию, а он посягает на голову мою и терзает мой наследственный удел. Кто из нас виноват?

— Ты прав перед Богом, государь, — отвечали все. — Возьми меч и иди на врага. С тобою Бог и верные слуги, готовые умереть за тебя!

— Не за меня одного, — сказал князь, — но за множество невинных людей, лишаемых крова, свободы и жизни.

Вспомните слово евангельское: «Кто положит душу свою за други, тот велик наречется. Да будет вам слово Господне во спасение!»

Мужественно встретил Михаил в 40 верстах от Твери полки Георгия, соединенные с татарами и мордвою. Во время битвы Михаил, казалось, искал смерти: шлем его и латы были все иссечены и прострелены, но он остался цел и невредим, отражал неприятеля и наконец погнал его. Эта победа спасла множество жителей Тверской области, взятых в

ПЛЕН ТАТАРАМИ. Они во время сражения молились за исход битвы и, видя торжество князя, плакали от радости. Вместе с другими пленниками Михаил захватил жену Георгия и военачальника Кавгадыя. Угостив Кавгадыя, Михаил обласкал его и отпустил к хану. Тот лицемерно клялся ему в дружбе. К несчастью, жена Георгия скоро умерла, и враги Михаила распустили слух, что она отравлена.

Зная свою правоту, Михаил после отъезда Кавгадыя предложил Георгию ехать с ним в орду на суд, а пока спокойно занимался делами княжения. В это время Георгий поспешил предупредить дядю в орде и очернил его перед ханом. Наконец, собрался ехать и Михаил. Принял он благословение от епископа, перекрестил детей и отправился в путь. Добрая супруга его, княгиня Анна, провожала его часть пути. На месте разлуки Михаил исповедовался своему духовнику.

— Может быть, — говорил он, — последний раз открываю тебе мою душу. Я всегда любил отечество, но не мог прекратить наших злобных междоусобий. По крайней мере, буду доволен, если хоть моя смерть успокоит

Русь.

Во Владимире посол хана объявил князю его гнев. Бояре советовали Михаилу остановиться; сыновья молили послать за себя кого-нибудь из них.

— Нет, — отвечал князь: — хан требует меня, а не вас. Подвергну ли отечество новой беде? Можем ли бороться с их силой? За мое послушание падет множество христиан. Мне и тогда придется умереть. Не лучше ли умереть теперь, когда гибелью моею я еще могу спасти других?

Михаил написал завещание, распределил уделы между сыновьями, дал им отеческое наставление, как жить добродетельно, и простился с ними навсегда.

Михаил нашел Узбека на берегу Азовского моря, у устьев Дона, вручил ему дары и шесть недель жил в орде спокойно. Вдруг хан приказал рассудить его с Георгием. В числе судей были Кавгадый и ханские вельможи, подкупленные Георгием.

Его осудили, взведя неправильные вины — между прочим отравление ордынской царевны, — удалили от него верных слуг и наложи-

ли на него колодку.



Благодарный князь Михаил Тверской (спра-

ва) и Святитель Арсений Тверской на иконе XVIII в.

Хан Узбек отправлялся на звериную ловлю. За ним тронулась вся орда. Повлекли вслед и Михаила. Обремененный цепями и тяжелой колодкой, он терпел твердо унижение и муку, готовился к смерти, несколько раз приобщался, беседовал о будущей жизни с находившимися при нем игуменом и двумя священниками. Ночи он проводил в молитве и чтении псалмов Давидовых по книге, которую отрок княжеский держал и перевертывал в ней листы. Несколько раз предлагали ему бегство; были наготове и быстрые кони, и проводники.

Князь же отвечал:

— Не дай Бог и думать о том. Своим спасением подвергнуть беде мой народ!.. Да будет воля Божия.

За Терекон, у Дербента, Узбек подтвердил смертный приговор Михаилу. Страстотерпец не ужаснулся смерти. Он отслушал утреню, благословил бывшего при нем сына и переказал ему последний завет для супруги, де-

тей и братьев. Окончив земные дела, он велел подать псалтирь и произнес: «Прискорбна душа моя до смерти!»

Разогнув псалтирь, он прочел раскрывшиеся слова: «Сердце мое смятеся во мне, и боязнь смерти нападе на мя!»

Содрогнулась душа князя. Игумен сказал ему тогда:

— В том же псалме сказано: «Возверзи на Господа печаль твою!»

И князь договорил великие слова — слова стремления верующей души к вечному Богу: «Кто даст ми крыл яко голубине, и полещу, и почию?» — и он закрыл книгу.

В это время в ставку вбежал бледный, дрожащий отрок княжеский, с вестью, что князь Георгий и Кавгадый с толпою народа приближаются к ставке.

— Ведаю для чего! — спокойно произнес князь и послал юного сына к жене Узбековой с просьбой сберечь его.

Мучения Михаила Тверского в орде

Георгий и Кавгадый остановились на площади, близ шатра, разогнали всех людей кня-



жеских и послала в шатер убийц. Убийцы повергли его на землю, истязали, топтали ногами. Наконец, один из них вонзил ему нож в ребра и вырезал сердце. Тело князя лежало нагое, пока народ, по татарскому обычаю, грабил имущество убитого. Только Кавгадый сумрачно напомнил Георгию;

— Он твой дядя. Оставишь ли труп его на поругание?

Тогда Георгий приказал слугам покрыть князя. Мученический подвиг святого князя совершился 22 ноября 1319 г.

Тело Михаила было сначала погребено в Москве, потом, по просьбе вдовы и сыновей князя, Георгий отпустил гроб в Тверь. На берегу Волги вдовствующая княгиня Анна с сыновьями, народ и духовенство встречали тело. Когда подняли крышку гроба, — увидели тело нетленным, нисколько не поврежденным ни дальним путем, ни пятимесячным пребыванием в могиле. Мощи предали земле в соборном храме, где в 1765 году они снова обретенны нетленными и поставлены тогда открыто. Старый подлинник изображает св. князя с большой бородой, с проседью в волосах. На голове шапка, в правой руке крест, в левой меч в ножнах.

Современники высоко чтили память св. Михаила, его великодушие и терпение в бедствиях; особенно же жалели о нем тверитяне, потерявшие в нем отца.

Убийцы Михаила понесли от Бога заслуженную кару. Кавгадый вскоре погиб внезапно. А через шесть лет по убиении св. Михаила

старший сын его, Димитрий, по прозвищу «Грозные очи» встретил князя Георгия в Орде, затрепетал от ужаса и гнева и вонзил по рукоятку свой меч в грудь Георгия на глазах хана. Георгий тут же умер, а Димитрий был казнен.

Наравне с памятью матери св. Михаила, блаж. княгини Ксении, почитается в Тверской области память и супруги его.

Блаж. княгиня Анна Дмитриевна пробыла 25 лет в супружестве. После страдания св. Михаила, она с именем Софии приняла пострижение в тверском Софийском монастыре и жила то в Твери, то в Кашине, где и почила 2 сентября 1338 года. Ее тело поживает в Кашинском соборе.

Москва
Св. Даниил Александрович
Московский. Иоанн
Данилович Калита. Дмитрий
Иоаннович Донской и св.
Ефросиния, великая княгиня
Московская

От тягостных времен татарщины, от исчисления князей-страстотерпцев, от описания жертв, понесенных за родную землю ее правителями в безотрадные дни ига, пора перейти к иным временам, озаренным занимающимся сиянием новой владычицы земли Русской — Москвы.

В грозном испытании ига закалив русский народ, единством пережитого бедствия, причувствив отдельные княжества больше, чем прежде, чувствовать общность судьбы для всех составлявших Русь частей, развив в народе драгоценные свойства смирения и терпения — Господь постепенно подготавливал избавление Русской земли и образовывал силу,

которая должна была послужить орудием такого избавления.

То была Москва.

Главою Руси надлежало стать совершенно новому городу, который именно вследствие условий своего развития, вследствие того, что сам он вырос под игом и мог совершить нужную работу для освобождения от ига.

Москва представляет удивительную противоположность Киеву в том именно, что сгубило Киев и Киевскую Русь.

Как Киев был весь — порыв: своеволие и разногласие князей, господство личных расчетов, неповиновение духовным наставникам; так Москва вся — сосредоточие, покорность раз принятому направлению, которому безусловно подчинялись все московские князья, и удивительное согласие мирской власти с советами духовных пастырей.

Величие Москвы основано даже на *послушании*, на исполнении Иоанном Калитою слова митрополита Петра, и это послушание продолжалось и дальше, когда московские великие князья трудились при благословении и непрестанных советах святителей Петра, Фео-

гноста, Алексия, Киприана Фотия, Ионы, которых имена нераздельно соединены с именами современных им московских государей.

И это сознательное искание московскими князьями в их деле помощи и благословения Божия придало делу Москвы особое духовное величие. Оно освятило в глазах народа и это дело, и этот город, ставший на пророчествах, поднятый преемственным рядом святых князей и святых митрополитов. А вера тех и других и народа в высокое призвание Москвы вызывала великие чудеса Божии на помощь в исторических несчастиях Москвы.

И в этой суровой, ничем не отвлекаемой и из поколения в поколение сознательно преемственной работе возвысилась Москва и совершила волею Бога свое назначение.

Величайший подвижник русского дела в безотрадный век ига, св. Александр Невский, умирая, оставил России то семя, от которого поднялся и процвел корень московских князей. Какое-то особенное значение чувствуется в младенце-князе, младшем сыне великого Александра, который и становится первым московским святым и родоначальником бла-

говерных великих князей московских.

Чрезвычайна судьба Даниила. Он остался после отца двухлетним и, хотя не успел воспользоваться его наставлениями, однако из всех своих братьев один усвоил его благочестие и за то, как говорит летописец, Бог возлюбил и избрал его.

В то самое время, когда и у взрослых, сильных князей другие отнимали уделы, никто не нападал на незначительный удел младенца-князя с ничтожным городом Москвою. Выросши, он постарался мирным способом без насилия увеличить свой удел — и, хотя и вовлекаемый в междоусобия князей, держал себя умеренно, бережа совесть, ища утолять ссоры любовью. Мужественный духом, храбрый в бою, он только из крайней необходимости для обороны от врагов брался за меч. И все добрые качества его тихой души еще на земле получили награду.

У него был племянник Иоанн Дмитриевич очень с ним дружный, владевший весьма значительным в то время и важным Переяславским уделом. Умирая бездетным, он отказал свой удел дяде.

Тогда народ, видя, как сам Бог заботится о кротком Данииле, прозвал его «Богоснабдимым».

Слияние Москвы с Переяславлем было первым крупным шагом к росту Московского княжества. Даниил кончил жизнь, как вел ее, в подвигах благочестия. На берегу реки Москвы он построил деревянную церковь во имя своего ангела, при ней монастырь, и постригся здесь в схиму. Он преставился 4 марта 1303 г., смиренно завещав положить себя не в церкви, а на монастырском кладбище. Он же построил храмы во имя Преображения (Спас на Бору) и Михаила архангела (Архангельский собор) — в нынешнем Кремле.

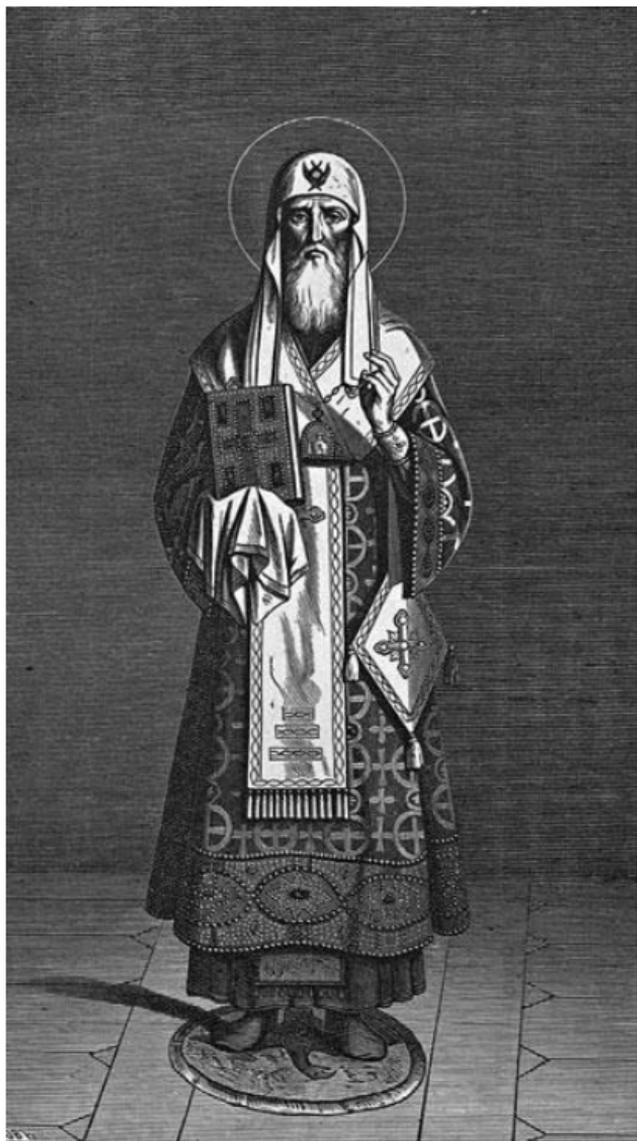
В первое время после князя Даниила монастырь существовал, но потом запустел, и осталось одно сельцо Даниловское с деревянной церковью. При великом князе Иоанне III один боярин ехал мимо этого места, как явился ему неизвестный муж и сказал: «Не бойся меня: я христианин и господин сего места. Имя мое Даниил, князь Московский. Скажи от меня Иоанну: сам ты тешишь себя, а меня забыл. Но не забыл меня Бог мой».

При сыне Иоанна, Василии III, последовало новое знамение: боярин князь Шуйский, сходя с лошади, наступил ногой на могилу князя и тут же был наказан падением. Он понял свое неуважение к святому месту и потом часто ходил сюда петь панихиды. При Иоанне Грозном исцелился у гроба св. Даниила сын коломенского купца, и тогда учрежден крестный ход для совершения панихиды по князю-схимнику и возобновлен на царское пожалованье монастырь. В 1652 г. обретенны нетленными мощи св. князя Даниила.

Святитель Петр, митрополит Московский

К сожалению, должно сказать, что Москва недостаточно помнит первоначальника своей славы, поныне заслуживая упрека.

В 1328 г. сын Даниила Иоанн Даниилович стал великим князем. Он был первый московский князь, восшедший на престол великокняжеский и оставшийся навсегда жить в Москве, прикрепив к Москве таким образом этот престол. Еще чрезвычайное событие возвеличило при нем Москву: перенесение сюда



из Владимира кафедры митрополичьей.
Святитель Петр, неумимый поборник

Церкви и родины, часто навещал в Москве Иоанна и оценил и доброту и способности его и, по внушению Божию, св. Петр переселился в Москву и сказал пророчественное слово Иоанну: «Если ты успокоишь мою старость и воздвигнешь здесь храм достойный Богоматери, то прославишься больше всех иных князей, и род твой возвеличится; кости мои останутся в сем граде. Святители захотят обитать в нем, и руки его взыдут на плеча врагов наших».

Исполняя волю великого старца, Иоанн в 1326 г., 4 августа, заложил первую в Москве каменную церковь во имя Успения Богоматери, где своими руками св. Петр устроил себе каменный гроб, в котором через несколько месяцев и положили его. Преемник св. Петра, а за ним и следующие митрополиты оставались в Москве.

Московский большой Успенский собор

Иоанна Данииловича не было при кончине св. Петра, и святитель оставил ему такие прощальные слова: «Оставляю сыну моему, возлюбленному князю Ивану, мир и благосло-



вание от Бога и семени его до века. За то, что сын мой успокоил меня в старости, возрадуются

ему Господь сторицею в мире сем и дарует ему живот вечный, и не оскудеют от семени его обладающие местом его, и память его прославится».

Святитель Петр зажег такую свечу, огонь которой заботливо поддерживали пожившие после него князья и святители. Этим огнем горела жизнь великих тружеников московского государственного дела, на этот огонь собралась к Москве Русская земля перед Куликовым полем; ее пламенем горели сердца незабвенных бойцов того дня.

А огнем, возженным от святителя Петра, — была вера в Божье к Москве милосердие, вера в будущее России и в назначенное ей величие.

И началось с того дня государственное возрождение России; стала созреть в городке, дотоле маловатом, мысль спасительного единодержавия, скопилась мужественная воля порвать узы ханские, подготовились средства к независимости России.

В высшей степени умело обращаясь с татарами, Иоанн частыми путешествиями в орду покоил русскую землю. При нем мир и тиши-

на воцарились в северной России, христиане на сорок лет опочили от истомы и долговременных насилий. Земледельцы могли спокойно обрабатывать нивы, купцы торговать, а бояре жить в избытке. Прекрасный хозяин, Иоанн покупал или выменивал новые владения и расширял княжество, а прочих князей держал в повиновении. Одно лишь было на нем пятно: борьба с князем Александром Тверским, закончившаяся мучением Александра в орде.

Потомство дало Иоанну имя Собирателя земли Русской, современники звали его государем-отцом. Он берег русскую кровь, освободил великое княжение от внешних и внутренних врагов; дал гражданам безопасность, истребил разбои и был правосуден. Жители других русских областей завидовали устройству и тихой жизни в областях Иоанна.

Расположение к Иоанну, как к правителю, усиливалось любовью к нему, как к человеку. Глубоко набожный, усердный в возведении храмов (Успенский, Архангельский соборы, Спас на Бору и другие), мягкий в обращении, милосердный к нищим, домовитый, добрый

строитель и хозяин: таков был Иоанн. Он всегда носил с собою мешок или *калиту* с деньгами для бедных. Поэтому и известен он у потомков под именем Иоанна *Калиты*.

Он скончался далеко не старым, 31 марта 1340 г., и погребен в возведенном им Архангельском соборе.

Есть трогательное сказание о греющем отношении Иоанна Калиты к бедным. И именно эта черта его так и привлекала к нему любовь народа. Один нищий только что получил от князя милостыню и сейчас же подошел, чтобы взять еще. Потом он зашел сзади и стал опять просить. Князь без задержки подал ему и в третий раз, только промолвил:

— Возьми, несытая зеницы.

— Ты сам несытая зеницы, — быстро ответил нищий, — и здесь царствуешь, и там хочешь вечно царствовать.

То же предание говорит, что кто-то в видении видел Иоанна в раю. В рукописных святцах он поставлен в число святых.

В конце XIV века назначено было Руси выступить на решительный и победоносный бой с татарами.



Иван Калита. Рисунок из «Отечественного пантеона великих князей», 1850 г.

Мудрые действия московских князей настолько усилили Русь, что возможным стало думать о борьбе, и на нее решился внук Калиты, великий князь Дмитрий Иоаннович. Оставшись после отца своего по девятому году, он был воспитан под непосредственным руководством великого и незабвенного святителя Алексия, государственной деятельности которого Россия обязана вечною благодарностью. Происходя из знатного боярского рода, крестник Калиты, он в юных летах оставил мир, и пышно расцвели душевные его силы в подвигах иночества. В сане митрополита он чудесно исцелил ослепшую жену хана, и когда новый хан обнаружил враждебные намерения против Русской земли, св. Алексий взял на себя укротить его жестокость, опять поехал в орду и с помощью благодарной ему ханши-матери утолил губительный для России гнев. Среди той торжественной встречи, которую устроили святителю в Москве, выделился поступок восьмилетнего Дмитрия. Расплакавшись от умиления, он воскликнул с силою, необыкновенной для его возраста:

— О, владыко! Ты даровал нам *житие мирное*: чем изъявим тебе свою признательность?

Двенадцати лет занял Димитрий престол великокняжеский, и именно руководство святителя Алексия давало Руси то спокойствие, в котором она могла собраться с нужными силами.

В 1380 году, после разных недоразумений с ханом Мамаем, Димитрий решился вступить с ним в открытую борьбу и, помолясь, разослал гонцов по всем областям великого княжения, чтоб немедленно сходились к Москве ратные люди.

Дмитрий Донской. Рисунок из «Отечественного пантеона великих князей», 1850 г.

Велик был этот день, когда взросший среди старых воспоминаний о Батые, о Калке, о Сити, о целой нескончаемой кровавой цепи князей-мучеников, Дмитрий решил кликнуть клич к Руси для боя и свободы. И та Русь, которую он звал теперь, не была раздробленная, междоусобная Киевская Русь далеких дней; Московская Русь поднялась по его слову, как



Один человек.

Бесконечною вереницею вступали в

Кремль спешившие от всех сторон дружины; их выслали из Ростова, Белозерска, Ярославля, Владимира, Суздаля, Переяславля, Костромы, Мурома, Дмитрова, Можайска, Углича, Серпухова. Стук оружия не умолкал в Москве, и народ с умилением смотрел на воинов, готовых умереть за свободу родины и за святую веру. Настало точно пробуждение от долгого сна. Ужас имени татар словно исчез. Никогда, казалось, государь не обнажал меча при таком единодушном сочувствии народа.

Пока сильные вооружались, слабые, женщины и дети молились, и первую из них была любящая и благочестивая великая княгиня. Преп. Сергей игумен, к которому пошел Димитрий за благословением, предсказал ему уцеление в битве и полную победу, с большой потерей убитыми. Духовенство с крестами и чудотворными иконами собралось вместе с оставшимся в Москве народом проводить ополчение. Великий князь молился над прахом предков. Он сдержал слезы, прощаясь перед народом с супругой, и лишь сказал:

— Бог наш заступник!

Колокола гудели, народ стремился за опол-

чением, крича пожелания победы. Тихое и ясное утро казалось предзнаменованием ее. Настал день 8 сентября. По всей Руси народ не выходил из храмов, прикованный душою к великому русскому ополчению.

И оно стояло на поле Куликовском, многочисленное, как не бывало никогда в славнейшие времена свободы, — 150 бодрых тысяч, покорных одной государевой воле, вдохновенных одной верой святой. В прозрачном осеннем воздухе солнце озаряло необозримые русские ряды, бесчисленные знамена развевались по легкому ветру, блестели доспехи и оружие, и неслись перекатом клики:

— Боже, даруй победу!

И видел все это с высокого холма славный Димитрий. Воскресли в нем и детские мечты, и затаенные давние надежды, которым время было воплотиться. И он смотрел в сосредоточии на этих людей, зная, что сейчас придет смерть ко множеству из этих лучших сынов, каких выслала сюда на суд Божий Русская земля. Вспомнил он лежащую за ними, замирающую в страхе и надежде родину; помянул прежние времена, и в одно мгновение про-

мчалась перед ним вся страдная жизнь этой земли, столько раз истерзанной, поднялись окровавленные тени предков, застонали тяжелым стоном давние могилы. И вспомнились мудрые советы ведшего Русь к воле святителя Алексия и пророчество игумена Сергия. Все вспомнил он. И знал он, что в тот час за себя молится неумолчной могучей молитвой вся Русская земля. А яркое солнце сияло над полем и над великим ополчением земли Русской, искавшей здесь суда Божия.

Умилился Димитрий духом, пал на колени и простер руки к золотому лику Спаса, сиявшему вдали на черном великокняжеском знамени. Помолился в последний раз за Россию. И Бог услышал его.

Крест, которым преподобный Сергей благословил князя Дмитрия Донского на борьбу с Мамаем

Нам не понять теперь, чем была для России весть об одолении татар в великой Куликовской битве: чудная весть свободы и славы.

Когда в 1389 г., едва достигнув сорока лет, Димитрий преставился, то скорбь о нем наро-



да была безмерна. Стоны и вопли долго не смолкали при дворе и на улицах. Никто из

потомков Владимира Святого, кроме Мономаха и Александра Невского, не был так любим и боярами, и народом за великодушные, любовь к славе Руси, справедливость, ласку, добросердечие. Силою быстрого разума, качествами твердого нрава он заслужил от современников прозвище *орла высокопарного*. Словом и примером вдыхал он мужество в сердца воинов и, младенец незлобием, умел, однако, твердо карать злодеев. Особенно поражала современников его умеренность в счастье. Не было дотоле победы на Руси более славной, чем Донская; а Димитрий на хвалу народа опускал очи к земле, относя всю славу всемогущему Богу. Чистый душою, хранил до конца дней девическую стыдливость. С горячею ревностью привязанный к Церкви, он ежедневно ходил в храм, часто приобщался и, смиряя плоть, носил власяницу на голом теле. Таков был тот, чья великая душа услышала в Русской земле биение народившейся народной силы и кто первый сокрушил долговременные узы.

Над гробницею Димитрия в Архангельском соборе неоднократно зажигались свечи,

и в рукописных святцах он вписан в число святых.

Вместе с благоверным великим князем Дмитрием Иоанновичем Донским светила народу московскому его благочестивая княгиня. Дочь князя суздальского, Евдокия Димитриевна провела детство отчасти в Суздале, отчасти в Переяславле, и 18 января 1367 г. в Коломне обвенчана с весьма юным великим князем Димитрием.

В молодой жизни своей супруги, казалось, соперничают в добродетелях: милосердии, чистоте, ночной молитве. Это настроение их поддерживал считавшийся как бы отцом их святитель Алексей и духовник их, св. Феодор Симоновский; великий Сергей преподобный был крестным отцом их детей. Когда настала борьба с Мамаем, великая княгиня поддерживала супруга в его намерениях, с твердостью проводила его на страшный бой и денно-ночными молитвами помогала общему делу. В память победы воздвигла она в Кремле каменную церковь Рождества Богородицы; много построила и других храмов. Умирая, Димитрий наказывал детям слушать во всем

мать, и из завещания его видно, как он чтит свою супругу.

В раннем вдовстве своем она усилила подвиг благочестия. Но, насколько любила она добродетель, настолько же ненавидела ее личину и искусно скрывала высокую свою жизнь. Изнуряя тело постами, она хотела казаться тучною; носила на себе сколько одежд, украшала себя драгоценными камнями, везде являлась с лицом веселым и радовалась, слыша, что злословие представляет ее добродетель сомнительною: говорили, что она желает еще нравиться и ведет жизнь нечестную. Эта молва оскорбила ее детей, которые не могли скрыть своего беспокойства от матери. Евдокия тогда собрала их к себе, спустила с себя часть одежды, и ужаснулись сыновья, видя худобу ее тела и кожу, иссохшую от постоянного воздержания.

Рака препод. Ефросинии. Преподобенский монастырь. 1912 г. Фото Сергея Прокудина-Горского

«Верьте, — сказала княгиня детям, — что мать ваша чиста. И соблюдайте мою тайну.



Кто любит Христа, должен сносить клевету и благодарить за нее Бога».

Явление ангела возвестило ее кончину. После видения она онемела и знаками потребовала икону. Когда ей подали образ св. архангела Михаила, она обрадовалась и стала гово-

ритель. «Таким явился он мне!» — произнесла она.

Тогда пожелала она заключиться в Вознесенской обители, которую воздвигла на месте прежних великокняжеских теремов. Когда шла она туда, окруженная народом, по дороге нищий-слепец закричал ей: «Боголюбивая княгиня, кормилица нищих, ты обещала во сне даровать мне Вознесенский монастырь. Исполни же слово твое!» Будто не внимая ему, точно нечаянно, княгиня опустила ему длинный рукав рубашки, слепой отер им глаза и прозрел. Во время этого шествия ее исцелилось до 30 человек. В силенных подвигах молитвы недолго шла благоверная великая княгиня и 7 июля 1407 года преставилась в иноческом имени Ефросинии. Ее мощи почитают в соборном храме созданной ею обители.

Благодарный князь Олег Рязанский

***Димитрий Красный. Преп.
Михаил Клопский. Преп.
Иоасаф Заозерский. Блаж.
Иоанн Углицкий. Блаженная
великая княгиня Соломония,
в иночестве София. Св.
мученик Димитрий Царевич***

Среди современных Димитрию Донскому Русских князей замечательна судьба князя Олега Рязанского. Бодрый, способностей выдающихся, он постоянно враждовал с великим князем, и когда Димитрий пошел на Мамаю, Олег, ссылаясь с союзником Мамаю, королем польским, не пристал к Димитрию. Незадолго до смерти Димитрия, преп. Сергей Радонежский ходил в Рязань, чтобы примирить Димитрия с коварным и мятежным Олегом. И тут умягчилось бурное сердце: он заключил с Димитрием искренний союз. Вероятно, воз-

действию тихой святыни дивного старца нужно приписать перелом, происшедший в жизни Олега. Перед концом ее, мучимый раскаянием за все, что было в ней темного, он принял иночество и схиму в основанном им в 18 верстах от Рязани Солотчинском монастыре. Там жил он в суровых подвигах, нося власняницу, а под нею ту стальную кольчугу, которую не захотел надеть, чтобы оборонять отечество против Мамаю.

Инокинею кончила жизнь и благочестивая его супруга, княгиня Евфросиния. Их общая гробница в соборе обители.

Многие жители Рязани и соседних уездов бывают здесь на поклонении иноку-князю и служат по нему панихиду, испрашивая себе его молитв, при чем, обыкновенно, надевают на себя его кольчугу.

Замечательны обстоятельства кончины родного племянника Донского, князя Димитрия Юрьевича Красного, которого признавали современники праведником. Кроткий и набожный, он не принимал участия в кровавых распрях, которые возбуждали братья его Василий Косой и Дмитрий Шемяка, и умер он

в ранней молодости.

За несколько часов до смерти он лишился слуха и вкуса; кровь лила из носу, и еле-еле его могли приобщить. Тогда он успокоился и уснул. Поздним вечером увидели, что он умирает; прочли над ним отходную и, думая, что он скончался, одели его как мертвеца, положили под иконы и стали читать над ним псалтирь. В полночь, к общему ужасу, он зашевелился, скинул с себя покров и, не открывая глаз, стал петь церковные песни. Перед утренею духовник принес св. Дары. Князь, открыв глаза, сказал: «Радуйся, утроба Божественного воплощения!» (слова из акафиста Богоматери) и причастился. Три дня пел он церковные песни и говорил о духовных предметах, узнавал людей, но сам ничего не слышал; наконец, умер. Тело его, перенесенное в Москву, покоится в Архангельском соборе.

Преподобный Михаил Клопский в житии.
XVII в.

Дивным смирением просиял в Новгороде один из русских князей.

Однажды летом 1408 г. во время утрени в



Клопском (в 20 верстах от Новгорода) монастыре иеромонах, кадя по церкви, захотел

окадить и свою келью. Он нашел ее отворенною, и в ней неизвестный человек в монашеском одеянии писал книгу. В ответ на вопросы игумена и братии, он повторял все те же слова, представляя из себя юродивого. Но на литургии он прекрасно читал апостол, а за трапезою — житие, и игумен дал ему келью.

Случилось посетить обитель сыну Донского, Константину. Во время трапезы он долго всматривался в пришельца и, наконец, поклонился ему и сказал игумену: «Это наш сродник Михаил, из княжеского рода».

О себе подвижник не открыл ничего. В нем был дар чудес и прозорливости. Однажды во время засухи, когда пересохли речки и источники, он извел молитвою поток свежей и чистой воды. Другой раз стал он трезвонить и *объявил*: «Теперь в Москве радость: у великого князя родился сын Иван. Он покорит Новгород и изменит все ваши обычаи».

Свободно говорил он князьям русским всю правду в лицо. Воздержание его было безмерно: ел раз в неделю сухой хлеб и пил немного воды. В келье у него не было ничего, даже рожи: он спал на голом полу и не знал теплой

одежды. Он почил после 45 лет, проведенных в Клопском монастыре, 1 января 1454 г. Там и почивают его мощи.

Правнук Димитрия Донского, воспитанный благочестивыми родителями, князь Андрей Дмитриевич Заозерский, рано остался сиротою, и у него отняли отцовский удел. Он пришел в Спасокаменный монастырь и просил у игумена пострижения.

Нерасположение к юноше великого князя Василия, 20-ти летний возраст, знаменитое происхождение — все это смущало игумена.

— Место твое, — сказал он, — не здесь, а в думе боярской или на поле битвы.

— Напрасно смущаешься, отче, — отвечал князь, — я твердо решил не принимать от других услуг, а служить сам другим и нести крест по следам Господа моего!

Князь принял пострижение с именем того царевича индийского Иоасафа, который ради Христа оставил царство, — и стал удивительным подвижником. Братию видел он лишь в церкви; все время молился или думал о вечности и еще на земле удостоился он небесных видений. Его дяде пришло на мысль посетить

племянника и предложить ему денег для построения собственного монастыря.

— Когда желаем пустыни, — ответил он дяде, — не нужно нам серебра и золота. Раздай бедным, что принес.

Чувствуя, что недолга его жизнь, юный подвижник спешил творить добро. Пять лет подвизался он и почил 10 сентября 1453 г. Его мощи стали источать исцеления. Они покоятся в Вологодском Духовом монастыре.

Троюродный брат преп. Иоасафа, тоже правнук Димитрия Донского, сын Андрея Васильевича Углицкаго, Иоанн, со старшим братом Димитрием был заключен в Вологде в тюрьму великим князем Иоанном III, по несправедливому подозрению.

Старший брат тосковал и горько жаловался на судьбу, А Иоанн, кроткий да богобоязненный, благодарил Бога, черпая силу в молитве, и утешал брата:

— К чему скорбеть, — говорил он, — Бог внушил великому князю позаботиться о спасении душ наших. Все в мире грешно и тленно, и от всего этого мы избавлены. Тесен заговор? Но не тесным ли путем шли в царство

небесное святые? Будем же и мы подражать им. — Так обратил он тяжкое испытание в путь спасения. Предчувствуя кончину, он пожелал пострижения, которого не принимал раньше, чтобы не разлучаться с братом, которому так был нужен. Постриженный с именем Игнатия, он причастился св. тайн, осенил себя крестным знамением и сказал: «В руки Твои, Господи, предаю дух мой!» Он почил 45 лет от роду, 19 мая 1523 г.

Горько оплакивал его брат Димитрий, но, видя светлость лица усопшего, точно живого, ощущая благоухание от него, успокоился в вере святости его. Весь город собрался к темнице, так как почившего уважали в узах более, чем других в славе. Во время погребения его совершилось несколько чудес. Брат его после нескольких лет заточения был отпущен на свободу и после смерти похоронен в ногах своего утешителя.

Мощи преп. Иоанна-Игнатия покоятся в Вологодском Прилуцком монастыре; и в тюремной церкви, окруженная теплым усердием вологжан, стоит икона Богоматери, перед которою молились невинные князья-узники

и которая составляла их единственное отцовское наследие.

В Покровском девичьем монастыре города Суздаля почивают мощи великой княгини-инокини Софии.



Явление Богоматери Сергию и праздники.

Пелена. 1525 г. Вклад великого князя Василия III и его жены княгини Соломонии

Дочь боярина, Соломония Сабурова, вступила в брак с великим князем Василием III и не имела детей. После 20-летнего супружества Василий решился постричь ее и жениться на другой. Тщетно лучшие иерархи доказывали незаконность такого поступка, тщетно отказали ему в согласии на новый брак и восточные патриархи, причем патриарх иерусалимский Марк, исполняясь духа пророческого, предсказал, что если Василий дерзнет вступить в брак, то будет иметь сына, который удивит мир своею лютостью. Соломонию постригли в московском Рождественском монастыре, а ее муж вступил в новый брак, которого плодом был Иоанн Грозный. С отчаянием приняла Соломония пострижение, билась о землю, вырывала ножницы, но впоследствии изгнала из души всякое воспоминание о мире и достигла святости. После 17 лет заключения она почила 16 декабря 1542 г. Современники считали ее преподобномученицей, и от гроба ее истекло много чудес.



Царевич Димитрий Угличский на иконе
XIX в.

В Тихвинском (Новгородской губ.) Введенском женском монастыре погребена старица Дарья Алексеевна, одна из жен Иоанна Грозного, из рода Колтовских († 1626 г.). Над ее могилой поныне богомольцы, веруя в ее святость, служат панихиды.

Роду Владимира Святого на Русском престоле и закончиться предстояло святым. Последними его представителями явились мученики: царевич Димитрий и благоверный царь Феодор Иоаннович. Сын от последней супруги Грозного, царевич Димитрий, наследник престола после бездетного Феодора, жил в Угличе. Ближний боярин Борис Годунов, на сестре которого, Ирине, был женат Феодор, замыслил овладеть по смерти Феодора престолом. Димитрий стоял ему на пути.

Сперва Борис старался привлечь к нему ненависть народа и распускал слухи, что он жесток, любит кровь и сам для потехи мучает животных. Сказка эта не имела никакого успеха.

Борис решился известить его. Он подкупил мамку царевича и ее сына, и они стали давать ему яду. Но, как говорит летописец, ни в

питье, ни в кушанье яд не вредил ему. Нашли убийцу, отправили в Углич выжидать удобной минуты.

15 мая 1591 г. мамка Волохова вывела царевича на двор. Какое-то предчувствие томило до того кормилицу его, Ирину Тучкову, и она хотела удержать его дома; но, когда мамка повела его, вышла с ним и Ирина.

Убийцы ждали.

Один из них, взяв царевича за руку, спросил:

— Это у тебя новое ожерелье, государь?

— Нет, старое, — отвечал ребенок, поднимая голову.

В это время убийца ударил его ножом в горло, но не захватил гортани и побежал. Дмитрий упал, кормилица с криком пала на него, закрывая его своим телом. Тогда двое других бросились на нее, отняли царевича, дорезали его и скрылись.

В это время вышла царица Мария из сеней на крыльцо.

Восьмилетний мученик лежал в объятиях Ирины и, трепеща как голубь, уже не слыша воплей матери, предал дух Богу.

Забили в набат, и сбежавшийся народ растерзал убийц. Издыхая, они назвали виновника убийства.

В 1606 году, после убиения в Москве самозванца, принявшего на себя имя Димитрия, было решено перенести гроб царевича в Москву. Когда святители и бояре московские, прибыв в Углич, объявили о том, народ долго не соглашался отпустить гроб, говоря: «Мы любили его и за него страдали. Лишимся ли теперь его вторично?»

Когда вынули гроб из земли, увидели тело, неповрежденное 15-летним лежанием в сырой земле: плоть на лице и волосы на голове целые, также жемчужное ожерелье, шитый платок в левой руке, одежду, шитую золотом и серебром, сапожки, горсть орехов, найденных у заколотого отрока в руке и положенных с ним в могилу... Ликовал народ. Потекли чудеса.

Из Углича, меняясь, народ — знатные и простые, понесли раку на плечах.

Когда в Москве поставили гроб в Архангельском соборе, храм наполнился радостными криками внезапно исцеленных людей. То-

гда этот «источник благодати» вложили от-
крыто в деревянную раку, обитую золотым
атласом, и стали чтить царевича как святого.



Царь Феодор. 1672 г. Рисунок из Царского титулярника

Глубоко набожный царь Феодор народом московским заживо почитаем был за праведника, и молитвами его время царствования его прошло тихо.

В 1594 г. Крымский хан подступил к Москве, и битва происходила в окрестностях столицы. Утомившись от долгой молитвы, Феодор спокойно с высокого терема взирал на битву. За ним плакал один боярин. Царь обернулся и пророчески сказал ему: «Не бойся; завтра нечестивых не будет».

Пророчество сбылось: на следующий день хан побежал.

Феодор никогда не имел более важной мысли, как спасение души, посещал обители, благодетельствовал духовенству, принимал с Востока святыни.

В конце 1597 г. он смертельно занемог, к отчаянию народа, который любил его как ангела земного и его молитвам приписывал спокойствие России, любил, как последнего царя крови Мономаха. Помазавшись св. еле-

ем, исповедовавшись и приобщившись, 7 января Феодор тихо скончался, как бы уснул сладким сном. В предсмертном томлении ему было незримое для других явление, и он и говорил с ним, называя его великим святителем. В час кончины его неизреченное благоухание разлилось по кремлевским палатам. Царь Феодор, в книге о Российских святых названный среди московских чудотворцев, поκειται в Архангельском соборе.

Игумен земли Русской

Если есть у России народный богатырь, который всего лучше выражает дух России, то, конечно, это преп. Сергей.

И тем удивительнее этот святой и богатырский образ, что для него не существует земных условий: ограниченность времени и места не вмещает этого образа. Деятельность преп. Сергия, необхватная, как и самый простор России, проявляется не в одном тесном пределе его земной жизни. Еще больше сделано им после переселения его от земли, которое, однако, не разлучило его с любимой Россией. В самые безотрадные минуты нашей государственной жизни он, точно вставал из своего гроба, в видимом образе и в разных местах являлся избранным им людям, исправлял, воодушевлял, руководил...

Минуло ненастье, вновь зацвела Россия — и он снова безмолвен и покоен в своей раке среди неисчислимой громады приходящего к нему на поклон русского племени; тихо горят перед ракой сердца верных и зажженные ими огни, и только перед престолом Того, Кто

строит и разрушает царства, громко, неотступно и властно раздается мольба великого старца о судьбах земной отчизны.

Гоголюкъ прѣснлаго игоумена сергіа рѣне
исаго изъщнынего послешннѣи покл
пересѣкпача гдѣти нехисомоу кѣсю и нѣ
исаде . нитпо всемъ гдѣмъ цѣлнтелѣ пе
лѣнкѣ гдѣплшь нѣдіа срѣпостьего . а
хоцѣу кѣіюпомощію и прѣтыдего мѣре
нѣскѣтнѣго и прѣснлаго игоумена сергіа
мѣтпа мненнѣндѣтн . кѣкѣнпересѣк
сѣдла мнрѣкѣдѣппыи когатырькѣшнѣ
лѣнѣлоу нѣскѣпостьнѣмѣа . пѣнчѣстпо
мѣншнроптою нѣсѣ прѣзѣденѣмѣслѣ
сѣкѣлѣспоннѣстѣспомоудѣлоу и нарѣдѣ .



Сергий Радонежский благословляет Пересвета перед Мамаевым побоищем. Лицевой свод Иоанна Грозного. XVI в.

Та идея о назначении Русской земли, которая уяснена в настоящее время, — идея о земной силе, стремящейся к небесным целям: о народе, ищущем прежде всего своего спасения в вечности и затем несущем евангельское слово любви, благоволения и мира другим народам, — эта идея с особою силой выразилась в жизни тех людей, которые являются воплощением основного русского типа и среди которых первое место принадлежит преп. Сергию.

Исполнить закон и исполнением его послужить ближнему — таков был и смысл жизни преп. Сергия. И над этой жизнью и ее последствиями сбылось Христово обещание: «Прежде ищите Царствия Божия и правды Его, и все сие приложится вам». Стремясь прежде всего спасти свою душу, он не только этой цели достиг, но, и вместе с тем, сохранил и спас среди великих испытаний целую душу своего народа и был одною из главных сил,

вознесших этот народ на высоту земного величия, невиданного до того и по размерам, и по духовной правде.

Помянем теперь в главных делах преп. Сергия, чем он был для Русской земли.

Преп. Сергей служил трем главным началам, из которых иные он, может быть, даже первый с такою ясностью сознал. Эти начала были — православие, свобода России и Москва, в которой заключалось спасшее Россию начало самодержавия. Эти начала он проводил в жизнь могучей рукой.

Самое имя *Троицкого* монастыря преп. Сергия проповедует главнейший догмат православия — о создавшем Отце, искупившем Сыне и возрождающем Духе. Забота преп. Сергия о догматической чистоте православия выразилась следующим чудесным явлением в эпоху опасную для православия.

Троице-Сергиева лавра. 1890-е гг.

В 1440 г. во Флоренции некоторые из православных участников собора, русский митрополит Исидор в том числе, силою подкупа и угроз подписали признание главенства над



церковью Римского папы и некоторых других еретических положений католичества. Среди русских был суздальский священник Симеон. Он не покорялся латинству, много за то вытерпел и решился бежать. На пути, в тяжелых обстоятельствах, он увидел старца, который взял его за руку и спросил, благословился ли он у Марка, епископа Ефесского.

«Благословен, — сказал старец, — от Бога человек сей, потому что никто из суетного со-

бора не преклонил его. Проповедуй же заповеданное тебе от святого Марка учение всем православным. И имеющий истинный разум да не уклоняется от сего». Предсказав благополучное возвращение, старец назвал себя: «я Сергей, которого ты некогда призывал в молитве».

Утешительно глубокое участие преп. Сергия в делах церковных, видное из этого явления, и памятный дан им тут завет.

Для северной половины России преп. Сергей через своих учеников, выходцев из его обители, основавших множество своих монастырей, является проповедником православия и духовного просвещения в самом широком смысле. Можно сказать, что преимущественно ему Север России обязан тою крепкою, истовою верой, какую хранит он доселе. И, конечно, одним из последствий этой проповеди и объединения в равно дорогой всем вере было то тесное сплочение народа в одно целое, которое преп. Сергей осуществил, кроме того, и другими путями.

В создании независимости русского государства преп. Сергию принадлежит первен-

ствующее место. Он родился в трудное время. Тяжело, беспросветно было тогда. В такие дни пришлось родиться преп. Сергию и жить среди народа, у которого долговременная невыносимая страда отняла и жизненную силу, и веру в себя. В такое время он жил, когда и слез нет, потому что все они выплаканы, а есть только сухое горе, немое отчаяние.

И он в этот упавший духом народ *поверил*, он в него вдохнул жизнь, он толкнул его на борьбу и развитие, благословил и сказал ему: «Живи!»

Духовным взором своим преп. Сергей видел, что путь скорбей и испытаний есть путь избранников Божиих, и что из слез, крови и невыразимых бедствий татарской данницы вырастет неодолимая сила. Пусть этот народ один служит оплотом западным народам, которые, им охраняемы от жестокого натиска Азии, могут спокойно заниматься своею враждой. Пусть без защиты и друзей, окруженный отовсюду врагами, стоит он один, совсем один. Он избран. Ему, скорбному племени, поручено дивное сокровище — чистота и целостность Христова учения.

И, если выше всех земных благ поставит он это сокровище и изберет свой путь по письменам евангельских хартий — верен будет Бог.

И преп. Сергей эту свою веру в Господню силу и конечную правду вдохнул в русский народ и повел его за собой по пути Божию. А народ, видя такого богатыря вышедшим из своей среды, понял, что народная сила еще не умерла, а только притаилась. Он познал в игумене Сергии свою скрытую крепость и, поклоняясь своему преподобному как кости от костей своих и плоти от плоти своей, поверил в себя и возродился.

Когда к 1380 г. последовательными усилиями нескольких московских князей и заслугами святителя Алексия митрополита земля пришла в такое состояние, что Димитрий задумал потягаться с татарами, в этой борьбе преп. Сергей был его вдохновителем и руководителем.

Троице-Сергиева лавра. Благословение Димитрия. 1907 г. Худ. Эрнст Лисснер

Еще раньше окончательного разрыва с Ма-



маем, Димитрий советовался с преподобным, а перед выступлением из Москвы снова приехал к нему за благословением. Во время пения молебна прибывали гонцы с вестью о движении неприятеля и с советом спешить. Но преподобный умолял князя остаться на трапезу. И потом, окропляя его св. водою, исполняясь пророческого духа, предсказал князю целость в бою, русским победу, Мамаю гибель.

Уже стоя у Дона, смущенный видом

несметных полчищ татарских, Димитрий колебался перейти реку. В эту минуту прискакал от преп. Сергия гонец с просфорою и грамоткою с наказом немедля сразиться. Этим вмешательством своим преп. Сергей предупредил соединение Мамаю с королем польским, находившимся в день победоносной битвы всего в 30 верстах.

Так заложено преп. Сергием основание русской победы.

Очень трогательно бывшее два века спустя явление, в котором выразилась забота преп. Сергия о искоренении Россией одной из частей угнетавшей нас при его жизни Орды.

Когда, перед Казанским походом царя Ивана Васильевича, была заложена русская передовая крепость Свияжск, сделалось известным следующее. Лет за пять до основания города на его месте, при пении и звоне невидимо откуда раздававшихся, появлялся старый инок, ходил с крестом в руках, благословляя, точно отмеряя место, и когда его пытались взять — исчезал на глазах татар.

В иконе преп. Сергия, поставленной в Свияжке, татары узнали старца.

Перед самым взятием Казани к преп. Сергию неслась молитва царя, и после похода, у раки его он воскликнул: «Твоими молитвами мы получили желаемое. Совершилось, чего и не чаяли. Ты явил свое дивное милосердие, заступник земли Русской!»

Заботы преп. Сергия о Москве и самодержавии тем знаменательнее, что его семья была одной из тех жертв, какие повело за собою поглощение Москвой уделов.

Известно, что родители преп. Сергия, ростовские бояре, были разорены при присоединении Ростова к Москве и вынуждены переселиться в Радонеж. Тем не менее преп. Сергей всеми силами поддерживал и развивал заложенную в Москве Петром митрополитом и Иваном Калитою идею единовластия и земельного объединения. Он понял, что только цельная и крепкая власть способна дать силу народу среди неблагоприятных условий его тогдашней жизни, и этот свой взгляд он доказал своим посредничеством между князьями. Избегая выходить даже из ограды монастыря, он не постоял перед дальним путем — в Нижний, когда его князь отказался от повинове-

ния великому князю московскому, и преподобный затворил все храмы в Нижнем, — и в Рязань, для увещания Олега Рязанского.

Событием, полным значения, засвидетельствована постоянная забота преп. Сергия о Москве.

В 1521 г. ханы крымский и казанский подступили к самой Москве, лежавшей перед ними беззащитною, без войска и государя.

Несколько людей видели, как через Фроловские ворота торжественным крестным ходом, неся с собою святыню, вышел собор святителей московских, предавая Москву печальной участи за ее грехи. Им навстречу, с Ильинского торжища устремились преп. Сергей Радонежский и Варлаам Хутынский и долгими слезными мольбами упросили святителей помиловать Москву. Отпев молебен, святители вернулись в город, и Москва была чудесно спасена: ханские лазутчики увидели вокруг Москвы несчетное воинство, и ханы в страхе отступили. Это событие вспоминается ежегодным крестным ходом 21 мая, и две иконы на Спасских воротах; со стороны Ильинки — преп. Сергия и Варлаама, припа-

дающих к Господу, и со стороны Кремля — святителей московских, на молитве перед Богоматерью, увековечили чудо. В 1592 г. помощью преп. Сергия Москва спасена в день обретения его мощей, 5 июня, от крымского хана Кязы-Гярея.

Спас Смоленский с припадающими преподобными Сергием и Варлаамом (фрагмент). XVI в.

Значение преп. Сергия вполне выясняется среди бедствий смутного времени, когда Россия была близка к конечной гибели и когда преп. Сергий второй раз совершил подвиг ее возрождения.

Собранное в страшных трудах государство разрезалось, приникла к земле вера, извратились до озверения нравы, люди пожирали друг друга, земля смотрела унылым пожарищем. Не было уже почти государства. Москва существовала как отвлеченная идея, как память прошлого, с поруганными святыщами, безмолвными гробами царей и святителей и великою тенью замученного Гермогена. А живая Москва в руках иноверцев была гнез-



дом и источником крамолы, измены и всякой мерзости. Самому имени земли Русской над-

лежало исчезнуть.

В это время среди общего крушения твердым нерушимым столпом стояла на обетовании Пресвятой Девы Троице-Сергиева лавра и среди леденящего мрака сияла как светоч, которого не могли задуть никакие вихри.

Сбросив с себя осаду поляков и русских воров, напрасно тягавшихся с силою Святой Троицы, она в то время, казалось, была всей Россией. Одна хранила бодрость и веру в тот народ, который словно уже изверился в себе и, вольный мертвец, сам уложил себя в вырытую им же могилу. Одна, среди разнузданных криков отчаяния, вражды, проклятий и гибели, спокойно и неустанно возносила к высокому небу привычную хвалу Богу как Благодарителю прошлого и мольбу как Тому «Святому Крепкому», Который силен воззвать и воздвигнуть из гроба смердящего Лазаря, будь этот Лазарь целым народом.

Явление Сергия Радонежского князю Минину

И такое чудо совершилось...

Дивная оборона преп. Сергием своей лав-



ры от месячной осады хорошо известна. Всякий русский помнит, как преп. Сергей словно

поднялся тогда из гроба, как предупреждал защитников лавры о намерениях врагов, как видели его поляки обходящим ограду с кропилом и святою водою, как являлся он в церквах и кельях то молящимся, то ободряющим, то с обличением нерадивых, то с советами; как видели его потом и в осажденной Москве со словами утешения и уверенной надежды.

Гораздо менее известно то, что и подвиг Минина внушен преп. Сергием.

Дважды являлся преподобный Минину во время уединенной его молитвы и повелевал собирать казну для ратных людей и идти на освобождение Москвы. Но Минин не решался. Тогда в третий раз явился преподобный, уже с грозным вещанием и словом, что «есть изволение суда Божия помиловать православных и привести в тишину». После этого явления Минин почувствовал ослабление и счел его за кару. Вскоре избран он был в земские старосты. Увидев в том подтверждение, что время исполнить слово Сергиево, он кликнул клич.

Проходя уже в ополчении Пожарского мимо Троицкой обители, Минин сам объявил

келарю Дионисию об этих явлениях. За несколько часов до освобождения Москвы, преп. Сергей явился архиепископу Арсению, томившемуся в Кремле от голода и болезни, и, исцелив его, сказал: «..Встань и иди во сретение православному воинству: молитвами Пресвятыя Богородицы Господь очистил царствующий град от врагов».

Помощи преп. Сергия современники приписывали заключение Деулинского с поляками перемирия, которое затягивалось, пока в лавре не помолились преп. Сергию, и тогда поляки сами призвали русских. За это и воздвигнут в Деулине ему храм, как «истинному миротворцу».

Русское общество начала XVII века вполне сознавало чрезвычайность заступничества преп. Сергия. Ему, первому из святых, был составлен тогда акафист. Подобно тому, как хвалебное пение Богоматери, составленное после чудесного избавления ею в 866 г. Царьграда от языческой русской дружины начинается словами «Взбранной Воеводе», так и в хвале русскому святому, вождю русских сил, спасшему свою родину от гибели, первые слова: «Воз-

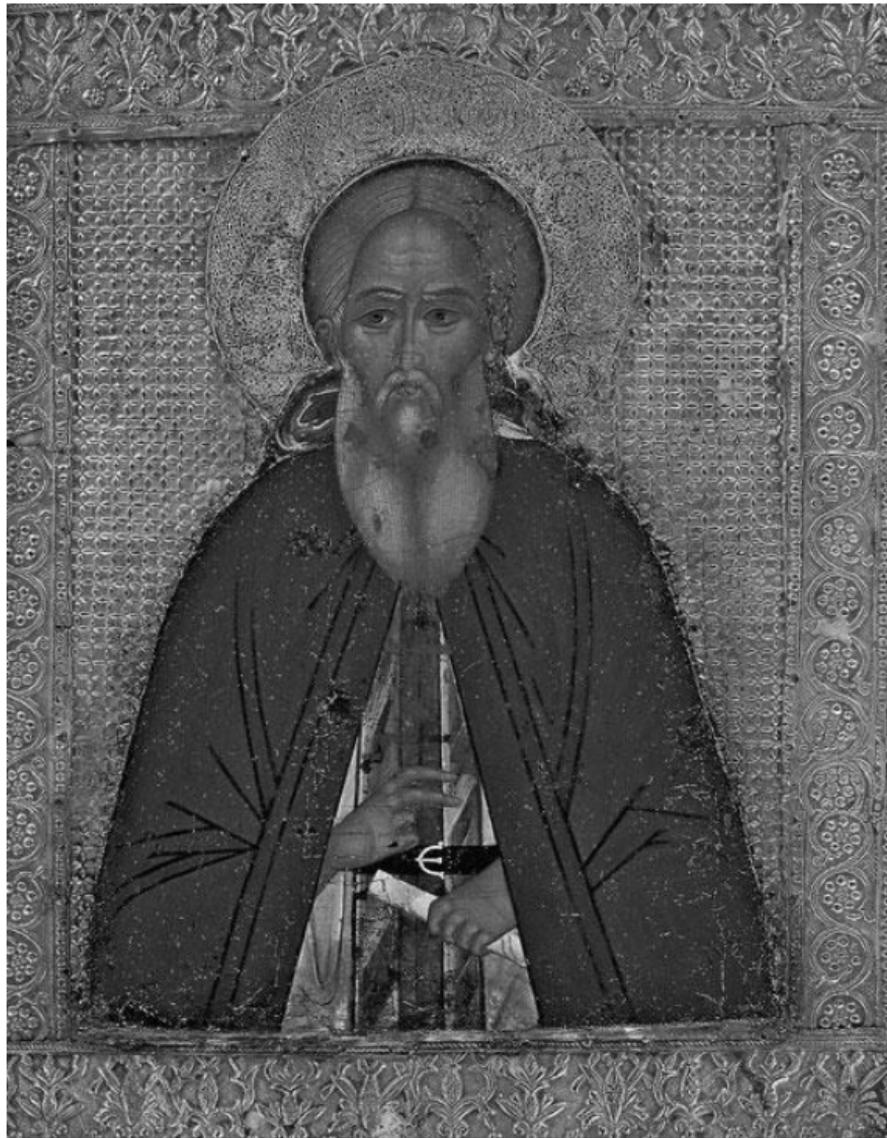
бранный от Царя сил Господа Иисуса данный России воеводо и чудотворче предивный!» В этих словах ясно выражен взгляд на значение преп. Сергия в сохранении в ту годину целостности Русской земли.

Икона преп. Сергия, писанная на гробовой его доске, сопутствовала действующей русской армии и в Отечественную войну и в войну за независимость восточных славян 1877–1878 гг. Вспомним еще, что в 1812 г., когда опять Москва оттерпчивала плен за Россию, преп. Сергей не допустил западных воров в свою ничем не обороненную лавру.

Если оглянуться на дела преп. Сергия и на то, чем обязана ему Россия, можно без погрешности назвать его вождем Русской земли: таким вождем, какому подобного не имела ни одна страна.

Имя преп. Сергия — боевой клич, нравственная многодвижущая сила, слава самых памятных русских годин, спасительное знамя. Вера в него есть одно из лучших наследий прошлого и залог нашего дальнейшего развития.

Св. Сергей Радонежский на иконе XVI в.



И для счастья России дай Бог, чтоб до кон-

ца веков звучало перед ракой преп. Сергия это глубокое слово общерусской молитвы:

«Вся Богом просвещенная Россия, твоими чудесами исполненная и милостями облагодетельствованная, исповедает тебя своим покровителем и заступником. Яви древние милости твои, и как ты отцам нашим помогал, не отринь и нас, чад их, по их стопам к тебе шествующих».

Войдем туда, где он спит своим живым сном. Время пению и молитве час.

«Величаем, величаем тя!» — раздаются сладкие звуки перед ракою Троицкого собора, среди усердно зажженных неисчислимых огней веры в воздухе, полном бессмертных чудес. И по всей Руси это величание находит отголосок.

«Величаем, величаем тя!» несется от возвеличенной им Москвы, где, быть может, когда ляжет темнота, ходит, осеняя крестом семь священных холмов, преподобный старец.

«Величаем, величаем тя!» — тает песня в волнах многоводной Волги, по казанскому царству.

«Величаем, величаем тя!» слышится в про-

свещенной его учениками необозримой северной стороне, до самого Поморья.

«Величаем, величаем тя!» — словно шепчет ему задумчивая, тихая, как он, русская природа.

И в лице тех богомольцев, что выслали ему на поклон каждый русский город, каждый поселок, восходит от всего простора Русской земли, от темных лесов и серебряных ее рек, от нив и садов, равнин и снежных вершин, стройная, бесконечная, радующая небо и землю хвала: «Величаем, величаем тя!»

И если Русская земля, в которую так верил и которой так послужил этот чудный вождь, достигнет своего заветного назначения и скажет миру, и воплотит в действительности слово о всеобщей любви и вечном мире, если вселенная преклонится, наконец, перед святыней России и захочет узнать Россию в том, «что ее лучше всего выражает — тогда проникнутая восторгом перед красотой и правдой этого верховного русского человека, этой созидательной русской силы — не помолится ли она с нами нашей молитвой, и не споет ли тогда ему в единодушном светлом порыве вся

вселенная: „Величаем, величаем тя!“»

Нравственный облик в Бозе почившего Государя Александра Александровича

Все те чувства, упования, какие воодушевляли святых правителей земли Русской, в наши дни воплотились в Государе Александре III. Теперь дорогое явление, жившее среди нас, стало уже прошлым; некогда близкий к нам образ — преданьем. Но неужели от громадного существования, взошедшего над нами светлым красным солнцем и закатившегося после такого короткого дня, ничего не осталось, все погасло?

Неужели та русская жизнь, которая рухнула в темную могилу у дальних холодных берегов Невы, носительница народной славы, народного покоя, крепости и упований, неужели эта русская жизнь оставила одно громкое и сильное имя, одни внешние мудрые дела, одни государственные заветы, не сказав нам великого слова для души и не поразив наш внутренний мир неотразимым поучением?

Нет, от жизни, которой мы были свидетелями и которая перед нами окончилась, осталось глубокое впечатление. Это впечатление должно проникнуть нашу остающуюся жизнь.

Был, существовал... Какую духовную силу имеет существование одного чистого, настоящего человека, как это существование ободряет нашу веру в то, во что нужно верить, чтобы жить, но во что вера наша, вера слабых, искушаемых людей легко и часто колеблется!

Наше спасение в том, что перед нами проходят люди, воплощающие в себе ту правду, которой учат нас в детстве, о которой говорят нам хорошие книги, которая звучит во всяком слове, произносимом в храмах, куда так редко заходим мы с распутий жизни, которую так заглушают шум, суета и ложь нашего бытия.

Как маяки с твердой земли, с несокрушимых вечных скал светят в бури, светят сегодня, как светили сотню лет, тем же кротким ободряющим огнем, — светят нам образы настоящих людей, обличают наше злое и про-

буждают то, что уцелело в нас от «лучшей части».

И когда течение событий осветит во весь рост эти праведные жизни, их воздействием снова возникают в нас ощущения чистого детства, встают мечты юности, которым мы изменили; из тумана, охватившего нас, поднимаются стройные очертания другого быта, одушевленной жизни, и виден вдали тот образ, стремление к которому одно делает ценным и истинным людское существование.

И чем дальше падают лучи праведной души, тем шире воздействие ее на людей, и, наконец, это воздействие становится властным и непрекращающимся историческим впечатлением...

Когда-то давно совершались события, запавшие глубоко в душу человечества. По земле ходил Бог, пришедший к людям в людском образе. Смирив себя до конца труднообразным смирением, он говорил людям слово, принесенное Им с Неба. Это было слово о любви, которая должна связывать людей и ради которой не должно щадить своей жизни, о хранении правды, которая нарушается даже

тайным помыслом, о терпеливом смирении, с которым нужно переносить земные бедствия, о силе упования, с которым нужно ждать будущего некрушимого и вечного счастья в утраченном отечестве. Слово было запечатлено делом, совершилась неслыханная недомыслимая жертва, и крест стал над удивленным миром заветом самого святого и чудного в жизни.

...Прошла тысяча, полторы тысячи лет. В холодной, бедной природою, однообразной равнине возникло государство. Потрясаемое великими бедами, испытывая несчастья, которые, по жестокости своей могли бы казаться сказочными, переходя от горя в грозу и от грозы в беду, слагалось оно. Сдерживая с востока натиск Азии, служа невольным оплотом, за которым могли по воле мирно развиваться и по воле враждовать между собой, злодействовать огнем и мечом во имя Христа и Его дела народы Запада, стоял этот народ, без защиты и без друзей, окруженный только врагами, и его слезы были ему пищей день и ночь его жизни. И этому скорбному племени было поручено хранить сокровище, которое

носил по земле Спаситель мира, чистоту и целостность Его учения. Выше всех земных сил поставив это врученное ему сокровище, шел тот народ, выбирая свой путь по письменам евангельских хартий. Он был крепок душой и несокрушим в своей вере, потому что он рано понял, что не здесь конечная цель жизни людской и что не в земном благополучии все дело, а дело в исполнении закона: сурово и непреклонно следовали лучшие люди, выразители духа этого народа словам Христова закона.

Не блещут волшебными красками, не залиты ярким праздничным солнцем образы наших государственных древних зодчих. Топряд невидных для постороннего глаза подвигов, ряд духовных побед над собой, сломленных самолюбий, пережитых за народ унижений, тяжелых дум, кровавых усилий. Коротким отзывом отмечена часто их личность в летописи, но в этих сжатых суровых речах встречаются хватаящие за душу слова, в которых вылилось, неведомо для писавшего их, как умел понимать народ, кого он теряет.

Не крики радости, не упоения народных

торжеств звучат из отдельных веков предмосковской и московской Руси, а сдержанный стон безысходной скорби.

...Деятнадцатый век. На востоке Европы, заняв неизмеримое пространство, стоит Русская империя. Над ее простором великое горе; опять Русская земля стонет. Но не злорадство, не радость выражается в мире в ответ на тяжелое горе России. Пока русский Царь в своем гробу в последний раз объезжает Державу, всюду, куда приходит та весть, оглядываются тревожно чужестранные люди, точно отнята у них уверенность в их покое и безопасности.

И крещенная страданием земля, та земля, по которой поныне ходит, благословляя, Христос, встает в глазах мира в небывалом величии и силе. Не раз была благодетельствована Европа Россией, не раз шатавшиеся троны спасались ею и обогащались ее дарами. Ее не понимали или не хотели признать. А теперь, когда отошел молчаливый русский Царь, дышавший прежде всего для своего народа, только тогда поняли, что значит Русское Царство, если из-за того, что на Руси любящий Царь, — Европа благополучна.

И вот теперь, когда весь мир с тою напряженностью, с какою следил он за совершившимися у нас событиями, признал, что Россия, не оцененная никогда словами, на деле громадная величина, — как же хоть теперь не вдуматься в смысл и самого значения России и в суть того нравственного облика Государя, который пронес Его имя по свету в особом сиянье?

Коренное отличие и нашей национальности и образа почившего Государя в том, что едва ли где дух, принесенный в мир христианством, проникал глубже жизнь.

Одна только любовь, любовь понятая не как приятное и благоволительное пожелание добра для ближних, но как суровый христианский долг, требующий труда и жертв, может давать цену людской деятельности.

Такая любовь помогает напрягать до последней возможности свои силы, забывать свои страдания, чтоб покоить вверенный народ. Она ведет к подвигам, которые ужасны для телесной, брэнной природы человека, надламывая ее, но на которых только и может держаться мир. Что бы случилось с Россией,

если б в тяжкие времена татарщины те люди, что, надорвав себя, спасли и сберегли Русь, думали о своем покое, отмеряли свою деятельность по общей человеческой мерке? Недалеко бы мы ушли, если б в тяжелые дни русская земщина не поднималась на такие жертвы, подобных которым нет в истории. И пусть в ранних годах мужества падают лучшие люди под тяжелым трудом — их дела вечны. Безвременно покладали во гроб трудовые богатырские свои руки лучшие вожди Русской земли, но не они ли, силой любви убивавшие свою жизнь, поняли и соблюли завет служить до отдачи души?

И эта любовь, которой пример прошел перед нами, грела не только один свой народ; она пошла дальше и хранила чужие страны. Воля русского Царя умиротворила народы, готовые к кровавым распрям, и тогда все почувствовали, какая великая правда в любви, и поклонились ей.

Удивление перед правдою Государя, высказавшееся по поводу его кончины, было коротким, преходящим, но доказательным свидетельством того, что в жизни и в истории со-

ставляет настоящее величие, не купленное
ничьими муками.



*Портрет Александра III. Конец XIX в. Худ.
Николай Шилдер*

Образы суетных завоевателей стоят перед нами, холодные в своем безжизненном величии, напоминая о бедствиях, внесенных ими в мир, о горестях бесчисленных человеческих душ, о ненависти, посеянной ими между племенами, о больных вопросах международной политики, грозящих постоянно перейти в вооруженное столкновение. А кроткие родные лики миротворцев вечно близки нам, окруженные благодарностью и памятью того, как, любя, они берегли нам или предкам нашим тех, кто дорог на земле: отцов, братьев, друзей, сохраняя от сиротства семьи, неутешных матерей. И это служение лучезарной правды любви еще возвышенней, когда для него приносят в жертву свое самолюбие и гордость. Нелегко было русскому Властелину, по слову которого Русская земля поднимается одним человеком, щадя свой народ, терпеливо выносить вызовы, одним своим сердцем переживать всю горечь тех пустых ухищрений лжи, коварства и ненависти, какими окружено все

сильное и независимое, и не выйти из благотворного покоя.

Любовный подвиг почившего Государя подкрепляла глубокая русская вера. Она научила его, что добрый труд не пропадет даром, если и не суждено видеть самому работнику полных и зрелых плодов. Она заставила его смотреть на свое служение как на высшее призвание и научила его относиться к этому делу как к святыне. Она же дала ему великое терпение и устойчивость.

Люди, по слабости своей, обыкновенно, ищут ободрений и наград себе в этом мире. Они смущаются и бегут от своего дела, если после нескольких лет работы им не приходится потешаться блестящими успехами, и впадают в уныние. Не так поступает человек, которому вера объяснила жизнь иначе. Он знает, что дело вручено ему не для него и принадлежит не ему, что он — преходящий работник, приставленный к делу во исполнение заповеди об искупительном труде, и эту заповедь нужно точно и смиренно исполнить. И он не для самолюбия, не для славы, а из доверия к призвавшему его Богу соверша-

ет тяжелый, невидный, будничный труд, который один только прочен и может что-нибудь создать. И был этот труд любви, проникнутый верою в Бога, воздвигшего русский народ на высоту, этот царский труд увенчан венцом добродетелей: смирением, сознанием, что не заслуга перед Богом, а исполнение долга в этом неустанном труде.



Кончина императора Александра III. 1895.
Худ. Михаил Зичи

Велика была сила той смиренной веры, которая в последний час человеческой жизни, прерванной так неожиданно, среди дел, требовавших довершения, сказала в прощание всему, что было близко на земле и через это близкое той стране, за которую была отдана жизнь:

«Чувствую смерть. Будь покойна. Я совершенно покоен».

Потому так ясны эти слова, что не было здесь страха перед чуждым, неведомым для других миром, который открывался душе, а было мирное возвращение на родину, к Тому, откуда все исходит, чтоб опять возвратиться, и к Кому придет когда-нибудь вся громада русского православного мира.

Работник, точно вышедший из далеких заветных дней русской жизни, пожал в благословении; пришла для него осень, он был призван на отдых.

Когда не стало его, припомнились простые, как он сам, и верные слова: «Бе нище-

любец и правдолюбец и добрый страдалец за Русскую землю!»

Пройдут многие годы. Изменятся, быть может, объемы, имена государств; снова станут они тягаться и враждовать друг с другом, наполняя землю слезами и стонами. И в постоянной зависти, злобе, вооруженных пределах земли забудутся или не помянутся добрым словом имена тех вождей, что вносили горе и раздор в мир. Но пока живет человечество, тихим, немеркнувшим светом будут светить ему образы «добрых страдальцев» за людское благополучие, жалевших несчастных, малых, нищих земли. Не забудут их потомки того поколения, которым владели они и которое неутешно до смерти скучало по ним. Их молчаливые упорные труды, правда их сердца, их невидные при жизни жертвы будут гореть как солнце в весеннюю пору, напоминая о новом быте, где не будет более вражды и ужасов, чего не дождаться нам никогда на бедственной, проникнутой нашим грехом земле, но чего ждет и в исполнение чего — хоть когда-нибудь, хоть в далекой вечности — страстно верует наше сердце.

Из книги «Идеалы христианской жизни»

Внешние проявления веры

Так как человек состоит из души и тела, то его внутреннее настроение и чувства необходимо выливаются во внешние поступки.

...Нам предстоит беседовать о том, какие внешние пути избрала душа человеческая для того, чтобы чувствовать себя ближе к Богу, иметь постоянные напоминания о небе, и какие пути избрала церковь для низведения на душу человеческую благодати.

Эти благодатные пути, называемые таинствами, особо многочисленны в церкви православной, точно так же, как особенно обильны в православии те внешние символы, в которые выливается живое благоговение души человеческой, жадно ищущей себе этих символов, форм и выражений своего внутреннего настроения...

Есть известные разряды христиан, считающих, что в области духа должно быть

упразднено все внешнее. Но люди эти глубоко заблуждаются.

Не только из откровений многих лиц, достигших святости, хотя и не представляющих собою достаточного авторитета для упомянутых христиан, но и из свидетельства такого, решительно всеми христианами признаваемого авторитета, как апостол Павел, видно, что и в небе существуют формы внешнего прославления Божества. Апостол Павел, восхищенный в небо, слышал там неизреченные глаголы, которые невозможно пересказать людям.

Значит, и в небе раздаются слова. Из этих слов небожители сплетают хвалу свою Богу. И небесные обитатели, по общему убеждению всех святых, которое, конечно, имеет больше веса, чем мнение земных обыкновенных людей, оглашаются неустанным пением, в котором славословится Господь.

В небе есть своя иерархия. Полчища Ангелов разделены по ступеням той любви, которую они пламенеют к Богу, и той ненависти, которую они воодушевлены против врага Господня и врага рода людского.

Когда, гордый близостью своею к Богу, Денница возмутился против Бога и в зависти своей решил ниспровергнуть Его, чтобы стать самому на Его место, и поднял бунт против Вседержителя, — распалясь великою ревностью, Архистратиг Михаил собрал вокруг себя оставшихся верными Богу Ангелов, вступил в бой с Денницею и его ополчением и низверг это полчище с неба.

Существует на небе известная иерархия, известные образы, известные действия, как же не существовать им на земле, среди людей, внутренние движения у которых выражаются непременно в известных действиях?

Возьмем Таинства.

Конечно, благодать Господня может действовать на душу человеческую непосредственно. Мы имеем перед собою примеры святых, которые жили десятилетиями в пустыне, никогда не встречая лица человеческого, и которые не имели на себе степени священства. Из этого ясно, что люди не могли привлекать к себе благодать посредством духовных Таинств, и тем не менее они были водимы благодатью, имея ее на себе в величай-

шей степени. На них благодать изливалась непосредственно.

Но принадлежавшая к числу таких, в уединенном отшельничестве спасавшихся, святая Мария Египетская перед концом жизни после десятилетий, во время которых она не встречалась ни с одним человеком, встретившись в пустыне со старцем Зосимою, просила его через год принести ей причастие и после этого причастия мирно отошла к Богу.

Да и пример Марии Египетской, собственно, излишен, когда Господь наш Иисус Христос, приняв крещение в водах Иордана от Иоанна, тем самым доказал и заветал нам покорное принятие известных форм, в которых заключается высокий символ, или таинственная благодатная сила.

Тот, кому приходилось много ездить по России на лошадях, знает, какое сильное, глубокое впечатление производит вид сельской церкви.

После долгой езды полями, весной ли, когда всходы зеленеют ровным, нежным, зеленым ковром, летом ли, когда мягкий ветер, гуляя по поверхности золотистого спеющего

хлеба, ходит по нему мягкими волнами, осенью ли, когда сжатые поля щетинятся на солнце соломой, — во всякую погоду и во всякое время дня отраднo встретить каменный или деревянный храм, обведенный оградой.

Мирно сияет вознесшийся на куполе крест — символ нашего искупления, символ Христовой победы, символ нашего будущего счастья. И как духовно сливаются с этим храмом словно льнущие к нему пространства: деревни, и поля, политые трудовым потом крестьянства, и сверкающие на солнце реки, и ручьи, и темнеющий на горизонте лес...

Стойте же твердо, вздымайтесь высоко над родною землей, родные святылища, с которыми связано все, что есть значительного, нужного, священного в жизни человека.

Под вашу сень мать приносит своего новорожденного младенца, который принимает здесь крещение и нарекается христианином. Здесь совершается ежедневно величайшее чудо вселенной: словно льется из ран Распятого пречистая Его Кровь и вливается в людей во оставление грехов и в жизнь вечную. Здесь, в таинственной исповеди, спадает тяго-

тящее душу бремя грехов, и из купели покаяния человек выходит оправданным, невинным, непорочным. Здесь, в Таинстве брака, зарождается юная семья и ниспосылается на соединяющихся любовью людей благодать, освящающая их самих и их будущее потомство. Сюда приносят отжившего свой земной век человека, поют над ним последние прощальные гимны, надевают на него венец — символ воинствовавшего за Христа на земле борца — и отпускают ему, во имя Божие, все его грехи. Здесь дрожит и бьется в восторге, в благодарении, в славословии, в прощении, в горе и в радости, в томлении и в надежде живое сердце человеческое. Сюда спускаются Ангелы, чтобы слышать людские моления, принимать их, как куски благовонного ладана, которые они положат и воскурят в кадильницах там, перед страшным Престолом Господа Славы. Что есть в жизни и в душе верующего человека заветного, важного, волнующего его, с чем бы он ни пришел сюда, в храм, чтобы сложить это легкое или тяжелое бремя к Божию Престолу?..

Сколько невиданных для людей и знаемых

только теми, кто на себе это пережил, произошло тут счастливых восстаний; сколько людей, пришедших сюда с отчаянием в душе, выходили отсюда утешенными и крепкими; сколько здесь произошло возрождений; сколько здесь излито высочайших чувств и возникло пламенеющих величайших мыслей.

О Господи, да будут очи Твои отверсты день и ночь на храмы наши, и да горят в них верою и усердием к Тебе сердца наши!.. Стояли ли вы в древних святилищах земли Русской, в которых излита вера прежних поколений, в которых звучат отголоски давних стонов, горят в воздухе давние слезы?

В соборе Успения Богоматери во Владимире прислушивались ли вы к тому, как поддаются и трещат соборные двери под страшными ударами татарского тарана и как врываются татары вовнутрь святилища, а укрывшаяся наверх, на хоры с замурованным входом, семья великокняжеская, приняв схиму, получает от епископа благословение на смерть, и как дым пожара, подымаясь кверху, душит этих людей гибнущей Киевской Руси, кото-

рым открыл Свои объятия ожидающий Христос, и как пение молитв сливается с треском огня и торжествующими криками татарщины...

Чудилось ли вам в великой церкви Киево-Печерской лавры, строенной на дивных чудесах и преславных обетованиях, как Богоматерь во Влахерне Сама договаривает братьев-зодчих для создания этого святилища на киевских высотах, как приходят они в Печерский монастырь и создают этот храм, небеси подобный, — каменный отголосок райской славы...

Внимали ли вы чутким ухом под сводами первого русского святилища, московского Успенского собора, прозвучавшим здесь тихим и грозным, утешительным и обличительным речам русских чудотворцев? Улавливали ли вы раздавшийся над этим храмом пророческий глас первосвятителя Петра о славе Москвы и с ней — о будущем величии России? Видали ли вы через толщу веков, как загорелась здесь, у раки древнего Петра, свеча, когда вызванный в орду для исцеления ханши Тайдулы святитель Алексей служил на-

путственный молебен? Среди давнего московского населения встречали ли вы, стена, и плача, и вопия о пощаде, чудотворную икону, шедшую из Владимира в Успенский собор, в те дни, когда страшный Железный хромец надвигался со своей губительною ратью на Москву и надежда оставалась только на заступление Девы Пречистой?.. С трепе том в сердце внимали ли вы обличительным речам к Ивану Грозному митрополита Филиппа, который принес тут свою чистую жертву печалования за народ и шел отсюда на свое мученичество?

В дни великой Смуты, когда приверженцы самозванца сорвали святительскую мантию с патриарха Иова, слышали ли вы, как громко произносил он перед заветной иконой Владимирской: «Все двенадцать лет охранял я целостность веры. Ныне ересь торжествует. Владычица, спаси Православие молитвами к Сыну Твоему».

Видели ли вы, как отрада и надежда смятенного и гибнущего Отечества, Святейший Патриарх Ермоген разрешал здесь народ от прежде данных клятв, как нарекали здесь

имя Михаила и возлагали на непорочного отрока царственный венец? Слыхали ли вы на пространстве веков громы хвалебных гимнов после русских побед и присоединения к зачавшемуся в Москве новому Русскому государству новых царств, областей, племен и народов?

В старой Новгородской Софии всматривались ли вы с ужасом в помещенный во главе древний образ Спасителя, Который был написан в благословляющем движении десницы, и три раза находили поутру Его с десницей сжатой, пока не последовал глагол: «Оставьте Меня с сжатой десницей, ибо сею Моею рукою Я держу Новгород. Когда же десница разожмется, тогда и граду скончание будет». И видели ли вы с трепетом, как непостижимо со временем разжимается десница?

В старой Киевской Софии, над которой промчалось столько веков, испытаний, пожаров, погромов, грабежей и ужасов, — смотря на не поколебавшуюся в многократных разорениях собора алтарную стену с вознесшим на ней видением Пречистой Девы, молитвенно поднявшей руки к небу, — постигали ли

вы в этом имени образа Пречистой «Необоримая Стена» — всю неподвижимую, необоримую силу Царицы Небесной и Заступницы русской?

Поражала ли вас мысль, неожиданно входя в храмы на востоке и западе, на севере и юге России, о том, что, вот на расстоянии десятков тысяч верст в этих святилищах на одном языке и одними словами совершается славословие Богу, и в те же дни во Владивостоке и Гельсингфорсе, в Архангельске и Батуме раздается призывный глас колоколов, и народ русский, получивший в обладание от Бога своего столь необозримую землю, свободной душой хвалит в этих храмах своего Творца и Благодетеля?

Проезжая раз, во время Страстной недели, по расположенным вдали от железнодорожных путей местам Новгородской земли, я зашел в Страстной Четверг в бедный сельский деревянный храм в конце литургии. Крестьяне приобщались. Со скрещенными на груди руками они по очереди подходили к спасительной чаше, и из ложки втекала в их уста животворящая Христова Кровь... И мне каза-

лось, что Ангелы Божии стояли за всяким из этого трудящегося крестьянского мира и чистая струя Христовой Крови сглаживала и выжигала из этих людей все их беззакония, все вольные и невольные грехи.

О эти сельские храмы, без которых не вынести бы русскому миру его тяжелой земной доли, без которых задохнулась бы русская душа: та русская душа, в которой свет так перемешан со тьмою, которая словно для того иногда стремится к падению, чтобы после падения познать еще более лучезарное восстание.

*Храм воздыханья, храм печали,
Убогий храм земли моей,
Тяжеле стонов не слышали
Ни Римский Петр, ни Колизей.
Нет отрицанья, нет сомненья,
И шепчет голос неземной:
«Лови минуты умиленья,
Войди с открытою душой.
Сюда народ, тобой любимый,
Своей тоски неодолимой
Святое бремя приносил,
И, облегченный, уходил.
И я вошел, я умилился,*

*И долго я лежал и бился
О плиты старые челом,
Чтоб услышал, чтоб заступился,
Чтоб осенил меня крестом
Бог угнетенных, Бог скорбящих,
Бог поколений, предстоящих
Пред этим скудным алтарем.*

Мы не видим нашим оплотяневшим, немощным взором, мы не слышим нашим огрубевшим слухом всех тайн, которые совершаются в наших церквах. Если бы мы имели очи, чтобы видеть, и имели слух, чтобы слышать, мы бы увидали лики ангельские, наполняющие храм и сослужащие священнослужителям; мы бы услышали то небесное пение, которое раздается здесь, когда дребезжащим, надтреснутым и не всегда усердным пением дьячок на клиросе в пустом храме тянет священные слова. И как близок к истине рассказ о том, что, если приложить ухо к скважине запертой церкви, оттуда слышится тихое невыразимое пение. Послушаем же о том, что видали здесь иные люди, какие они получали тут откровения.

Когда великий Саровский Серафим был

еще в сане диаконском, он временами видал Ангелов, сослужащих братии и воспевающих. Они имели образ молниеносных юношей, облеченных в белые золототканые одежды. А то, как пели они, нельзя выразить словом. Вспоминая об этом, отец Серафим говорил: «Бысть сердце мое, яко воск, таяй от неизреченной радости».

А вот что видел отец Серафим в Великий Четверг, когда служил литургию.

Как известно, «малый» выход из алтаря и следующий затем вход в алтарь знаменует вступление служащих в самое небо, и священник тогда молится: «Сотвори со входом нашим входу святых Ангелов быти, сослужащих нам и сославословящих Твою благодать».

Когда после малого входа и паримий иеродиакон Серафим возгласил: «Господи, спаси благочестивый и услыши ны» и, обратясь к народу и дав знак орарем, закончил: «и во веки веков», как он весь изменился, не мог сойти с места и вымолвить слова. Служащие поняли, что ему было видение. Его ввели под руки в алтарь, где он простоял три часа, то весь разгораясь лицом, то бледнея, — все не в со-

стоянии вымолвить ни одного слова. Когда он пришел в себя, то рассказал своим старцам и наставникам, отцу Пахомию и казначею, что он видел. «Только что провозгласил я, убогий: — „Господи, спаси благочестивыя и услыши ны!“ — и, наведя орарем на народ, окончил: „и во веки веков“, вдруг меня озарил луч как бы солнечного света, и увидел я Господа и Бога нашего Иисуса Христа, во образе Сына Человеческого, во славе, сияющего неизреченным светом, окруженного Небесными Силами, Ангелами, Архангелами, Херувимами и Серафимами, как бы роем пчелиным, и от западных церковных врат грядущего на воздухе. Приблизясь в таком виде до амвона и воздвигнув пречистые Свои руки, Господь благословил служащих и предстоящих. Посем, вступив во святой местный образ Свой, что по правую руку царских врат, преобразился, окружаемый ангельскими ликами, сиявшими неизреченным светом во всю церковь. Я же, земля и пепел, сретая тогда Господа Иисуса Христа, удостоился особенного от Него благословения. Сердце мое возрадовалось чисто, просвещенно, в сладости любви ко Господу».

Когда великий отец Сергей Радонежский совершал литургию, видали, как Ангелы сослужили ему и как он приобщался из святой чаши огнем.

Блаженный Нифонт, епископ Кипрский, имел дивное откровение относительно совершаемого во время литургии священнодействия. Однажды, стоя со своим учеником в церкви при патриаршем богослужении, Нифонт как бы прозрел духом. Он увидел огонь, шедший с неба и покрывший алтарь и архиерея. Когда запели «Трисвятое», показались четыре Ангела и пели вместе с певцами.

Во время чтения апостольского послания Нифонт увидел стоящего за спиной чтеца святого апостола Павла, наблюдавшего за чтецом. Во время чтения Евангелия Божественные слова поднимались к небу как некие чудные светильники. Когда стали переносить после Херувимской песни Святые Дары, распахнулась церковная завеса, раскрылось небо — и разлилось по церкви чудное благоухание. Затем стали сходить вниз Ангелы с пением. Ангелы принесли прекрасного Отрока, поставили Его на дискос и окружили престол, бла-

гоговейно склоняясь пред честными Дарами. А два Херувима и два Серафима парили над главой чудного Младенца, овевая Его своими крыльями. Когда наступило время освящения Даров и великое Таинство пресуществления, один из верховных Ангелов приступил, взял нож и заколол Отрока. Кровь он выпустил в святую чашу и, положив Отрока на дискос, сам снова стал с благоговением на своем месте... Когда служба кончилась, Нифонт видел, как Отрок опять вдруг сделался совершенно целым и на ангельских руках вознесен был на небо.

Вот что невидимо совершается в храме на литургии во время видимых действий священника в алтаре.

При таком значении храма какая жертва для верующего человека может быть отраднее и выше, как жертва на храм? Древняя Русь со своею крепкою верою оставила нам пример усердного храмоздательства. До нас не дошло, можно сказать, решительно ни одного остатка жилых домов Древней Руси, ни царских, ни княжеских, кроме немногих искаженных теремов древней Москвы. Но хра-

мы Древней Руси, ее святилища, до нас дошли, потому что храмы русские были великолепнее и прочнее ее жилых домов.

Русь, вся деревянная, со своими деревянными даже дворцами, знала и старалась ставить храмы каменные, которые остались памятниками ее великого и умного благочестия. И в наши дни русское храмоздательство не прекратилось.

Жертвы на храмы современных русских являются утешительным и неопровержимым доказательством того, насколько живо еще благочестие в русской душе, насколько, как и в старые времена, излюбленную мечту этой души составляет принести Богу посильный и щедрый дар. Храмов возникает по всему пространству России неисчислимое множество и за последнее десятилетие воздвигнуто много замечательных храмов.

В Киеве выстроен один из лучших храмов всей Русской земли, Князь-Владимирский собор в память крещения киевлян Владимиром. Стены его расписаны главным образом великим, гениальным нашим художником Виктором Михайловичем Васнецовым и представ-

ляют собою величайшее откровение иконо-
писного искусства.



Богоматерь Черниговская. Конец XIX в.

Юная обитель, Казанская Амвросиева пустынь при сельце Шамордине Калужской губернии, сияет громаднейшим величественнейшим собором, который заложил в последние годы свои основатель обители, незабвенный великий старец Амвросий Оптинский.

Такой же величественный храм сияет в другой юной обители, Иверской Выксунской, основанной другим замечательным старцем последних десятилетий иеросхи-монахом Варнавою, подвизавшимся в ските Черниговской Божией Матери в окрестностях Сергиево-Троицкой лавры.

В Тихоновой пустыни с целебным колодецем преподобного Тихона Калужского воздвигнута одна из величайших в России колоколен.

...Недавно освящен великолепный и громадный Морской собор в городе Кронштадте, где сосредоточен русский флот.

В постройке храмов часто находят себе исход неугасимая, ничем земным неутолимая тоска по дорогим утраченным людям или на-

полняющее душу усердие ко Христу, к Богоматери или к кому-нибудь из святых.

Велика и угодна в очах Божиих жертва на храм, приятны Ему те, которые жертвуют от избытка своего, но насколько выше и святей такая жертва, когда человек отдает Господу для построения храма все, что имеет.

Такую высокую жертву Богу принес, по слову великого старца Серафима, исцеленный им офицер из нижегородских помещиков, Михаил Васильевич Мантуров. Мантуров заболел болезнью, в которой не мог найти облегчения от врачей и которая заставила его покинуть военную службу. При страшных страданиях у него из ног выходили кости. В таком положении он услышал о благодати, действующей от старца Серафима. Рассказы эти были столь необыкновенны, что он немедленно велел везти себя в Саров и рассказал старцу о своем недуге.

Преподобный Серафим долго молился у себя в келье и затем, выйдя к Мантурову, помазал ноги священным маслом, произнося: «По данной мне от Бога благодати я первого тебя врачую», — и Мантуров тут же исцелился.

Мантуров был человек благодарного сердца и великой искренности. Видя его душу и желая помочь ему принести Богу чудный самоотверженный дар, отец Серафим предложил ему обнищать ради Бога.

По совету старца Мантуров продал свое имение и все вырученные от продажи деньги употребил на постройку в Дивееве, в связи с приходским храмом, стоявшим там раньше и посещаемым крестьянами, большой двухэтажный храм для возникшей в Дивееве женской монашеской общины. Дивеевский храм был поставлен во имя Рождества Христова. По преданию, Богоматерь во сне сказала Мантурову: «Ты почтил Сына Моего, а Меня забыл».

И после этого голоса была устроена нижняя полуподземная церковь во имя Рождества Богоматери.

Когда человек, знающий про эту чудную лепту, в Серафимо-Дивеевской обители стоит у могилы Михаила Васильевича Мантурова, он невольно преклоняется в душе перед высотой и чистотой этой самоотверженной жертвы. И как белая лилия, выросшая из благодар-

ности от благородной души этого жертвователя, белеет, красуется пред его глазами тот храм во имя двойного священного Рождества, у стен которого нашел свой последний приют праведный храмоздатель.

А по другую сторону храма, за приходной его частью, почивает храмоздательница этого приходского Дивеевского храма Агафья Симеоновна Мельгунова, имя которой тоже не может быть забыто, когда думаешь о лучших русских храмоздателях.

Родовитая помещица, владевшая наследственными имениями в нескольких губерниях, Агафья Симеоновна посвятила себя духовной жизни и, по особому повелению Богоматери, из Киева пришла на север России. Тут, в селе Дивееве, в деревянной тогдашней церкви последовало ей видение Богоматери, которая приказывала ей остаться на этом месте, обещая, что тут возникнет великая женская обитель.

Продав свои имения, Агафья Симеоновна поселилась в Дивееве и много лет провела, как слуга, в доме местного священника. Она источала неперестающую милостыню кре-

стьянам, обшивала, мыла и учила разуму их детей. Все свое достояние обратила в деньги, выстроила много храмов и обновила еще большее количество. Она в год голодовки воздвигала Дивеевский приходский каменный храм, этими работами кормя крестьян. На каком крепком основании стоят воздвигнутые усердием таких душ храмы!

Я знал одного простолюдина, который всю жизнь проработал десятником при постройках, вел жизнь строгую, имея единственным утешением посещение церкви и духовное чтение. Отказывая себе во всем, он скопил маленький капиталец и часть завещал по смерти своей на стипендию для студента-медика при Московском университете, а часть — на украшение церкви в родном селе.

Давно забыт он, затерянный на одном из дешевых московских кладбищ, в одинокой могиле, к которой едва ли кто подходит. Но в родном селе поминается его имя. А когда забудут его, все же будут гореть на иконах на его средства помещенные на них оклады, будут теплиться тихие огни в серебряных, на его деньги купленных лампадах. Будет сзы-

вать на молитву крестьян, потомков его сверстников и товарищей, среди которых он рос, пока не пошел на заработки в Москву, по его завещанию повешенный колокол.

Если кто свои наследственные или заработанные деньги захочет поместить в какое-нибудь живое и святое дело, захочет этими деньгами послужить людям, то, кажется, нет жертвы чище и мудрей, как жертва на храм. Велика жертва на приюты для бесприютных детей, на учебные заведения, на пособия той молодежи, которая, холодная и голодная, получает образование, чтобы своим знанием служить потом народу. Высоки жертвы на школы и богадельни, на престарелых и беспомощных людей, но еще выше — на храмы, эти школы и приюты народной души и вечные духовные лечебницы.

Не уместаясь на порожних землях своих в Европейской России, русское крестьянство широкой волной устремилось теперь заселять пустынные места Сибири с их благодатным простором и нетронутыми девственными силами, заложенными в почве. Много скорби переживают переселенцы, отрываясь

от тех мест, на которых веками сидели их отцы, деды и пращурь. Много трудов великих и сложных ждут их на местах нового поселения, где все надо заводить сначала. И в этой скорби, и в этих трудах особенно сиротливо чувствуют они себя без Церкви.

Если кто захочет принести высокую жертву Богу в поминовение по своим родителям или другим дорогим людям, для испрошения у Бога себе какой-нибудь милости — пусть вспомнит о необъятном пространстве Сибири и усердной рукой поставит там храм, увенчав его православным крестом.

Подумайте о том, как отрадно также устроить храм на могиле дорогих людей. Над самым гробом отошедших воздвигается алтарь, поток Христовой Крови льется над местом погребения и, в этом потоке, пока стоит мир и Россия, будет отмыкаться душа человека, за которую поставлен храм...

Одной из величайших бед во время последней несчастной русско-японской войны была гибель в Цусимском бою русской эскадры. Множество молодых жизней русских матросов и офицеров нашло тут свой грустный

конец. Имея возможность спастись, некоторые предпочитали тонуть со своим кораблем и погружались в пучину океана с криком приветов далекой России, честь которой они не выдали в этом страшном бою. Пораженным неизгладимую печалью их отцам, матерям, женам и братьям не осталось даже утешения принять их прах и положить их в семейных усыпальницах. Вещественных воспоминаний от них не осталось. Все поглощено ничем не возвращающим океаном.

И вот по мысли этих пораженных невознаградимыми потерями людей возник в Петербурге заветный храм — «Спас на водах». Сюда эти осиротелые люди приходят молиться, как ходили б молиться на могилы этой дорогой, столь рано и ужасно угасшей молодежи. Все проникнуто скорбью и воспоминанием в этом храме, заимствовавшем формы храмов Древней России. На стенах прибиты металлические доски с именами утонувших героев, с поименованием на каждой имен погибших офицеров и числом нижних чинов. У некоторых из досок почти ежедневно сменяются свежие цветы. Этот храм великой скорби про-

светлен светлой надеждой на загробные свидания.

В русской жизни созданся трогательный обычай собирать у мира на построение храмов.

Городские храмы редко нуждаются в помощи посторонней, имея в большинстве случаев богатых прихожан, которые и в одиночку, и в складчину могут воздвигать храмы, перестраивать и украшать их.

В среде богатого купечества, сохраняющего преданность Церкви, развито даже некоторое соревнование в украшении храмов. Если в одном приходе богач великолепно украсил храм, другой богач в другом приходе старается его перещеголять.

Не то в бедных сельских приходах, где у крестьян нет средств на то, чтобы в короткое время самим поставить новый храм, заменить прежний, деревянный каменным или обновить ветшающую церковь.

И вот миром избирается сборщик и ходит по разным местам России, больше всего по большим торговым городам, приглашая жертвовать на церковь.

Трогательный обычай высокого значения... Если вы не можете выполнить своей мечты, поставить Богу самолично, отдельно целый храм, то, давая этим сборщикам, вы становитесь участниками храмоздательства по всей России. Вы давно будете лежать в могиле. Десятилетия и века изгладят совершенно ваше имя, а ваши копейки и серебряные монеты в виде кирпичей, вложенных в храм, все будут стоять и вопиять о спасении души вашей к Богу. Или в призывном, спасительном, будящем душу звоне колокола будет звучать часть вашего серебра, и в десятках, сотнях, а может быть, тысячах храмов русских будет поминаться ваша душа, когда усердно закрестится православный народ при словах ектении: «Еще молимся о создателях святого храма сего и о всех прежде отшедших отцах и братьях, здесь лежащих и повсюду православных». Дайте себе обет и соблюдайте его: никогда не проходить мимо церковного сборщика, не подавая ему копейки, хотя бы гроша.

Невидимо за этими людьми стоит Сам Христос, протягивая руки на построение Себе

тех живых жилищ, которые должны же создавать Ему люди взамен того, что Он предоставил им — весь простор Им задуманной, Им созданной вселенной.

Жаль, что почти не встречаются теперь на улицах больших городов сборщики на колокол. Мне только раз довелось встретить такого сборщика на одной из бойких улиц Петербурга. Сбоку мостовой стояли запряженные в одну лошадь дровни, покрытые рогожей. На дровнях стоял небольшой колокол. Люди, крестьясь, бросали на рогожу медяки.

О этот кимвал, звенящий во славу Божию, сзывающий православных на молитву!

В одной из лучших пьес своих, «Не так живи, как хочется», проникновенный русский драматург Островский изобразил человека, сбившегося с пути и в отчаянии решившегося на самоубийство. Он был готов исполнить свой ужасный умысел, как услышал звук церковного благовеста, опомнился и стал исправляться.

Мне пришлось присутствовать в одной сельской местности при подъеме на колокольню колокола. В трогательных молитвах

молебна испрашивалась колоколу благодать, будящая людей к славословию Божию, пробуждающая в них добрые чувства. Кто не заслушивался гулом родных колоколов, кто из москвичей не дивился силе, величию, необычайности пасхального трезвона в Москве?

Прозвонят двенадцать мирных ударов на кремлевских Спасских воротах. И Москва со своими пылающими огнями внутри и снаружи церкви еще молчит. И тогда над городом, в трепете и сосредоточении ожидающим своего Христа, пронесется вдруг рвущий воздух полногрудый звук Ивана Великого... Проплыл, еще не растаял, как за ним второй удар, там третий. Этот третий удар подхвачен вдруг во всех концах своих встрепенувшейся Москвой.

Звуки, как бы на приступ, лезут отовсюду на кремлевский холм, запевая, гудя, тихо различаясь и вновь и вновь прибывая в силе, торжествуя несказанное чудо. И над этой волной звуков царит стихийный гром, неопровержимый, как вечность, все собою покрывающий гул Ивана Великого. И кажется, когда пройдет вселенная, не станет уже времени:

все равно в заветный час Воскресения Христова Иван-колокол пропоет воскресшему Христу свою безглагольную медную песню.

Будем любить родные колокола и бросать в них свою медь и серебро.

О значении сбора на церковное строение с большою теплотой говорит поэт князь Вяземский в своем прекрасном стихотворении, из которого приведем несколько отрывков:

*Свой страннический крест прияв,
как благодать,
Из дальнего села пришел он в го-
род чуждый,
Но привели его не собственные
нужды.
Нет, к дому Господа усердьем воз-
горя
И возлюбив и блеск, и святость
алтаря, —
Он благолепью их посильный труд
приносит
И именем Христа на церковь бра-
тий просит.
В волненьях суеты, среди столич-
ных стен,
Преданье и урок апостольских
времен,*

Он ходит между нас евангель-
скою вестью
И праздные сердца в нас будит к
благодетельству.
И редко кто пройдет — и больно
за того,
Кто мимо мог пройти, не оделив
его
Хоть малым чем-нибудь, хоть
ласковым вниманьем,
Сочувствием любви, поклоном,
пожеланьем.
Храня в душе моей отцов про-
стую веру,
Я следовать люблю народному
примеру,
И лепту я мою спешу в тот сбор
принести,
Скажу: и моего тут меду капля
есть;
Скажу: и моего тут будет капля
масла,
Чтоб пред иконою лампада век
не гасла,
Чтоб тихий свет ее лик Спаса
озарял
И в душу скорбную отрадой про-
никал.

*И может быть, Бог даст, сей леп-
той богомольной
Искупится мой грех, иль вольной,
иль невольной,
И там зачтется мне, в замену
добрых дел,
Что к Церкви Божией душой я не
хладел...*

Среди сборщиков на церковное строение есть много людей высокой духовной жизни, пронесших на себе это трогательное дело как очистительный подвиг. Вспомним тут знаменитого некрасовского «Власа», этот удивительный чистый, русский, величественный, трогающий и потрясающий образ церковного сборщика:

*В армяке с открытым воротом,
С обнаженной головой,
Медленно проходит городом
Дядя Влас — старик седой.
На груди икона медная:
Просит он на Божий храм,
Весь в веригах, обувь бедная,
На щеке глубокий шрам;
Да с железным наконечником
Палка длинная в руке...*

Говорят, великим грешником
Был он прежде. В мужике
Бога не было; побоями
В гроб жену свою вознал;
Промышляющих разбоями,
Конокрадов укрывал;
Брал с родного, брал с убогого,
Слыл кощеем-мужиком,
Нрава был крутого, строгого...
Наконец, и грянул гром!
...Влас увидел тьму кромешную
И последний дал обет...
Внял Господь — и душу грешную
Воротил на вольный свет.
Роздал Влас свое имение,
Сам остался бос и гол
И собирать на построение
Храма Божьего пошел.
С той поры мужик скитается
Вот уж скоро тридцать лет,
Подаянием питается —
Строго держит свой обет.
Сила вся души великая
В дело Божие ушла:
Словно сроду жадность дикая
Непричастна ей была...
Полон скорбью неутешною,
Смуглолиц, высок и прям,

Ходит он стопой неспешною
По селеньям, городам.
Нет ему пути далекого:
Был у матушки-Москвы,
И у Каспия широкого,
И у царственной Невы.
Словом истины евангельской
Собирая Богу дань.
Побывает и в Архангельской,
Проберется и в Рязань...
Ходит с образом и с книгою,
Сам с собой все говорит
И железною веригою
Тихо на ходу звенит.
Ходит в зимушку студеную.
Ходит в летние жары,
Вызывая Русь крещеную
На посильные дары, —
И дают, дают прохожие...
Так из лепты трудовой
Вырастают храмы Божии
По лицу земли родной...

Посещаемость храмов является обыкновенно точным отражением благочестия жителей.

О поэте Хомякове, который был искренним и усердным христианином, передают,

что, возвращаясь в праздник из церкви, он с радостью говаривал:

— Слава Богу, сегодня в церкви было тесно.

И в самом деле, что может быть отраднее для верующего человека, как вид храма не только полного, но переполненного народом, часть которого стоит даже за стенами храма. Это тяжело в нашем климате зимою, но великолепно летом, когда звук священных слов проникает через открытые настежь окна и пение хора смешивается с вольным пением птиц, которые тоже хвалят в песне своей Бога.

Кому приходилось бывать в церквях обыкновенно малого размера, выстроенных в таких дачных местностях, которые бывают главным образом заселены летом, а зимой совершенно безлюдны, тот видал, как только какая-нибудь треть молящихся может стоять в таком по большей части деревянном храме, а все остальные размещаются снаружи этой церкви, выходящей, так сказать, из своих стен.

Один известный писатель выражает глубокую мысль о том, что как бы хорошо было, ес-

ли бы внутри храма могли быть вдвинуты рядки с цветами и внимали богослужению. «Что в том, что цветы не поймут этого богослужения? И я вот не совсем разбираю слов „Херувимской“, а мне хорошо...»

И вот возникает мысль о том, что возможно служение литургии вовсе без храма, на чистом лоне природы, к которому не притронулась еще человеческая рука. Представьте себе, что в местностях, где нет храмов, но где живет много людей, стремящихся к храму, выбирается уютная и просторная полянка и среди нее ставится приспособление для престола: не самый престол, в основание которого должны быть положены святые мощи, а стол в форме престола, для того чтобы на нем можно было положить запасный антиминс и служить обедню. Вокруг ничего: ни иконостаса, ни отдельных икон, ни подсвечников, ни царских врат. Храм во время совершения литургии будет без границ, без стен и без крыши, необъятным.

И в этом слиянии молитвы и природы, в пении, сменяющемся трелями соловья или переливным серебром жаворонка, шепотом

деревьев и плеском речной струи — какая бы была красота!

Жизнь сама собой приводит к тому, что иногда богослужение выходит из храма. Так, в некоторых монастырях нашего Северо-Запада бывает такой прилив богомольцев в великие праздники, что духовенство с чашами выходит из храма и приобщает народ в нескольких местах снаружи.

При открытии мощей благоверной великой княгини преподобной Анны Кашинской вышедшие из двух соборов крестные ходы встретились на воздухе, где была совершена лития, после которой протодиаконом прочитан с соборного крыльца указ Святейшего Синода о восстановлении древнего почитания благоверной княгини.

Точно так же в Москве, в вечер торжества прославления мощей святителя Ермогена, патриарха Московского, в разных местах Кремля для народа, под открытым небом, на нарочно сооруженных помостах и принесенных к ним иконах, совершались всеобщие.

«Дух дышет, идеже хочет». И казалось бы особым величием и всемогуществом Божиим,

если бы не только в храме, но и под открытым небом среди привольной природы совершалось чудо пресуществления.

Человека, который много путешествовал по Западу и видал, как там храмы открыты от раннего утра до позднего вечера, смущает мысль о том, почему у нас храмы открываются исключительно только во время богослужения. Святыни доступны лишь в то время, когда люди, занятые размеренным трудом — службою или торговлею, — бывают поглощены своей деятельностью.

Многие лица любят посещать ежедневно какую-нибудь излюбленную святыню. Так, есть многочисленный разряд лиц, которые стремятся всякий день поклониться Казанской иконе Божией Матери, стоящей в Петербурге в соборе того же имени. Но по утрам до поздней обедни икона в большинстве случаев отсутствует, так как ее возят по домам желающих принять ее, а в шесть часов собор уже бывает закрыт.

Между тем несомненно, что, если бы доступ в собор не был ограничен столь ранним временем, многие люди, освобождаясь от своих

дневных дел, приходили бы к иконе на поклонение. Если вам под вечер в иностранном городе хочется сосредоточиться, вы входите в любую церковь, видите там светильники, тихо теплящиеся пред местными святынями. Вы можете уединиться, помолиться, успокоить свою душу, снять с себя какое-нибудь искушение, вообще сблизиться с Богом.

Можно со смелостью утверждать, что многие верующие, но слабые характером, поддающиеся соблазнам люди избежали бы не одного искушения, если бы могли от этого искушения укрыться в каком-нибудь ближнем храме и там помолиться. Большие города бывают жестоки к своим жертвам. Много, много в них совершается в момент отчаяния самоубийств. И, может быть, не одна жизнь была бы спасена, если бы при проходе мимо храма душу потянуло в последний раз под святые своды. А там знакомая, привычная обстановка веры оказала бы свое отрезвляющее и спасающее влияние.

И хочется просить, хочется кричать: шире откройте храмы, не держите их на запоре постоянно, кроме часов службы! Сделайте храм

тем, чем является та благодатная врачевница, вход в которую не возбранен ни днем, ни ночью.

На ночь церкви, конечно, можно и должно запирасть, но часов с шести утра до десяти вечера им следовало бы быть открытыми, особенно в больших городах, где храмы, несомненно, имеют средства на то, чтобы держать достаточное для их охраны количество сторожей.

Вот одна из тайн, невидимо совершающаяся в опустелой церкви, описанная в прекрасном стихотворении старого поэта Розенгейма «Пустая церковь»:

*Вечерня отошла: последний возглас клира
Замолк под сводами; волнуется народ.
Молитва кончена, и снова голос мира
В растворенную дверь детей своих зовет.
Вечерний солнца луч, в окошко проникая,
Скользит и движется по стенам и столбам,*

И лики темные, как будто оживая,
Глядят таинственно, являясь тут и там,
Порой блеснет оклад, мелькнет резная рама,
Иль сцена Библией завещанных картин;
Кругом и полумрак, и тишь пустого храма...
Вот сторож задремал. Теперь я здесь один,
Один... нет, не один... Мне слышится рыданье:
Здесь плачут, здесь скорбят, здесь люди быть должны.
Еще здесь кто-то ждал, тая в груди страданье
Уединения, безлюдья, тишины.
Ищу, кто б это был. Чье горе, укрываясь,
Пришло наедине излиться пред Творцом.
Вот группа... женщина, слезами заливаясь,
С малютками-детьми склонилась пред крестом.
Невидим за столбом, я вижу их

свободно.

Бедняжка думает, что здесь она
одна,

И пред Распятием, припав к пли-
те холодной,

Рыдает, жаркою мольбой погло-
щена,

Как будто хочет все — весь гнет
сердечной боли —

В ней вылить из души растерзан-
ной своей.

Малютки — старшему девятый
год, не боле, —

Сробели, бедные, и плачут вместе
с ней.

И, группу скорбную как будто осе-
няя,

Воздвиглося над ней Распятие в
высоте,

И к плачущим, с него объятъя
простирая,

Склонился Праведник, распятый
на кресте.

Забыв о Собственном страдании
суровом,

Покрытый язвами и кровию об-
лит,

Склонил Он бледный лик в венке

*Своем терновом
И, полный благодати, с любовью
глядит.
Случайно освещен в тот миг лу-
чом заката,
Он, мнится, говорит им взглядом
кротких глаз:
«Идите все ко Мне, кого гнетет
утрата,
Ко Мне, скорбящие, Я упокою вас!»*

Людам сродно стремиться увековечить черты дорогих им людей, держать их пред собою и, всматриваясь в них, во время земной разлуки или после их смерти восстанавливать в памяти эти черты и, напрягая воображение свое, чувствовать их пред собою присутствие, видеть их живыми, слышать их голос. Это здоровое, естественное, понятное стремление.

Люди сильной религиозной мечты стремились, понятно, запечатлеть во внешнем образе дорогую им память о Спасителе мира, о Пречистой Его Матери и о тех святых, которых они или знали живыми, или которые много веков спустя после их смерти стали близки духовному миру этих людей.

Происхождение икон и присущей им бла-

годати, по преданию, таково. Первые десятилетия после вознесения Христа на небо были охвачены жаждой видеть воочию Пресвятую Богородицу, Которая казалась людям живым доказательством высоты Христова учения. Один из современников Богоматери пишет к апостолу Иоанну Богослову: «Много жен у нас только о том и думает, как бы приехать к вам, чтобы видеть Матерь Иисусову. Достойные доверия люди поведали нам, что в Ней по Ее святине человеческое естество кажется соединенным с ангельским. И все такие слухи возбудили в нас безмерное желание видеть это небесное чудо».

И когда эта мечта сбывалась, то, что видели те счастливые христиане, превосходило всякое их ожидание.

Так описывает Дионисий Ареопагит свое впечатление от лика Богоматери:

«Никто из людей не может постигнуть своим умом то, что я видел. Исповедую пред Богом: когда я Иоанном, сияющим среди апостолов, как солнце на небе, был приведен пред лицо Пречистой Девы, я пережил невыразимые чувства. Предо мной заблестало какое-то

божественное сияние. Оно озарило мой дух. Я чувствовал благоухание неопикуемых ароматов и был полон такого восторга, что ни тело мое немощное, ни дух не могли перенести этих знамений и начатков вечной, Божественной, небесной славы. От Ее благодати изнемогло мое сердце, изнемог мой дух».

Понятно после этого стремление тех, которые не видали воочию Богоматери, видеть Ее изображение. Идя навстречу этому желанию, апостол Лука, который был живописец, изобразил лик Богоматери и принес к Ней свое написание. Богоматерь произнесла над этим изображением Своим: «Благодать Моя и Родившегося от Меня с сим изображением да будет».

Вот происхождение икон и благодатной их силы.

Евангелист Лука, по преданию, нарисовал несколько таких икон. К числу их принадлежит знаменитая Владимирская икона, которая из Византии перешла к Владимиру Мономаху, затем — к Андрею Боголюбскому, им перенесена из Вышгорода у Киева во Владимир, а для спасения Москвы от Тамерлана перене-

сена впоследствии в Москву; Андроникова, находящаяся теперь в Вышневолоцком женском монастыре, и некоторые другие.

Предание говорит о нескольких чудесных изображениях земного облика Самого Господа Иисуса Христа.

Владелец города Едессы Авгарь был поражен проказою, когда услышал о том, что в Палестине ходит необыкновенный Человек, именем Иисус, и производит там поразительные исцеления.

Авгарь послал Иисусу Христу письмо, полное необыкновенной сердечности, в котором предлагал Ему прибыть к себе в Едессу для исцеления, обещав Ему покойную и безопасную жизнь, так как, по-видимому, слышал, что у Иисуса много врагов. Был послан в числе посольства и живописец, для того чтобы в случае, если Иисусу невозможно будет приехать к Авгарю, с Него было снято изображение. Посол застал Иисуса Христа учащим народ, и живописец тщетно стремился отразить на полотне черты пречистого лика.

Когда по окончании проповеди передали Христу послание Авгаря, Он ответил относи-

тельно приезда отказом, потом потребовал плат, приложил к нему лицо, и на этом плате отразился лик Христа.

С этим Нерукотворенным образом посланный возвратился к Авгарю, который тут же получил исцеление. Авгарь стал христианином и окружил спасительный для себя Нерукотворенный лик Спаса большим уважением. В последующее время Нерукотворенный образ помещался над городскими воротами и пред ним теплилась неугасимая лампада.

Когда возникла иконоборческая ересь, истреблявшая и оскорблявшая иконы и иконоборческое движение доходило до Едессы, то православные жители Едессы, спасая святыню, решились заложить лик Христов во впадине ворот кирпичами, оставя пред ним горящую лампаду.

Прошло много десятилетий, пока не было восстановлено иконопочитание, и при торжестве его был размурован образ Спасителя. Он оказался невредимым, а пред ним, чудом Господним и в знамение того, насколько угодно Богу иконопочитание, продолжала гореть зажженная так много лет тому назад лампада.

Есть еще рассказ относительно другого плат с Нерукотворенным ликом Христовым. Когда Христа вели от дома Пилата на казнь к Голгофе и Он, изнемогая, падал под бременем крестного древа, одна благочестивая женщина, Вероника, сжалившись над Ним, вынесла Ему плат для того, чтобы Он мог утереть пот и кровь, струившиеся по Его лицу. Христос прижал плат к лицу, и когда Он отдал его Веронике, на плате отразилась глава Божественного Страдальца с израненным челом, со спутанными волосами и в терновом венце. Этот плат Вероника, по преданию, носила императору Тиверию, который поклонился ему и признал в Христе замученного Бога.

Царьград, как средоточие Восточно-Римской империи, собрал к себе множество святынь и вещественных воспоминаний о жизни Христа на земле и о Богородице. Среди них был перенесен из Едессы в Царьград и Нерукотворенный образ Спаса. Большая часть этих святынь исчезла.

Разграбив Константинополь, крестоносцы захватили с собой на корабль среди других святынь и Нерукотворенный образ Спаса. Ко-

рабль их был разбит на море и пошел ко дну. Говорят, что в Архипелаге есть место, где постоянно крутится водная воронка. По преданию, ходящему между моряками, эта воронка обозначает то место, где пошел ко дну корабль крестоносцев с мировыми святынями.

В Италии, в городе Турине, хранится большое полотно с отраженным на нем изображением Христа. Полагают, что это тот самый погребальный саван, в который был обернут Христос и на котором столь же чудесно, хотя не столь ясно, как на Нерукотворенном образе, отразилось изображение тела умершего Богочеловека. Эта плащаница осталась в погребальной пещере при воскресении Христа.

В нашей православной России жизнь Церкви и жизнь народа, жизнь земли были так тесно связаны между собой, что история Церкви Русской есть история самой России. И сколько святынь русских имеют значение общегосударственное, потому что с именем их связано воспоминание о тех знамениях, которые сотворил Господь для спасения России.

Как чудными маяками, которые в тихую погоду напоминают о безопасности во время

бури и на которые в бурю направляют плавание свое корабли, так такими надежными, испытанными в прошлом маяками обставлена русская страна чудотворными иконами.

Вот в теплом Киеве над заветными волнами днепровскими дивная икона Успения Богоматери Киево-Печерская, которую Сама Владычица передала во Влахерне благочестивым братьям-зодчим, договаривая их идти в дальнюю Россию на создание Ей чудного храма. Вот «Нерушимая Стена» — это символ покрова, распростертого над Южной Россией Той Богоматерью, Которую так трогательно зовет тамошний народ «Мати русского краю». Вот, подвигаясь к северу, в селе Каплуновке Харьковского уезда, одна из отраслей Казанской иконы — икона Каплуновская, помогшая Петру Великому в его борьбе с Карлом XII и находившаяся на поле знаменитой Полтавской битвы.

Перейдем на запад. Вот икона «Одигитрии» — Смоленская, от которой был голос к воину Меркурию во время нашествия татар, повелевая ему идти бесстрашно в татарский лагерь и сразиться с тамошним богатырем.

Вот в нескольких шагах от нее Смоленская надворотная икона, которая была вынесена из разоренного Смоленска в двенадцатом году дивизией генерала Неверовского, которую обносили перед Бородинским боем по рядам русского войска, пред которой излито готовившимися к смерти борцами столько чувств, столько дум о вечности в прощании с землей. Как Богоматерь, посещавшая Елизавету, день в день пребыла Смоленская надворотная икона при армии три месяца и вернулась в Смоленск: «Пребысть Мариам с нею яко три месяца и возвратися в дом Свой».

Вот в верном оплоте России от западных ее врагов, седом Пскове, Псково-Печерская икона, благодатью которой сброшена со Пскова осада великого полководца того времени, польского короля Стефана Батория...

Вот в Новгороде икона «Знамения», спасшая Новгород от разорения ратью Андрея Боголюбского, и в новгородских же пределах явившаяся в воздухе Тихвинская икона, спасшая Тихвинский монастырь от пленения шведским полководцем Делагарди.

На Крайнем Севере в Архангельском мона-

стыре икона Сосновская, благодатью своею оградившая в 1854 году Соловки от захвата англичанами и во время бомбардировки обители принявшая на себя рану, причем навсегда потемнел лик иконы.

Войдем вовнутрь коренной России... Сколько икон, сколько воспоминаний!

На окраинах Москвы икона Донская, принесенная с Дону на Куликово поле, видевшая эту победу, которая открыла России зарю новой жизни. А неподалеку от Кремля, в церкви того же имени, Гребенская икона, принесенная к той битве гребенскими казаками. Вот в виду памятников Минина и Пожарского и кремлевских стен белеет Казанский собор, и в нем та икона, которая пришла под Москву с освободительною ратью Минина и Пожарского и которую несли в челе русских дружин, вступивших в отбитый от поляков Кремль. А в Успенском соборе, этом алтаре всей Русской земли, в великой славе сияющая Владимирская икона, с именем которой связано избавление Москвы от разорения Тамерланом, свержение татарского ига, и сколько еще других спасительных событий.

В новой русской столице, на берегах Невы, в великолепном соборе лик чудотворной Казанской иконы благостно склоняет свои очи на приходящий к ней неиссякающий народ. И тут же, под высокими сводами, спит в своей могиле великий полководец Кутузов. Здесь он, принимая командование над русской армией для борьбы с Наполеоном, со слезами молился пред этой иконой, которая на него была возложена и осенила его своею благодатью для последнего его победоносного и чудесного бессмертного подвига.

А сколькими нитями связаны отдельные людские существования с разными заветными для отдельных родов и семей иконами.

У одной бедной старушки, тихо доживавшей свой век смотрительницей богадельни в Москве, я увидел в небольшой комнате громадных размеров икону Спаса Нерукотворенного:

— Мой муж, умирая, — рассказывала она, — не оставил мне ничего, указал он только на эту вот икону и говорит: «Вот тебе мое наследство, с ним ты проживешь...» Эта икона меня поддерживала. Приходилось тяжело,

но я никогда окончательно не падала духом, вырастила детей, которые все разошлись по разным дорогам и живут честною жизнью. Теперь вот под этим ликом жду своего конца. Вера моего мужа оправдалась.

Есть семьи, где вам покажут старинные иконки, которые находились на дедах и прадедах в бою, принимая на себя вражеские пули, сплющивались, но спасали огражденных ими людей.

Мне пришлось в окрестностях одного старинного города посетить родственную семью, живущую в старой усадьбе, жалованной роду первыми Романовыми. Дело было осенним вечером. Держа старинную канделябру в руках, хозяин с женой водили меня по старому дому, строенному пред Отечественной войной, показывая старые семейные вещи и семейные портреты. Подойдя к дверям одной комнаты, они заговорили шепотом.

— В этой комнате, — сказала хозяйка, — его отец родился, — и кивнула головой на мужа. Этот отец был известный русский поэт, оставивший заметный след в русской литературе.

Мы вошли. В просторной полупустой комнате стояла колыбель, и в ней под кисейным пологом сладко чмокал во сне, раскинувшись на подушке, младенец. Комната была озарена мягким светом лампы. Синий огонек озарял лик иконы в золоченом окладе.

— Казанская, — тихо прошептала хозяйка, — отца моего тестя благословляли ею на свадьбу.

Казалось, глаза пречистого лика достигали колыбели и охраняли спящего там младенца. Тут была преемственность поколений, цепь существований, охраняемая заветной родовой святыней.

Дети с непосредственностью своих свежих здоровых чувств очень любят иконы шейные и стенные. Умилительно видеть, как маленький мальчик или девочка, собираясь в путешествие, хлопотливо снимают со стенки образок и бережно его завертывают, не желая расставаться с ним. Есть образа, прославившиеся потом, в которых заключен порыв чистой детской веры.

В Москве на Остоженке, в Дурновском переулке, есть Барыковская богадельня, и в до-

мовой церкви при ней — замечательная икона. Генерал Дурново, бывший владелец этого дома, привез из Турецкой кампании с собой пленного турчонка, к которому привязался, как к сыну. Мальчик был тихий, сдержанный, умный, с глубокими чувствами и сильно заинтересовался христианской верой. Его приготовили к принятию христианства, и он был крещен. Вскоре после того он стал еще более молчаливым и сосредоточенным, постоянно молился и никого не пускал в большую, отведенную ему комнату.

В то же время он сильно ослабел телом, но был чрезвычайно ясен и радостен духом. Он как-то выразил желание говеть, приобщился и в ночь после этого дня был найден бездыханным на своей кровати. А на стене этой комнаты, куда давно уже никто не заходил, оказался нарисованным лик Нерукотворенного Спаса громадных размеров, голова приблизительно в человеческий рост.

Впоследствии из роскошного дома генерала Дурново была устроена богадельня, а образ Спаса так и остался на стене в той комнате, которая потом отошла под церковь. Длинная

гирлянда лампад горит пред громадным черным ликом, живопись которого можно еле разобрать после бывшего тут пожара. И в этой тихой церкви полно воспоминаний о таинственном мальчике, излившем свою новую и пламенную веру в создании этого лика и отлетевшего к Отцу света.

Вокруг этой местности расположено много учебных заведений, мужских и женских. И ежедневно гурьба детей, отправляясь учиться, заходит к чудотворному образу, нарисованному около века назад непорочным чужеземным ребенком.

Для верующего несомненно, что иконы являются часто теми орудиями, которыми Божество и небожители как бы беседуют с людьми. Лица, склонные к духовной жизни, несомненно наблюдали не раз, что какими-то непостижимыми путями люди иногда получают неожиданно те иконы, которых жаждут или которые, по некоторым обстоятельствам, им следует иметь.

Некоторые почитатели великого старца Серафима Саровского, с нетерпением ожидавшие его церковного прославления, передают,

что не раз им совершенно неожиданно доставались старинные изображения старца, именно такие, о которых они мечтали.

В одной православной семье молодой человек, читавший превосходную книгу графа М. В. Толстого «Рассказы из истории Русской Церкви», находился под сильным впечатлением повести о явлении Феодоровской иконы и особенно желал иметь ее, так как родные его были костромские помещики. У этого молодого человека с раннего детства была небольшая икона в золоченом окладе, с которою он никогда не расставался и которую он считал за Владимирскую.

В те самые дни, когда более года длившееся желание иметь у себя Феодоровскую икону не давало ему уже покоя, эта его любимая икона упала, причем от нее отделился оклад, и на доске он прочел ясно: «икона Божией Матери Феодоровская».

Так как эта семья хоронилась в Москве в Донском монастыре, то сестра этого молодого человека захотела иметь Донскую икону. И что же, как-то осенью по возвращении из летнего отсутствия, чистя иконы, она заметила

на иконе, висевшей в ее комнате, которую она считала за Смоленскую, не замеченную ее доселе надпись на краю: «икона Донская».

Мне известен еще такой случай. Один человек обогнал на Петербургской улице сборщицу-монахиню, не подав ей. А потом, точно остановленный какой-то силой, подождал ее и спросил, на какую обитель она собирает.

— Божией Матери «Отрада» («Утешение»), — ответила она.

Он подал и подумал про себя: «Какое значительное и прекрасное название — икона Богоматери „Отрада“ и („Утешение“)». В тот же день получил он письмо от одной старинной знакомой, которая писала ему: «Знаете ли вы, что в день вашего Ангела празднуется икона Богоматери „Отрада“ („Утешение“)? Если у вас ее нет, я вам ее пришлю».

Отраден вид тех жилищ, где живут по-старозаветному, где «в красных углах» стоят иконы большого размера с теплящимися перед ними лампадами. И как жалки те, еще верующие, но не смеющие исповедовать открыто свою веру семьи, где в парадных комнатах иконы прячут или вешают такие маленькие

иконы, что они сливаются с рисунками обоев.

Если бы мы верили горячей и чище и, пока мы в силе, собирая себе видимые предметы веры, мы сосредоточили бы свою любовь на тех иконах, которые нам были дороги по каким-нибудь воспоминаниям, по обстоятельству тех явлений, наконец, по самым именам своим, мы тогда получили бы много духовного счастья, потому что Богоматерь не оставляет без отклика тех, кто к Ней стремится.

Одни имена икон Богоматери, если в них вдуматься, дают душе такое утешение!

Самый вид этих икон как возвышает душу!

Вот Богоматерь нежно прижимает обеими руками к щеке головку Младенца («Касперовская»). Вот, держа правой рукой Младенца, левую с выражением страдания прижимает к голове («Утоли моя печали»). Вот крепко обеими руками держит Младенца Христа, словно боясь, что у Нее Его отнимут, как готова держать и охранять всякую доверившуюся Ей душу («Взыскание погибших»). Вот показывает Христу, спящему в рубашечке у Ней на коленях, небольшой крест, за который Младенец ухватился своей ручкой, а около стоит та та-

инственная чаша, которую Ему предстоит испить (Козельщанская). Вот держит в левой руке ветку расцветших цветов («Неувядаемый Цвет»). Вот одной рукой обнимает Младенца, в другой — лестница в знамение того, что она является связью между землей и небом (Путивльская). Вот, поникнув головой, поддерживает руками семь стрел, пронзивших Ее сердце («Семистрельная»). Вот стоит среди огненной звезды («Купина неопалимая») — прообраз Ее неизменной непорочности: до Рождества — Дева, в Рождестве — Дева, по Рождестве — Дева. Вот, одетая в царские одежды, в неизъяснимом величии царицы, в неизъяснимой красоте и скромности белой лилии, сложив руки на груди, с поникшей головой, внимает каким-то тайнам, совершающимся в Ее сердце (Остробрамская).

Замечают, что женщина, окруженная прекрасными изображениями во время плодоношения, родит прекрасного ребенка. Так на жизни, которую она носит в себе, отражаются те образы, которыми она окружена.

Как прекрасна была бы наша душа, если бы, окруженные со всех сторон иконами Бого-

матери и теми картинами, на которых лучшие художники отразили свою святую мечту о Ней, мы бы заставили нашу душу все сильнее и полней отражать в себе бесконечные совершенства Девы Марии.

Общая разрушаемость всего земного имеет в себе что-то глубоко печальное человека. Эта разрушаемость есть отражение того проклятия, которое пало на человека после его грехопадения. В раю все было вечно нетленным, вечно свежим, возобновляющимся в силе своей, в своем непрерывном развитии; это было ликующее торжество бытия.

Ужас охватывает душу, когда думаешь о том, как время сметает с лица земли без остатка целые народы и страны, как безмолвная пустыня расстилается там, где были некогда города, значительнейшие во вселенной, блестящие богатством, кипевшие жизнью и громадною деятельностью.

К таким сказочным городам древнего мира принадлежал Мемфис, лежащий в Египте, в нескольких десятках верст от теперешнего бойкого и торгового города Каира.

Пишущему эти строки пришлось посетить

ту пустыню, которая расстилается теперь на месте Мемфиса. Глубокие сыпучие пески, перемежающиеся бедными деревьями феллахов и пальмовыми рощами. Жгучее солнце. В одной из рощиц — лежащая навзничь на подпорках чудовищная по величине каменная фигура одного из фараонов, своими каменными глазами всматривающаяся в небо. Погребенные под песком остатки зданий... Вдали — загадочные пирамиды и открытые под песком загадочные могилы обожествленных быков-аписов, загадочные храмы со странными фресками по стенам и с каменными фигурами фараонов, кое-где наметенный ветром правильный узор на песчаной поверхности пустыни...

Вас охватывает ужас и жуть от этого мертвящего безлюдья и мертвенности там, где люди бились и страдали, любили, надеялись и были счастливы, мыслили и чувствовали. Все это время сокрушило, не пощадило ни железа, ни камня, сгладило всякий след жилья, обратило в безличное, страшное ничто...

Когда вам случается видеть что-нибудь, оставшееся от дорогого умершего человека,

какую-нибудь бумажку, на которой дорогая рука начертала несколько строк, не становится ли вам странным это сопоставление, что вот — эта ничтожная бумажка существует, а человек, изобразивший на ней свои мысли, ушел безвозвратно. И как бы вам хотелось закрепить эти убегающие существования, которые ничем удержать нельзя; как бы вам хотелось если удержать не самую жизнь в этих людях, что невозможно, то, по крайней мере, сделать неизменяемыми и нетленными их оболочки.

И это чудо в мире совершается: люди, которые достигли безгрешного состояния первого человека, люди праведные избегают общего закона тления, и тела их сохраняются неповрежденными.

Надо самому присутствовать при торжестве открытия мощей, чтобы пережить то необыкновенное, возвышенное чувство, которое охватывает душу, когда раку с нетленными мощами извлекают из земли и праведник словно выходит, как новый Лазарь, из своей могилы к ожидающему его народу.

Мало того что здесь произошла победа

нескончаемой во Христе жизни над законом общего разрушения, Божия благодать дает еще мощам цельбоносную силу. Совершающиеся у них исцеления и бывают обыкновенно поводом к освидетельствованию мощей и к признанию чудотворящих праведников святыми, Церковью прославляемыми.

У нас недостаточно распространены точные и правильные сведения относительно святых мощей. Признаками мощей является их целебоносность, а не та или другая степень их сохранности. Известны случаи полного сохранения тела лиц, далеких от какой бы то ни было святости и даже известных своею широкою рассеянною жизнью. И, наоборот, величайшие мировые праведники не имели мощей так называемых «целокупных», то есть тел, сохранившихся в полном своем составе. К числу таких праведников принадлежит великий святитель Николай Чудотворец, кости которого источают целебное миро.

Есть мощи, отличающиеся особо ярковыраженным нетлением. Рассказывают, что к таким мощам принадлежат почивающие на острове Корфу, близ берегов Греции, мощи ве-

ликого Спиридона Тримифунтского, сохраняющиеся в таком виде полторы тысячи лет. Ежегодно их при большом стечении народа, в день памяти святителя, носят в торжественном шествии по городу.

Доводилось слышать рассказы, что иностранцы, особенно англичане, проживающие на этом острове для пользования его хорошим климатом, оказывают крайнюю, не всегда почтительную любознательность к мощам святителя и что даже от этого на нетленном лице является выражение какой-то скорби.

Из мощей, в России почивающих, особенно жизненны во Владимире мощи юного князя Глеба, сына святого благоверного князя Андрея Боголюбского. Он умер за несколько дней до мученической кончины своего отца, и мощи его пролежали в земле до обретения много веков. Все тело князя сохранилось как у живого, рука свободно гнется.

Передают о такой же жизненности мощей святителя Феодосия Угличского. Присутствовавший при переоблачении его покойный праведный епископ Черниговский Антоний

передавал мне, что, когда при переоблачении нажали на грудь, это нажатие, как у живого человека, отдалось в ногах.

Наиболее чтимыми мощами в России являются мощи великих русских иноков Антония и Феодосия Киево-Печерских с великою ратью их сподвижников и последователей в Ближних и Дальних пещерах Киево-Печерской лавры, преподобного Сергия Радонежского в созданной им Троице-Сергиевой лавре под Москвой, святителей Московских в Успенском соборе, святителей и князей Новгородских в древней Новгородской Софии, князя Гавриила-Всеволода в псковском Троицком соборе, преподобного Тихона Калужского в Тихоновой калужской пустыни, также и мощи новых чудотворцев Русской земли, открытые в течение последнего века, — Дмитрия Ростовского, Митрофана Воронежского, Тихона Задонского, Феодосия Черниговского, Серафима Саровского, Иоасафа Белгородского.

Мир верующих жадно ищет доказательств своей веры в бессмертие и с особым умилением и усердием подходит к ракам людей, вос-

торжествовавших над смертью и лежащих в этих раках, как к громким проповедникам бессмертия и вечности.

Сколько дум, сколько чувств навевают на вас узкие, низкие, глубоко ушедшие в землю пещеры Киево-Печерской лавры с небольшими углублениями, в которых помещены в простых раках нетленные мощи здесь в тяжелом подвиге трудившихся и здесь упокоившихся праведников.

Там, снаружи, солнце сияет, заливая ярким светом дивную картину Днепра и киевских высот, на которую досыта не насмотришься, в досталь не налюбуеться. А тут, в недрах земли, в этих темных глубоких пещерах, чувствуется своя красота и цветет своя счастливейшая весна. Здесь дух человека, положивший во Христе все свое стремление, сострадал Христу, определяя себя на вольные муки. Здесь люди, не слышавшие живого слова человеческого, не видевшие неба, усилием веры чувствовали себя в ином, прекраснейшем небе и, живя, с человеческой точки зрения, в постоянной пытке, услаждались видениями нескончаемого блаженства, предвку-

шая неопишущую райскую сладость.

«Войди во внутреннюю клеть свою, дай свободу своему духу, смири свою плоть, присядь у ног Христовых и дай животворным речам Его литься в свою душу», — вот, что шепчут верующему человеку киевские пещеры.

Есть святые, которые по величайшему смирению своему не хотели, чтобы мощи их были извлекаемы из недр земли и покоились снаружи. Вследствие общего убеждения в их святости были делаемы попытки копать землю у их могил, но всякий раз из земли выходило пламя, отгонявшее копавших.

Так было на месте погребения преподобного Антония Киево-Печерского, так же было и у могилы преподобного Варлаама Хутынского. Ее хотел разрыть Иоанн III, но из могилы появилось грозное пламя, которое устремилось прямо на великого князя. Он в ужасе убежал, бросив свой жезл, который обгорел и, донныне хранимый в ризнице Варлаамо-Хутынского новгородского монастыря, свидетельствует о происшедшем здесь знамении.

Существует ряд подвижников, место последнего покоя которых даже вовсе неизвест-

но. Это было со многими великими египетскими отцами-аскетами и с величайшим из апостолов, Иоанном Богословом, тайновидцем.

Нужны ли Богу дары человеческие, Богу Вседовлеющему и Вседовольному? Они нужны душе человеческой, которая в этих дарах выливает волнующие ее чувства: благоговение, благодарность, восторг.

Одним из ярких выражений таких чувств являются огни, которые теплят во имя Божие пред иконами люди. Что может быть отраднее церкви, ярко освещенной, с пуками свеч, сияющих у иконостаса пред чтимыми святынями?

Когда вы подходите к какой-нибудь общенародно чтимой иконе, как к Иверской в Москве, Казанской или Нерукотворенного Спаса в домике Петра Великого в Петербурге, и, подходя к иконам, смотрите на эти милые и мирные огоньки лампад и свеч, прислушиваетесь к тихому потрескиванию тающего воска, вам начинает думаться: вот символ живых слез, что кипят здесь пред этими святынями в душах людей, вот чистые жертвы

Богу, принесенные в благодарность, в моление, как крик о помощи, как стон страдающей души:

*Дорог мне перед иконой,
В светлой ризе золотой,
Этот ярый воск, возжженный
Чьей, неведомо, рукой.
Знаю я: свеча пылает,
Клир торжественно поет
Чье-то горе утихает,
Кто-то слезы тихо льет.
Светлый Ангел упованья
Пролетает над толпой,
Этих свеч знаменованье
Чую трепетной душой.
Это медный грош вдовицы,
Это лепта бедняка,
Это, может быть, убийцы
Покаянная тоска.
Это светлое мгновенье
В диком мраке и глуши,
Память слез и умиленья
В вечность глянувшей души.*

Описывая древний русский монастырь и тот народ, который под сводами его искал утешения от великого русского бедствия, та-

тарского ига, поэт говорит:

*И в темных маленьких церквах
Душистый воск горит, как жар,
Пред образами в жемчугах —
Сердце скорбящих чистый дар.*

Человек, который ставит свечу, как будто говорит Богу: пусть горит она перед Тобою тем огнем, которого во мне так мало. Пусть заметит она, сияя перед Тобою своим чистым огнем, ту чистоту, которой во мне нет.

Самый материал, который горит в свечах и лампадах, имеет особое, высокое значение. Свет в лампадах есть знак милосердия Божия, так как в древности елей возливался на раны для промывания их. А что может быть чище того воска, который отлагает пчела, собрав в хобот свой чистейший сок листьев и цветов: в свечах и лампадах приносится чистейшая жертва Источнику чистоты.

Есть какое-то особое, мистическое значение в горящей за душу человека свече, в неугасимо теплой лампаде.

Замечают, что человек, который решил всю жизнь теплить в жертву Богу одну или несколько неугасимых лампад, никогда не

останется без куска хлеба, потому что Бог не допустит, чтобы человек, приносящий ему непереставаемый дар, был бы лишен возможности этот дар продолжать.

Как высок порыв тех людей, которые по смерти своей завещают установить где-нибудь неугасимую лампаду! Через много лет по их смерти, как дар их души, давно отлетевшей от земли, пред излюбленными святынями будет бесстрастным огнем своим теплиться, как тихое сияние давно переставшего биться сердца, зажженная усердием их лампада.

Случалось ли вам в больших или малых городах поздним вечером или ночью видеть сквозь стекла окон тихие огоньки лампад, зажженных перед иконами? Утомленные дневным трудом люди покоятся, поручив этим огням гореть за них пред Богом, как память о Нем, благодарность, молитва.

*Гори, лампада!.. озаряй
Святых икон киот отрадный
И слабый свет свой проливай
В приют печали беспощадной!..
Пусть отблеск риз сих золотых*

*Твое сиянье оттеняет,
Пусть разноцветность камней их
Тебя в отлив свой одевает!..
Гори, лампада!.. Озаряй
Моих икон киот священный
И тихим блеском освещай
Приют, святыней осененный...*

Особенно трогают огни лампад в убогих лачугах, где для приобретения месячного количества масла людям приходится урезывать и без того скудное свое пропитание.

Бывает, что богатые женщины не удовлетворяются тем, чтобы теплить лампы и свечи пред иконами на свои незаработанные деньги, и исполняют какие-нибудь женские работы, посылают продавать их и эти-то трудовые деньги и употребляют на масло и свечи.

Иногда пред чтимыми святынями вы увидите поставленное на время паникадило с громадной свечей. Это кто-нибудь для испрошения милости или в благодарность затеплил большую свечу, которая должна гореть, пока вся не выгорит.

Иные, умирая, поручают родным своим по-

ставить за них после похорон своих свечи пред теми святынями, к которым они ходили при жизни молиться.

Задумывались ли вы когда-нибудь во время обедни, смотря на так называемый канунный столик, на котором теплят свечи за упокой отшедших людей? Тихо тающий воск, чуть дрожащие огоньки как-то особенно тепло и трогательно говорят о людях, отлетевших с земли, которых не забыли, о которых молятся, за которых предстательствуют оставшиеся без них и любившие их люди.

Вот замечательная черта из жизни великого старца Серафима Саровского. Он всегда усердно молился за всех христиан, усопших и живых, усилив эти молитвы в последние годы своей жизни. В келье отца Серафима горело много лампад и особенно много — пучков восковых свечей большого и малого размера. Они были поставлены на круглый поднос, и от постоянного их горения в тесной келье была постоянная жара. Отец Серафим сам объяснил значение этих свечей почитателю своему Мотовилову:

— Я имею, как вам известно, много особ,

приходящих ко мне и благотворящих моим сиротам Дивеевским. Эти особы приносят мне елей и сами просят помолиться за них. Вот когда я читаю правило свое, то и поминую сначала их единожды. А так как, по множеству имен, я не могу повторять их на каждом месте правила где следует — тогда и времени мне не осталось бы на совершение моего правила, — то я и ставлю эти свечи за них в жертву Богу, за каждого по одной свече, за иных — за несколько человек одну большую свечу, за иных же постоянно тепло лампады. И где следует на правиле поминать их, говорю: «Господи, помяни всех тех людей, рабов Твоих, за их же души возжег Тебе аз убогий сии свещи и кандила». А что это не моя, убогого Серафима, человеческая выдумка или так, простое мое усердие, ни на чем не основанное, я приведу вам в подкрепление слова Божественного Писания. В Библии говорится, что Моисей слышал глас Господа, глаголавшего к нему: Моисей, скажи брату твоему Аарону, да возжигает перед Мною кандила во дни и ночи, сия бо угодна есть предо Мною и жертва приятна Ми есть. — Так вот почему

Святая Церковь приняла в обычай возжигать в святых храмах и в домах верных христиан кандила или лампы пред иконами.

Рассказывали, что чудотворным образом отец Серафим чрез эти свечи знал о душевных опасностях, грозивших этим людям, так как тогда та свеча, которую он за эту душу поставил, падала...

В последний день своей жизни, 1 января 1833 года, отец Серафим, отслушав литургию в дорогом ему храме Соловецких чудотворцев, обошел все иконы, прикладываясь ко всякой и ставя свечи.

Люди, восприимчивые к церковным впечатлениям, сами знают, какую отраду производит на душу вид множества зажженных в церкви лампад и теплящихся перед иконами свечей.

В великолепной афонской часовне во имя великомученика Пантелеимона в Москве на Никольской, у Лубянских ворот, производят сильное впечатление большие паникадила, в которых горят лампы.

Надо стараться приобретать добрые привычки, и одна из таких необходимых для пра-

вославного человека привычек — это теплить перед одной из дорогих сердцу икон неугасимую лампаду.

Храм и все, что относится к храму, настолько высоко и свято, что нельзя относиться к этому с недостаточным благоговением. Между тем мы, по легкомыслию и недомыслию людскому, видим постоянное небрежение по отношению к храму.

Там, где присутствует невидимо Бог, где в страхе перед ежедневно возобновляющимся чудом Евхаристии Ангелы склоняют свои лики, — люди смеются, болтают и злословят! Возможно ли предположить, чтобы в ближайшем присутствии земного царя кто-нибудь мог стоять небрежно или болтать со своим соседом? Как же допускать такое вопиющее небрежение в церкви — этом дворце и престоле живого Бога!

Совершенно неправилен привившийся во многих церквях обычай давать доступ в алтарь почетным прихожанам, которые часто, собравшись компанией из нескольких человек, развлекаются во время богослужения праздными беседами. В алтарь не должен

иметь доступ никто, кроме священнослужителей и помогающих при служении, как-то: свещеносцев и лиц, разжигающих и подающих кадила. Между тем во многих петербургских соборах образуются целые кружки в несколько десятков лиц, присвоивших себе право стоять в алтаре.

На одной из архиерейских хиротоний довелось мне видеть, как стоявшего на коленях у престола с возложенным на главу его развернутым Евангелием, в сонме архиереев, возлагавших на него руку, во время произнесения слов хиротонии новопосвящаемого окружила густым кольцом целая толпа любопытствующих мирян.

Образовался у нас даже термин, совершенно бессмысленный и совершенно противозерковный — «почетные богомольцы». Почетных богомольцев нет и не может быть, как не может быть «почетных христиан». Все мы одинаково ничтожны перед величием Божиим, все мы одинаково мелкие пылинки, и всякое отличие, даваемое люлям в храме, идет против Бога. Если в храме Христовом нет равенства, то где же оно будет?

Поэтому верх бесчинства позволяют себе такие сварливые люди с более или менее видным положением, которые не представляют себе молитвы иначе, как на особенном, почетном месте. И если кто-нибудь случайно это место займет, грубыми выходками или расталкиванием очищают они себе это место. Локтями в Царствие Божие не проберешься. Неправилен также обычай ублажать «почетных прихожан» таким вниманием, как выносим во время причащения духовенства, чрез причастника, на подносе просфоры с теплотой. В старое время в Малороссии был еще более неправильный обычай подносить таким прихожанам во время малого входа Евангелие для целования.

Великий святитель Иоасаф Белгородский, происходивший сам из высшего малорусского сословия, решительно восстал против такого человекоугодничества в церквах и грозил таким священникам-человекоугодникам гневом Божиим.

В Древней Руси немыслимо было, чтобы православный человек прошел мимо церкви, не сняв перед нею шапки и не осенив себя

крестом. Теперь сплошь и рядом вы увидите нарушение этого обычая даже верующими людьми. Безобразно и непростительно, человек, который не осмелится пройти не только мимо высшего человека, в котором он нуждается, но и перед равным собою, не приветствуя его поклоном, проходит перед местом особого присутствия Божия, ничем не выразив своего уважения этому месту. Снимать шапку перед храмами и креститься на них нужно внушать детям с раннего возраста.

Старец Серафим Саровский, имевший исключительно высокое мнение о святости храма, говаривал, что нет выше послушания, как при храме, что большое счастье даже подметать там пол. О святости всего того, что относится к области храма, он говаривал так, что все похищенное из храма, даже вынесенный из него сор, представляет собою огонь, разрушающий благосостояние человека. Поэтому даже сор, вынесенный из храма, он советовал не выбрасывать зря, а сжигать, развеивая пепел по воздуху.

Нельзя сказать, чтобы у нас люди в достаточной мере заботились о благосостоянии

храмов.

Отдавая должную справедливость усердным женщинам, которые то вышьют «воздухи» для чаши и дискоса, то принесут в церковь новую завесу, то разошьют прекрасный ковер для алтаря, идущий от престола в церковь, то пожертвуют перекид на аналой, надо сказать, что такие женщины являются, скорей, исключением из общего числа верующих, которые пальцем не двинут для благосостояния или украшения своего приходского храма. И мало людей подходит под слова замвонной молитвы, читаемой в конце литургии: «Освяти любящих благолепие дома Твоего, Ты тех воспрослави Божественною Твоею славою».

Отчего богатые люди, тратящие громадные деньги на отделку своих пышных помещений, украшающие столы для затеваемых ими званых обедов цветами на несколько десятков рублей, — отчего эти люди никогда не украсят в праздничный день иконостаса цветами, не пожертвуют венка живых цветов на образ, перед которым поют «величание» и к которому прикладывается народ? Сколько

тепла может внести в дело веры живое усердие к храму и его украшению!

Во всяком приходе должен бы составляться кружок ревнителей — мужчин и женщин разного возраста, от детей до стариков, который бы занимался содержанием храма в порядке и чистоте и постоянным его украшением, со всем тем что живая, порывистая мысль и горячее усердие могут внести в украшение храма красоты, смысла и чувства.

Люди, знающие обряды всех религий, единогласно утверждают, что ничто не может сравниться с православными молениями о загробной участи отошедших к Богу православных. Действительно, скорбь Православной Церкви об ушедшем чаде проникнута необыкновенной теплотой и непоколебимой надеждой. Православная Церковь не только не отступается от своего умершего члена, но проявляет о нем особую заботливость. Труп для православного не есть куски тлеющей материи, а оставленный духом храм живого Бога.

Поэтому покойник одет в светлую, большею частью никогда не надетую еще

одежду, кладется в гроб, обставляется горящими свечами, на грудь ему кладут икону, на чело надевают венчик, как знак Христовой в нем победы. Над ним совершаются панихиды, в которых все время звучит мысль о продолжении жизни, о непрерывной связи его с живыми людьми. Во время отпевания в погребальных песнях усопший как бы говорит со стоящими друзьями, а они взывают к нему.

У гроба усопшего, а в семьях ревностных и еще сорок дней по смерти, читают Псалтирь, чтобы отогнать от души нечистого духа. Подобно тому как царь Давид отгонял пением псалмов своих духа тьмы от охваченного им царя Саула, ту же силу эти псалмы имеют над темными духами и теперь — вот почему по покойному читается Псалтирь.

Затем самое высшее добро, какое оказывает Церковь умершему, — это есть поминание его на проскомидии. На этом вопросе надо подробно остановиться по его важности.

Та часть, которая вынимается из просфоры с произнесением имени живого или умершего лица, знаменует собою душу этого человека. В конце литургии, после приобщения вер-

ных, все эти частицы ссыпаются в чашу и проникаются, таким образом, животворящею Кровью Христовой. Над ними произносятся священником слова: «Омой, Господи, грехи поминавшихся здесь Кровию Твоею честною».

При этом видимом соприкасании частей просфор с Кровью Христовой происходит невидимое соприкасание души поминаемого человека с существом Божиим. Души светлые ощущают при этом особую радость — одинаково, будут ли они находиться в теле или, по окончании земной жизни, вне тела; души злые — некоторую тревогу от соприкосновения с высочайшей сферой, от которой они так далеки; все же — ощутительную пользу.

До какой степени для душ важно поминание их на проскомидии, можно судить из нескольких рассказов о достоверных событиях.

Один священник, вновь поступивший в приход, в течение нескольких ночей видел во сне своего предшественника, окованного цепями и со страшным выражением на лице, очевидно, в тяжелой муке о чем-то его упра-

шивавшего. Наконец в одном из снов этот священник указал своему заместителю на церковный жертвенник.

Встревоженный этим сном, молодой священник осмотрел все вокруг жертвенника и нашел запиханными между жертвенником и стеной многочисленные записки, которые в свое время были поданы прихожанами для поминания их родных на проскомидии. Очевидно, священник по нерадению эти записки бросал за жертвенник, не читая их.

Молодой священник, совершая проскомидию, усердно помянул всех записанных лиц и в его следующем сне опять увидел старого священника. На этот раз он был с веселым лицом, освобожденный от цепей, и поклонился в ноги своему заместителю.

Еще более замечательный рассказ передается из уст в уста в Москве.

В одном из приходо́в московских, у Девичьего поля, был священник, страдавший запо́ем. Он был человек кроткий и хороший, но несчастная страсть дошла до такой степени, что прихожане тяготились таким батюшкой и неоднократно просили митрополита Фила-

рета избавить их от запойного священника.

Была написана резолюция об увольнении его из прихода и вечером доставлена к митрополиту. Митрополит хотел подписать это определение, но почему-то раздумал и, оставив бумагу на столе, ушел в свою спальню. Уснув, он увидел странный сон. Он увидел себя окруженным какими-то страдающими людьми. Большинство из них были убогого вида, были люди с раскроенными черепами, облитые кровью, с ранами в груди. Все они, наступая на митрополита, требовали у него прощения для того священника.

Проснувшись вскоре, глубокой ночью, митрополит решил, что это «искушение», и, вставши, отправился в кабинет, чтобы подписать резолюцию об удалении батюшки, и вновь какая-то сила удержала его. Он вернулся в спальню, заснул и снова был окружен теми же людьми, которые просили его помиловать священника с еще большею настойчивостью. И снова, проснувшись, митрополит пошел в свой кабинет, и снова какая-то сила помешала ему подписать бумагу. Снился ему в ту же ночь этот сон и в третий раз, причем

эти люди кричали ему:

«Оставь его, не трогай! Он нам нужен!»

Все это показалось митрополиту, который был вообще всегда настроен очень мистически и верил в глубокую связь между двумя мирами, необычайным; он решил лично переговорить со священником и немедленно, ранним утром, послал за ним.

Когда священник явился к митрополиту, митрополит сказал, что собирается его уволить за его нетрезвое поведение

— Виноват, владыко, — говорил священник, — не отрицаю своей вины, достоин наказания.

— Скажи мне, — продолжал митрополит, — у тебя в жизни есть какая-то тайна, открой мне ее.

— Весь я грешен, — говорил батюшка, — и попираю недостойной жизнью своей свой священнический сан. Но одно исполнял я всегда с усердием и ревностью: поминовение усопших. Если я встречаю чьи-нибудь похороны, я провожаю покойника до могилы, спрашиваю его имя, записываю себе и неопустительно его поминаю. Я поминаю всегда лиц,

которые умерли без покаяния, поминаю утопленников и удавленников, самоубийц, погибших нечаянной и жестокой смертью, — всех, кого некому поминать.

— Великое дело делаешь ты, — сказал митрополит Филарет, — и те люди, о которых ты молишься, в свою очередь ходатайствуют о тебе.

И митрополит рассказал священнику свой сон.

— Продолжай свое богоугодное и человеколюбивое дело, — сказал митрополит, — и, получив из другого мира указание, постарайся избавиться от своей страсти.

Не замечателен ли этот рассказ, который убеждает нас в том, до какой степени важно для людей поминовение их за проскомидией и как чутки души усопших к этим молитвам за них людей живущих.

От известного в Петербурге духовника, имевшего громадный духовный опыт, почившего протоиерея отца Алексия Петровича Колоколова, пишущему эти строки довелось слышать замечательный рассказ о силе поминовения души за проскомидией.

Пришел к нему однажды духовный сын его, значительный сановник. Исповедав ему грехи, тяготившие его совесть, он закончил свою исповедь признанием:

— Есть несколько лиц, которые настолько враждуют со мной, что стараются опорочить меня пред государем... Я ненавижу этих людей, презираю их и никогда им не прощу.

Отец Алексей стал доказывать ему, насколько не соответствует духу христианства такое его расположение. Но сановник все стоял на своем.

— Нет, — говорил он, — эта ненависть выше моих сил, с ней я и умру.

Тогда отец Алексей объявил ему, что в таких чувствах он не может допустить его до причастия.

— Вы должны, — говорил он ему, — осилить себя и совершить то, о чем так определенно говорил Христос: «Аще убо принесеши дар твой ко олтарю и ту помянеши, яко брат твой имать нечто на тя: остави ту дар твой пред олтарем и шед прежде смирися с братом твоим, и тогда пришед принеси дар твой». Вот как мы с вами поступим. Вы должны за-

ставить себя молиться за ваших обидчиков, вы должны поминать их на проскомидии. Первые дни это будет для вас тяжелым усилием, потом же это будет становиться для вас легче. В ту минуту, когда частицы, за них вынутые, будут соприкасаться с Кровью Христовой, их дух будет соприкасаться с живою святынею Христа. Так как они злы по природе своей, то это соприкасание будет для них болезненно, и можно ожидать в первое время, что они будут еще более на вас злобствовать. Но вы продолжайте свое дело, и это частое, неведомо для них совершающееся прикосновение души их со Христом окажет на них в конце концов свое действие.

Сановник обещал наконец отцу Алексию исполнить его совет. На этом они и расстались. Прошел год. Сановник снова стоял перед отцом Алексием на исповеди и говорил:

— Батюшка, все то, что вы говорили, так в точности и сбылось. Употребляя над собою величайшее усилие, я заставил себя поминать их имена на проскомидии, для чего часто нарочно заходил даже и в будние дни в церковь. С ними произошло сперва какое-то оже-

стечение, так что козни их против меня усилились. А потом каким-то необъяснимым образом их вражда ко мне стала сглаживаться. И теперь между нами не только нет вражды, но водворились совершенно мирные и согласные отношения.

Можно сказать, что мистическая сила этого поминовения на проскомидии открывает громадные горизонты.

Что делать тому, кто видит дорогое для него существо нравственно гибнущим? Что делать тому, кто чувствует направленную на себя беспричинную вражду? Как поступать, когда люди близкие, имеющие в себе много светлых, отрадных качеств, лишены совершенно веры, а другой любящий человек, хотя бы ценою своей жизни, хотел бы открыть им закрытый для них путь веры?

Вот тогда и надо прибегнуть к силе Евхаристии, поминая людей на проскомидии.

Вспомним ту Монику, сын которой, будущий великий учитель веры, Августин, впал в ересь и в грех. Неустанно вопияла она к Богу о том, чтобы Господь вернул его на путь веры и добродетели. И этот возврат совершился. И,

спасши молитвами своего сына, Моника вскоре отошла к Богу, а сын ее получил столь значительное и трогательное наименование: «сын столь многих слез».

Пример этой матери, дважды родившей своего сына — для жизни и для неба — и дважды выстрадавшей его рождение, должен быть всегда перед глазами тех, у кого близкие люди гибнут в неверии и пороках.

Какое другое врачевство может быть более действенным для души, как помимо воли и ведома человека соприкосновение его к святыне Христовой? Душа имеет свои пути, недоступные людскому уму, она имеет свою силу восприятия помимо обычных путей мысли. Она имеет свою область благодатных чувств.

Пусть человек будет совсем погружен в страсти, пусть распален ненавистью и ухищренной враждою, пусть его уста отрицают Бога. Что в том, когда над его душой производится спасительная работа, когда ее подводят к святыне Христовой, когда на нее льются и просвещают ее животворные лучи сияющего, торжествующего и чудотворящего Солнца — Христа!

Если иногда вражда возникает между иноками строгого монастыря, то мудрейшие из иноков не спешат объясниться словами, не спешат раздражаться от незаслуженно направленной на них вражды. Они прибегают к способу, давно испытанному между верующими людьми, — усиленно поминают враждующих против них людей на проскомидии, и Господь невидимо умиряет этих людей.

Так и вы. Если, несмотря на все человеческие усилия и на все ваше великодушие, вы будете чувствовать злобу, распалившуюся на вас, если дорогие вам люди вопреки ваших просьб и уговоров будут предаваться той жизни, которая убивает душу, если люди, вам близкие, в ослеплении своем будут отрицать Божество, — умирите тогда вашу скорбь надеждою, что есть сила Христова, против которой не устоит никакая страсть, никакая вражда, никакая слепота... Днями, месяцами, годами поминайте их упорно, и тем вы будете совершать над ними благотворную очистительную работу. И если даже вам покажется, что вера ваша не сотворила над ними ожидаемого чуда, знайте, что вы много сделали им для

их судьбы и вечности.

Блаженна будет та душа, которая, живя в теле, стремилась к области Божественной. Изгнана будет от лицезрения Христа та, которая от Него отвергивалась. А ведь вашими молитвами и вашим проскомидийным поминовением этой души вы ее соприкасали с Источником света, и она, без ведома самого человека, совершала тот путь приближения к Богу, который необходим для спасения.

Старец Серафим Саровский многим говорил: «Поминай родителей моих Исидора и Агафью». Сам великий праведник, дерзновенный в молитвах своих к Богу, он тем не менее желал и искал церковных за родителей своих молитв.

Многие люди, чтущие праведников, вынимают просфоры за упокой их родителей: за Евдокию, мать митрополита Московского Филарета, которую он так горячо почитал, за Кирилла и Марию, родителей преподобного Сергия.

По полному смыслу усердию православных, ко гробницам «боярина Кирилла и Марии», в двенадцати верстах от лавры, в Хоть-

ковом монастыре, заходят большинство богомольцев, идущих на поклон к игумену Сергию, и поучаются высоте сыновних чувств его: как ни влекло его в уединение, он не раньше ушел из мира, чем схоронил их.

Если поминать людей близких, любимых составляет христианскую добродетель, то еще выше — заботиться о судьбе таких людей, о которых некому заботиться.

В русском народе всегда находились самоотверженные люди, которых глубоко поражало положение несчастных бездомных скитальцев, людей, умерших на чужих руках, убитых на дороге, замерзших, потонувших, самовольно ушедших из жизни.

Мы видели пример того, как нужны для таких людей церковные о них молитвы и как эти люди умеют быть благодарны таким добровольным за них молитвенникам. Преподобный Даниил Переяславльский близко принял к сердцу положение несчастною смертью погибших людей.

В Древней Руси, при грубости нравов и младенческом положении полиции, постоянно на дорогах, и в городах, и в селах, находи-

ли убитых, причем оставались неоткрытыми и виновники убийств, и даже имена убитых. Для погребения таких тел, а также замерзших, утопленников, самоубийц, бедняков, умерших во время эпидемии, существовали по городам братские могилы

— большие ямы, называвшиеся скудельницами. Обычно в продолжение года складывали в незасыпанную яму тела. А один раз в году, в четверг перед Троицыным днем (Семик), над похороненными совершали отпевание, яму засыпали и в тот же день выкапывали новую. Обряд этот назывался «проводить скудельницы», и на него, как на благочестивый подвиг, собирались все горожане.

Когда в Переяславле, в Горицком монастыре, начал свой иноческий подвиг преподобный Даниил, покойников было особенно много, вследствие свирепых разбойничеств атамана Симона Воронова. Обилие мертвых тел, особенно находившихся вдали от поселений, затрудняло их перенесение в переяславльскую скудельницу. Многие тела оставались на растерзание зверей и птиц и на гниение непогребенными.

Мысль об этих неотпетых покойниках угнетала инока Даниила. Ему казалось ужасным быть застигнутым внезапно смертью, не будучи похороненным по христианскому обряду. И он стал подбирать убитых и умерших на дорогах, в лесах, на полях. Он просил других сообщать ему о таких найденных покойниках и даже платил за это.

Ночью выходил он из монастыря, на своих руках переносил несчастно погибшего на Божедомье, отпевал его и клал в скудельницу. Над этими скудельницами он думал: «Сколько, быть может, истинных и верных душ лежит тут, а мы, грешные, пренебрегаем ими, не достаиваем их погребения при церквах, не поминаем их за Божественною литургиею». И стал он мечтать о том, чтобы устроить над этими скудельницами церковь и приносить по схороненным здесь поминовенные молитвы и вынимать за них части на проскомидии. И Бог эту мечту ему осуществить помог. Таково начало Даниилова Переяславльскаго монастыря.

Мы не будем много распространяться о том, как угодна Богу такая жертва любви и

как она всем доступна. Скажем только о том, что в Италии есть братства, которые хоронят одиноко умерших людей, хоронят так, как бы эти люди не были схоронены и тогда, если бы имели родных. Все братство собирается в торжественной процессии, отдавая долг любви человеку, им неизвестному, и чрез это возвышая цену своего подвига.

Об основателе знаменитой московской Третьяковской галереи рассказывали, что он имел обычай, встретив покойника, всегда проводить его до могилы. Вообще люди, стремящиеся к добрым делам, имеют всегда обширное поле для них в семьях, только что пораженных утратой, потому что в большинстве случаев эти утраты сопряжены с непосильным расходом на похороны, а часто вслед за смертью главы семьи вся семья бывает обречена на тяжелую бедность.

Почитание святых

Какую теплоту православному религиозному миру придает установленное в нем почитание святых.

«Се что добро или что красно, еже жити братии вкупе». Сиротливо чувствует себя человек, которому не с кем поделиться чувствами и мыслями, который одинок в своей духовной жизни. Какая-то отрада испытывается, когда человек окружен людьми верующими, как он, кланяющимися тому же Богу, полными тех же чаяний и упований...

Но отношения с живыми людьми, с которыми вы даже сошлись в области высших идеалов, могут быть нарушены каким-нибудь несогласием. Ведь земля не знает ни в чем совершенства. Вам нужны такие друзья, которые были бы выше и лучше вас, могли бы стать вашими руководителями и поручителями за вас перед Богом.

Вам нужно не только единение в вере, вам нужна опора и помощь, вам нужна такая живая Сила, к Которой вы можете воззвать во время испытаний, когда вам так тяжело, что

уже и слезы не льются из глаз, когда горе, как острыми ножами, режет ваше сердце. Вам нужны тогда такие светлые существа, которые бы втайне, никем не видимые, подошли бы к вашему страданию и умелою, нежной, но безбоязненной рукой коснулись его, чтобы облегчить вас. Вам нужны лучезарные, прекрасные, надежные, отзывчивые люди, к которым вам можно было бы приткнуться.

И всю эту жажду вашей души, которая мучит многих людей бессознательно, так что они, этой жаждой страдая, не знают даже, что она значит и чем ее удовлетворить, — эту жажду утоляет тот, кто, познав учение Церкви о почитании святых, живым чувством привяжется к кому-нибудь из избранных им небожителей.

Исполнение заповедей Христовых в праведниках шло все растущей волной. И ту же растущую волну представляло в них исполнение Христова завета о взаимной любви. Любовь эта жгла их сердца, превращаясь в громадное пламя, которое светило людям, грело их.

Правда, в начале своего подвига, чтобы

освободиться от греха, очистить свою душу, приблизиться к Богу, они бегали от людей, но и тут они незримо помогали им своею молитвою.

Схимничество есть совершенное отвержение мира. А между тем это самое схимничество есть непрерывающаяся молитва за тот же мир. Один из величайших русских аскетов последнего века, киевский старец отец Парфений, задумался однажды над вопросом о том, что есть схимничество. И тут же получил на свои мысли ответ таинственного голоса: «Молитва за весь мир».

Когда же праведник, путем великого подвига самоочищения и молитвы, достигнет праведного состояния первого человека и вернет себе все дары, утраченные душой человеческой через грехопадение, тогда он становится усердным служителем людей.

Подумайте: ведь для того, чтобы любить людей безграничною, милующею, горящею, готовою на отклик любовью, любовью, ничего не требующею и все дающею, надо отвергнуть себя самого, надо свое собственное существо со всем себялюбием, гордостью, тщесла-

вием, разорвать в куски, растоптать, отбросить, уничтожить вконец, чтобы на месте этого своего существа, которому служат, о котором пекутся, с которым носятся обыкновенно люди, поставить своего ближнего.

Вокруг меня стонет горе, смотрит горящими глазами нищета, идут на преступления из-за грошей создания Божии, мать торгует честью дочери, растут беспризорные дети, обреченные на звериный образ жизни, а я бок о бок со всеми этими ужасами живу спокойною и сытою жизнью, намеренно закрыв на все это глаза, зажав себе уши от несущихся ко мне со всех сторон стонов невыносимого людского несчастья.

Отчего это происходит?

Да оттого, что любовь к себе и к слишком ограниченному кругу ближайших к себе избранных людей тушит в человеке истинную горячую любовь к ближнему.

Я должен сам страдать для того, чтобы понять страдающих. Я должен сам перенести одиночество, чтобы уловить полный отчаяния взгляд одинокого человека, который на это свое одиночество уже и жаловаться пере-

стал, покорно неся свой крест. Я должен сам испытать и холод, и голод, и жажду, и всякое лишение для того, чтобы понять, как ужасно все это переносить другому человеку. Я должен сам быть всеми оставленным, чтобы понять, что значит жить в общем пренебрежении, не имея никого, кто бы вам сочувствовал, о вас думал, о вас заботился, на вас радовался.

Мир святых — это мир людей величайшего христианского благородства, понявших во всем его объеме христианский подвиг. Святые — это люди, которые довели в себе исполнение христианских заповедей до последних их выводов. Это люди, которые на деле во всей точности, во всех подробностях исполнили то, чему учил Христос, угадав и усвоив себе высшую совесть, мешающую человеку наслаждаться чем-нибудь таким, чего нет у другого человека, которого он признает своим братом.

У меня дворец, у меня сказочная роскошь, у меня возможность исполнять всякую мою прихоть, как только я такую прихоть придумаю; другой — без пристанища, без одежды,

без насущного хлеба... Могу ли я быть спокойным? Меня будет грызть совесть, пока я не уравнию нашего положения. Дать всем бедствующим то, что у меня есть, — на это не хватит никаких американских миллиардов. Средство одно — стать самому в состояние тех же лишений, той же ограниченной жизни.

И вот почему мы видим, что святые с какой-то изощренностью отказываются от всех земных преимуществ и, раздав все свое имущество бедным, этим не ограничиваются, а еще начинают работать для них. Для истинного христианина есть какая-то отрада в том, чтобы делить со Христом Его уничиженное положение на земле.

Преподобная Евфросиния, княжна Полоцкая, живя в затворе на полатях Спасского храма Полоцкой обители, занималась дорого тогда оплачиваемым трудом переписки священных книг и посылала их епископу. Он их должен был продавать и вырученные деньги распределять между бедными.

«Христос в терниях; неужели же я, увенчанный розами, пойду по пути, осыпанному цветами? Христос с прободенными руками;

неужели же я буду тешить и ублажать мое тело? Христу негде главы преклонить; неужели же я буду жить во дворцах? Христа гнало высшее сословие его современников; неужели же мне искать видного положения в высших кругах? Христу помогали в нуждах Его внимавшие Ему люди; неужели же мне жить ни от кого не зависимым человеком, величаясь этою самостоятельностью и ни в чем себя не ограничивая?»

Преподобный Никола Святоша, сын Черниговского князя, первый из русских князей принял иночество. Он добровольно проходил разные послушания в Печерской обители: три года работал на братию в поварне, сам рубил дрова, носил из реки воду на плечах своих и приготовлял братскую пищу. Потом он служил привратником монастырским, как сторож, не отходя никуда, а для отдыха садился на куче сора. После этого стал прислуживать на трапезе. Когда родственники его, чрез близкого князю врача, уговаривали его не срамить их такою жизнью, он отвечал:

— Если никто из князей не поступал так прежде меня, то пусть я буду вождем в этом

деле. И кто захочет, пойдет по следам моим. Благодарю Бога моего, что Он освободил меня от работы мирской и сотворил слугою Своим блаженным черноризцем.

Вот высокая жажда принизить себя для Бога, стать равным последнему по мирскому положению человеку, сбросить все земные отличия перед святынею Христова Креста, видеть в жизни одного своего Учителя — и «Того распята»... Как утончается дух в таких подвигах, как растворяется широко сердце, как обостряется понимание чужой жизни, чужого страдания!

Чутким слухом, прозорливым умом праведники при жизни видят не только лиц, непосредственно приходящих к ним, но видят страдания и вдалеке таких людей, которые у них никогда не были, о которых они не могли слышать.

В последние годы жизни великого Оптинского старца Амвросия привезли к нему ослабленного крестьянина Гаврюшу, который ползал по земле. Отец Амвросий явился ему в той деревне, где он жил, и призвал его к себе.

Непостижима и изумительна эта забота

живых праведников о таких людях, которые о них еще ничего не слыхали: точно в поисках подвига любви, покровительства и сочувствия, беспокойный святым волнением дух их бродит по земле, выискивая себе пищу для своего «распространившегося» для людей сердца.

И Господь открывает им людей, которые будут нуждаться в их помощи, и светлый дух их вьется над этими людьми, как орлица, крыльями своими готовая защитить птенцов. Чудные и таинственные горизонты открывают такие события, как то, о котором сейчас будет рассказано и которое совершилось над госпожой Еропкиной. Барышня-сиротка из богатой помещичьей семьи по окончании института поселилась у своего дяди и вскоре была помолвлена с молодым человеком Еропкинским по взаимной любви. Как-то незадолго до свадьбы, она весело провела вечер в разговоре со своими двумя двоюродными сестрами о предстоящем ей счастье и отошла ко сну. Не успела еще она окончательно забыться, как услышала, что в комнату кто-то вошел. Это был ее дядя с каким-то старым монахом. Яв-

ление было так осязательно, что она из девичьей стыдливости поспешила натянуть на голову одеяло. Монах подошел к ней и произнес над нею слова:

— Бедная! Из сиротства да во вдовство: ведь это хуже, чем из огня да в полымя!

Через несколько секунд вошедших в комнату не стало. Потрясенная этим явлением, невеста разбудила спавших с ней в одной комнате двоюродных сестер и все им рассказала. Несколько дней она была вне себя от тревоги и тоски, но молодость и надежда на счастье взяли свое, и вскоре пышно была сыграна ее свадьба.

Через несколько месяцев после свадьбы молодой муж заболел скоротечной чахоткой. Не смея волновать его, жена не предложила ему пред концом церковного напутствия, и он умер исповеданный и неприобщенный.

Горе молодой женщины, попавшей, как говорил неизвестный старец, «из сиротства во вдовство», было безгранично. Особенно угнетала ее мысль о том, что муж ее отошел без напутствия Таинствами. Она опасалась, что это повлияет на его загробную судьбу. От тос-

ки и отчаяния она готова была покуситься на самоубийство, так что родные безостановочно следили за ней.

В эту самую пору тяжелого для всей семьи испытания дядя ее услышал рассказы о старце Серафиме Саровском, который доживал последние годы своей жизни. Эти рассказы были так необыкновенны, что дядя, несмотря на близкую весеннюю распутицу, немедленно собрался в дальний путь за несколько сотен верст и повез племянницу к отцу Серафиму.

Громадная толпа народа волновалась между Саровским собором — одноэтажным корпусом, где была келья старца, когда путники, прибыв в Саров, вошли в монастырь. Подхваченная народной волной, госпожа Еропкина была втиснута в сени перед кельей, где отец Серафим благословлял народ. И прежде чем она успела взглянуть на старца, она, никем здесь не знаемая, услышала над собой голос: «Приобщается раба Божия Анна благодатию Христовой». И чья-то рука потянула ее в келью. Голос этот был знакомый. Она слышала его в каких-то чрезвычайных обстоятельствах. Когда же она подняла глаза на стоявшие

го перед ней человека, она в облике отца Серафима узнала того старца, который тогда, незадолго до ее свадьбы, приходил к ней с печальным предсказанием.

Прежде чем она успела поведать отцу Серафиму свое горе, он заговорил с ней обо всем ее пережитом, как о чем-то ему близко известном, и стал ее успокаивать насчет ее терзаний, что муж отошел ненапустованным; объяснил, что часто добрым людям Господь пред смертью посылает со Святыми Дарами невидимого Ангела. Старец преподал ей разные советы, как молиться о муже, совершенно успокоил ее и приказал весной приехать к себе опять.

А как объяснить такие события? Один генерал пришел к тому же старцу Серафиму и благодарил его за его молитвы.

— Вашими молитвами, — рассказывал он, — я спасся во время Турецкой кампании. Окруженный многими полками неприятелей, я остался сам с одним только полком и видел, что мне нельзя ни укрепиться, ни двинуться как-нибудь, ни взад ни вперед. Не было никакой надежды на спасение. Я только твердил

постоянно: «Господи, помилуй молитвами старца Серафима», ел сухари, данные мне вами в благословение, пил воду, и Бог сохранил меня от врагов невредимым.

В эти минуты крайней опасности смятенная страхом смертным душа человека из этого ада кипучей битвы рвалась за помощью к дальнему старцу, и, как удары электрической искры, прозорливый дух великого Серафима почувствовал эту безглагольную из дальней враждебной страны мольбу погибавшего человека, возопил к Богу, и Бог по молитвам угодника Своего послал в охрану ему легионы Ангелов Своих.

Советами, охраной, мыслями, предупреждениями своими святые при жизни широко служат людям. И как нежно и заботливо служение их!..

Укоряли и смеялись над одной крестьянкой, которая при народе, ожидавшем благословения Оптинского старца Амвросия, стала кричать ему:

— Батюшка, у меня индюшки все мрут. Помоги, чтобы не умерли.

И старец дал ей свой совет. Он понимал,

что для нее вопрос о жизни индюшат так же важен, как для крупного мирового купца важен приход в безопасности идущих из другой части света кораблей.

Прибежал однажды в Саровскую пустынь крестьянин с признаками сильнейшего волнения и спрашивал у всякого попадавшего ему навстречу инок:

— Батюшка, ты, что ли, отец Серафим?

Когда ему указали старца, он упал ему в ноги и закричал:

— Батюшка, у меня лошадь украли. Не знаю, как теперь буду семью кормить. Я без нее стал нищим. А ты, говорят, угадываешь.

Старец ласково прижал к груди его голову и сказал:

— Огради себя молчанием. Иди в село (старец назвал то село). Как станешь подходить к нему, свороти с дороги вправо и пройди задом четыре дома. Там ты увидишь калиточку, войти в нее, отвяжи свою лошадь от колоды и выведи молча.

Лошадь была найдена.

Пришел другой молодой крестьянин с уздой в руках, плакавший о пропаже лошадей,

и поговорил со старцем. Через несколько времени монах, знавший о его горе, спросил, отыскал ли он лошадей.

— Как же, отыскал! Отец Серафим сказал мне, чтобы я шел на торг и что я там увижу их. Я и вышел, и как раз увидал, и взял к себе своих лошадок.

Дивно общение святых между собою. Так, архиепископ Воронежский Антоний в день кончины старца Серафима в далеком Сарове при отсутствии тогда телеграфов и медленной почтовой гоньбе, стал служить по нем панихиду.

Затворник Задонский Георгий рассказывал, что одно время смущался помыслами, не перейти ли ему из Задонского монастыря в другой. Этот помысел он никому не открывал. Однажды пришел к нему странник и сказал:

— Отец Серафим приказал тебе сказать — стыдно, столько лет сидевши в затворе, побежаться вражескими помыслами, чтобы оставить это место. Никуда не ходи.

В ту ночь, когда душа старца Серафима была освобождена от уз тела, один из русских подвижников, игумен строгой Глинской пу-

стыни Курской епархии Филарет, выходя с братиею своею из церкви от заутрени, указал сияние на небе и промолвил:

— Вот в каком торжестве возносятся к небу души праведников. Ныне преставился Богу Саровский старец Серафим.

Да, для воздействия праведников на души человеческие упраздняются все земные ограничения пространства, времени. И если на земле живой человек, хотя бы и праведный, может в известные минуты говорить и быть поглощенным только одним существом: в небесную пору своего бытия он как бы раздробляется и в одно мгновение входит в общение, невидимо советует, остерегает, помогает, спасает, вразумляет множество людей.

Ведь в вечной жизни происходит полнейшее развитие человеческой души, расцветают все свойства, которые в земном человеке проявляются часто лишь легкими очертаниями, лишь намеками. И та заботливость, то нежное участие к людям, которое замечалось в праведниках в земную пору их существования, тут, естественно, принимает еще большие размеры.

О той греющей любви, которая пламенеет в праведниках, которая как бы теснит их сердце, ища выхода наружу в соответствующих действиях, расскажет следующая сцена из жизни того же великого Серафима, который является неусыпаемой сокровищницей всяческих добродетелей, величайших черт человеческого характера. Эта сцена передана в воспоминаниях одной старушкой, госпожой Аксаковой, которая в раннем детстве была с родными в Сарове и пред церковным прославлением старца Серафима в живых, увлекательных словах изобразила эту давнюю встречу.

Несколько семей из высшего нижегородского круга отправились в Саров, чтобы повидать старца Серафима. Им сказали, что отец Серафим скрывается в лесу. В пустыньке его они не нашли. И кто-то из монахов посоветовал им послать на розыски старца детей. Старец так их любил, что непременно бы вышел к ним из своей засады.

С шумными криками радости дети обнаружили лесное убежище старца. И отец Серафим действительно быстро пошел к ним на-

встречу, и скоро на лесной полянке стоял он, окруженный детьми. С растроганным взором он поочередно брал их к себе и прижимал к своей груди, умиленно шепча: «Сокровища мои, сокровища...» Было что-то особое в этом пустынноике, превзошедшем суровою жизнью своею великих египетских отцов, который с любовью и благословением прижимал к себе детей, эту будущую юную Россию.

Я застал еще в живых в Дивеевской обители одну древнюю инокиню, которая в раннем детстве приходила со своими односельчанами в Саров. Отец Серафим стоял на лесном пригорке, когда они завидели его. Радостно замахав им руками, он стал кричать им: «Грядите, грядите, грядите ко мне» — и, наконец, словно не выдержав напор усердия своего и любви к этим шедшим к нему людям, он сам побежал к ним навстречу.

Так вот теперь, лежа мощами своими в раке, среди собора, в неугасимых огнях, зажженных усердной рукой, неужели не встречает он, как встарь, приходящих к нему за тысячи верст из шумной столицы, из тихих деревень богомольцев, не бежит к ним навстречу с

ободряющим зовом: «Грядите ко мне, грядите», не берет ли на свои руки, чтобы прижать к своей груди, приводимых к раке его невинных детей, шепча им, как шептал тогда давно отошедшему теперь поколению: «Сокровища мои, сокровища...»

Тот, кто вступил в общение с этим изумительным святым, тот должен был чувствовать не раз в своей жизни присутствие и действие его над собой. Как птица, охраняющая гнездо своих птенцов, он вьется над теми, кто доверился ему раз навсегда в своей жизни, призвал его на помощь, кто постоянно помнит о нем.

Овевая необыкновенною сладостью живое общение с собой, он в трогательных выражениях не раз высказывал, как крепка и надежна его защита. Кто-то сильно плакал и скорбел в одном испытании, сомневаясь к тому же в своем спасении. А он подошел и сказал:

— Не плачь, моя радость. Все те спасутся, кто призывает меня.

Тих, благодатен, ласков подход его к душе человеческой. В последние дни свои он говорил своим детям:

— Когда меня не станет, вы ко мне на гробик-то приходите! Как вам время, вы и идите, чем чаще, тем лучше! Если что есть у вас на душе, что бы ни случилось с вами, о чем бы ни скорбели, придите ко мне, да все, все, с собою-то и принесите на мой гробик. Припав к земле, как живому все и расскажите. И услышу я вас — и вся скорбь ваша отлетит и пройдет. Как вы с живым всегда говорили, так и тут! Для вас я живой есть, буду и вовеки.

А часто, когда люди в горе не успели позвать его, он приходит первый.

Одна купчиха видит во сне старца, который говорит ей: «Эту ночь воры подломили у тебя лавку, но я взял метлу и стал мести. Они и ушли». Действительно, запоры у лавки оказались подломанными, но воры, испуганные появлением старца в образе метельщика, убежали, ничем не воспользовавшись.

Богатая женщина далеко от Сарова страдает, задыхается от нарыва в горле. Голос пропал, вода проходила только каплями. Однажды ночью она сидела в постели, обложенная подушками; служившие ей уснули. В комнате светила лампа и лампада у икон. Вдруг

неожиданно вошел старец с открытой головой, в белом балахончике, с медным крестом на груди. Он благословил больную и сказал ей: «Простая и добросердечная!» — и вышел. В ту же минуту больная громко воскликнула: «Старец Божий, скажи еще что-нибудь!» Этот голос разбудил ее прислугу, и та спрашивала ее, с кем она говорила.

По выздоровлении ей принесли изображение отца Серафима, и в нем она узнала своего исцелителя, а в Сарове ее поразило, что и одеяние его было то же, в каком старец являлся ей.

В 1865 году в доме г-жи Бар... пред Рождеством раздавали по обычаю пособия нуждающимся.

Вошел отдельно старичок, седой, согбенный, и, помолясь, говорит: «Мир дому сему и благословение». Раздатчица спросила его:

— Ты за подающим?

— Нет, не за тем.

— Что ж тебе? Бери, если надо.

— Нет, мне ничего не надо, а только видеть вашу хозяйку и сказать ей два слова.

— Хозяйки нет дома. Что передать — ска-

жи нам.

— Нет, мне надо самому.

Одна из прислуги шепнула другой:

— Что ему тут? Пусть идет — может, бродяга какой.

Старичок сказал:

— Когда будет хозяйка, я зайду, я скоро зайду. — И вышел.

Раздатчица видела плохую обувь старичка и раскаялась, на нее напало какое-то смущение. Она выбежала на крыльцо, но и там, и дальше никого не было; он точно исчез. От хозяйки это скрыли, а подозрительной слуге во сне кто-то сказал: «Ты напрасно говорила. У вас был не бродяга, а великий старец Божий...»

На следующее утро г-же Бар... по почте пришла посылка. Это оказалось изображение чтимого в доме старца отца Серафима, кормящего медведя.

Велико было изумление всех, когда те, кто говорили со старичком бедным, узнали его в изображении отца Серафима.

Купец-богомolec с приказчиком, несмотря на уговоры дивеевских сестер, выехали из Ди-

веева, не переночевав, и попали в страшный буран. След совершенно потеряли, лошади стали, и ямщик объявил, что не знает, куда ехать и окончательно замерзает. Ждали смерти.

— Эх, братцы, — одумался вдруг купец, — и мы-то хороши! Были мы на поклонении отцу Серафиму, а его помощи и не попросим. Давайте попросим его.

И все трое из последних сил стали на колени и начали призывать помощь старца Серафима. Еще не кончена была молитва, как вдруг, слышат они, кто-то возле них шаркает по снегу и говорит: «Эй, вы, что это где засели? Ну-ка вот ступайте за нами, мы вас выведем на дорогу!..» И видят — мимо них старичок и старушка везут салазки, оставляя по себе глубокий след. Они выехали по следу, слышат все пред собою голоса: «Сюда, сюда, за нами». А как ни пускают свою тройку, все салазок догнать не могут. По дороге упали в какой-то овраг и думают: беда. А голоса все кричат: «Не бойтесь, не бойтесь ничего, ступайте за ними».

Из оврага выбрались, опять поехали по

следу, пока не показались огни, и тут и салазки, и след, и старик со старушкой пропали. Это старец Серафим с дивеевской первоначальницей Агафией Семеновной Мельгуновой вызволили их из беды.

Замечательно это общение святых, когда они являются вдвоем людям на помощь.

Кто лучше, как святой, может оценить и понять святого? Старец Серафим при жизни видал матушку Агафью Семеновну Мельгунову, дивеевскую первоначальницу. Вероятно, нередко приезжала она в Саров, но он уклонялся от людей, будучи при ее жизни послушником и молодым иеродиаконном. Он присутствовал при ее соборовании, когда она просила игумена Саровского не оставить после ее смерти несколько благочестивых женщин, которых она приютила у себя в доме и которые составили первоначальное зерно будущей великой Дивеевской обители.

Отец Пахомий обещал и промолвил:

— А после меня попечется вот о них отец Серафим.

Уехав тогда из Дивеева, саровцы вернулись к похоронам матушки Александры. Отец

Серафим не остался даже на поминовенной трапезе и, несмотря на проливной дождь, пошел пешком обратно в Саров. Больше он в Дивееве и не бывал. Но душа его была полна восторгом пред памятью матушки Александры, которая из богатых помещиц стала как бы слугой крестьянства, работала, как «раб купленный», а все свое богатство употребила на возведение новых и возобновление старых церквей.

На своем своеобразном языке он говаривал дивеевским насельницам: «Великая жена зачинала ваше место. Я и поднесь ей стопочки лобызаю».

В одном из явлений своих старец сказал одной больной:

— Тебя Агафья жалеет.

Господь дал великое обетование: «Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них». А какая это несокрушимая сила, когда при каком-нибудь деле на пользу земных людей согласно молятся в небе несколько праведников!

Старец Серафим со своей сильной душой, восхищавшейся всем прекрасным, любил с

восторгом говорить о великих людях Церкви, о таких деятелях, как Афанасий Александрийский, который один отстаивал истину Православия против ереси Ария и ублажал великих подвижников веры и благочестия.

Не тот же ли восторг пред святыми видим и в подвижнике последнего нашего времени, отце Иоанне Кронштадтском? Еще будучи молодым студентом Петербургской духовной академии, он, сидя над творениями Иоанна Златоуста, переживал такие восторги, что в восхищении его страницами начинал от радости плескать руками.

Как много надо ухаживать за людьми, чтобы быть с ними в добрых сношениях, и как, наоборот, святые откликаются нам, как только мы их призовем. Однако и святым утешительно, когда люди проявляют верность к их памяти на всем протяжении своей жизни. И неправильно поступают те почитатели святых, которые недостаточно дорожат видимыми знаками заботы о себе этих праведников.

Одному человеку, который неожиданно получил образ старца Серафима, очевидно, посланный этому лицу самим старцем, и ко-

торый затем легко расстался с этим образом по чьей-то просьбе, старец явился с ласковым укором.

Если наши внешние нужды заботят собою святых, то заботы их усугубляются, когда дело идет о значительнейших минутах нашего существования, о переходе в вечность.

Вот в Малой Азии, в ссылке за свою правду, влекомый по каменистым дорогам, под жгучим солнцем или на холодном ветру, дивный Иоанн Златоуст приближается к концу своего подвига. Являются ему апостолы Петр и Иоанн, которые были к нему посланы во время его молодости, когда он подвижничал в Антиохийском монастыре.

— Радуйся, добрый пастырь словесных овец Христовых, крепкий страстотерпец, — говорят они, — мы посланы к тебе общим Владыкой нашим Иисусом Христом, чтобы помочь тебе и утешить тебя в трудах и скорбях, которые ты понес за чистоту своей души. Ибо ты, подражая Иоанну Крестителю, обличил беззаконствующих царей. Мужайся и крепись. Тебе уготовано воздаяние в Царствии Небесном. Мы благовестим тебе вели-

кую радость: по прошествии немногих дней ты отойдешь к Господу Богу Твоему и будешь вечно блаженствовать с нами в Царствии Небесном.

После этих торжественных слов апостолы подали святителю-исповеднику что-то съедобное и сказали:

— Возьми и съешь, дабы тебе после сего не требовать другой пищи в сей жизни. Этого будет довольно для тебя до того времени, когда ты предашь свою душу в руки Божии.

Накануне смерти Иоанна привели в Команы, где была церковь Святого великомученика Василиска, епископа Команского, пострадавшего в Никомидии при царе Максимиане. Был канун дня Воздвижения Креста Господня. Ночью Иоанну явился священномученик Василиск и сказал:

— Мужайся, брат Иоанн, ибо завтра мы будем вместе.

Таким образом, от рождения до могилы мы можем находиться под благодатным воздействием святых.

Как мы видели, святые очень часто сами идут к нам на помощь. Праведники, живые

или отошедшие в небо, призывают нас к себе, открываясь людям в сновидениях, обещая им помощь. Но Бог дал людям свободную волю, предоставил на выбор: жить среди грешных людей или искать общества праведников.

«С кем поведешься, от того наберешься», — говорит пословица. «С преподобным преподобен будешь, с нечестивым развратишься». И духовная жизнь человека идет чрезвычайно успешно тогда, когда он изберет себе в небе какого-нибудь заступника или руководителя, постоянно о нем думает, постоянно к нему обращается.

Как в жизни сходятся люди, имеющие между собой много точек соприкосновения, так и в небе мы можем выбирать святых, духовный облик которых нас особенно к себе привлекает. Человек аскетического склада выберет себе покровителями великих аскетов, постников, молчальников, суровых иноков, убежавших людей.

А люди живые, общительные и порывистые, люди, ждущие ласки и жаждущие постоянно видеть проявления участия со стороны тех, к кому они привязались, не найдут се-

бе лучших небесных друзей и покровителей, как всемирный чудотворец Николай, или наш тихий, отзывчивый праведник Сергей, игумен Радонежский, или скорый утешитель, Саровский Серафим преподобный. Ведь то самое, что святитель Николай Чудотворец чтим всей вселенной, призываем не только даже теми христианскими вероисповеданиями, которые отмечают культ святых, как лютеране, но и язычествующими инородцами и магометанами, — показывает, насколько он близок всем нуждающимся в помощи, насколько осязательна и скоро эта помощь, насколько он жив для людей и общедоступен.

Это какой-то виртуоз добра и сострадания: лучезарные, столь понятные дела его любви так отрадны и поучительны.

Он является таким высоким примером святости и помощи, что, разбираясь в вопросе о святости, нельзя не остановиться на его служении людям.

Получив наследство после смерти родителей, Николай, бывший тогда священником, стал раздавать его нуждающимся.

Жил в городе один человек, который после

большого богатства впал в крайнюю нищету и решил воспользоваться честью трех своих красавиц-дочерей для своего обогащения. Николай узнал об этом и решил спасти несчастных. Три раза по ночам он подкрадывался к лачуге, в которой ютился бывший богач, бросая всякий раз по мешку с золотом на приданое каждой из дочерей. Только на третью ночь благодетельствованная им семья успела обнаружить Николая, и он взял с них клятву, что они о его жизни никому ничего не откроют. Все три дочери были выданы замуж.

Во дни его епископства были в Мирах невинно осуждены на казнь три гражданина. Святитель в это время объезжал епархию. К нему был снаряжен гонец с вестью: «Весь город плачет и сетует; если бы ты был с нами, то правитель не осмелился бы решиться на это беззаконие». Святитель немедленно вернулся в Миры и, уже подъезжая к городу, узнал, что осужденных повели на казнь. Когда он явился на площадь, первый из осужденных уже ждал смертельного удара, и палач уже вынул из ножен меч.

Народ радостно встрепенулся при виде

знакомого образа, внушавшего всем отраду и надежду. Крик освобождения пронесся по площади, и палач не посмел размахнуться мечом, чтобы нанести удар. Быстро, среди расступившегося народа, святитель подбежал к плахе, вырвал меч из рук палача, бросил его на землю и развязал осужденного. По громадному уважению, которым пользовался в городе святитель Николай, никто не осмелился ему препятствовать.

Свидетелями этого поступка святителя были три царских воеводы из Царьграда. Вскоре по возвращении в столицу они были оклеветаны. Их противники успели вынудить у царя указ о их казни. В ту ночь перед казнью, мучимые предсмертным томлением в темнице, они вспомнили, как на их глазах святитель Николай избавил от смерти трех мужей, и с тою силою молитвы, которая доходит до Бога, для которой нет расстояния, они взмолились дивному святителю о помощи.

В ту же ночь спавшему царю предстал святитель Николай и властно произнес: «Встань скорей, разреши заключенных в темнице воевод, они оклеветаны и страдают невинно».

Объяснив царю все дело, святитель прибавил: «Если ты не исполнишь мое слово, то я воздвигну страшный мятеж и ты погибнешь несчастною смертью».

— Кто ты, зачем пришел ко мне, почему угрожаешь нашей державе? — спросил царь.

— Мое имя Николай. Я архиерей Мирликийской митрополии.

Святитель явился в ту же ночь главному противнику воевод, и они с царем пересказали друг другу свои сновидения.

Воеводы были вызваны к царю, уверили его в своей невинности и в это время увидели сидящим рядом с царем святителя. Царь вручил воеводам золотое Евангелие, золотое кадило, усыпанное драгоценными камнями, два светильника и приказал им свезти все это святителю в Миры.

Это двойное избавление от казни людей вспоминается в церковной песне святителю, в словах: «положил еси душу твою о людях твоих и спасл еси неповинныя от смерти».

Святитель Николай считается покровителем в море плавающих. В великолепной базилике, где почивают мироточивые мощи свя-

тителя, в итальянском городе Бари, на берегу Адриатического моря, пишущему эти строки пришлось видеть скромную гравюру в простой рамке, на которой изображен несколько десятков лет тому назад спасенный святителем от бури итальянский корабль.

Еще будучи в священническом сане, он, увлекаемый святою мечтою, плыл мимо берегов Египта, направляясь к Александрии, чтобы оттуда проследовать в Палестину. Поднялась страшная буря; все ждали смерти. Святой Николай помолился, и внезапно море успокоилось. В это же плавание один из корабельщиков оборвался с мачты и убился до смерти. И святой Николай сейчас же воскресил его своею молитвою.

Он также являлся людям, погибавшим в море. Однажды путники, плывшие из Египта в Ликийскую страну, были застигнуты страшной бурей; судно бросало, рвало ветром, корабль весь скрипел от хлещущих волн. Люди прощались с жизнью. Никто из них никогда не видал святителя Николая, но все слышали о том, как скор он на помощь просящим его. И воззвали они к нему, как к последнему убе-

жищу. Он откликнулся. Святитель вошел на корабль и сказал:

— Вы взывали ко мне. Я пришел вам помочь, не бойтесь.

Он взял рукой за кормило и стал направлять корабль. И как в ту заветную евангельскую ночь Христос запретил буре бить ладью его апостолов — так и тут святитель велел буре перестать. И легла на море тишина.

Так еще при жизни люди, не видавшие никогда его, призывали его в своих бедах, и благодать, жившая в этом дивном христианине, покоряла людей, которые подходили к нему.

Какие-то светлые лучи исходили от него. И люди, страдавшие страстями или скорбью душевной, находили невыразимое облегчение, как только взглядывали на святителя. Не одни его современники но и в средние века люди, богатые религиозным воодушевлением, прославляют его.

Среди непросвещенных язычников и инородцев нашего сурового Севера вы встретите горячих почитателей святителя Николая. Он является им на помощь в нуждах и опасностях их сложной жизни: выводит на дорогу

гибнущих от бурана; выводит, как крепкий кормчий, из бурь, когда ладьи их попадают под власть рассвирепевшей стихии. Помня милосердие и помощь своего помощника, они приходят в русские города и, с умилением найдя икону святителя, признают в ней являющегося им чудотворца, ставят перед его иконой свечи, слезно молятся, кладут перед ним в виде дара добытые ими на охоте меха.

Столь же поразительны дела любви и милосердия, сотворенные в неисчислимом множестве святителем по прославлении его.

В нынешней Сирии жил благочестивый человек Агрик, который, почитая память святителя Николая, ежегодно в день его памяти ходил на богомолье в его храм и затем устраивал трапезы для бедных. Однажды шестнадцатилетнего сына Агрика, Василия, который накануне праздника святителя Николая пошел в его церковь, взяли в плен арабы с острова Крита. Там он был сделан виночерпием князя Амиры. Три года скорбел отец об утрате сына. Когда настал день памяти святителя, Агрик сказал жене:

— Мы совсем забыли великого чудотворца

и благодетеля нашего. Завтра день его памяти, принесем ему в дар елей, свечи и фимиам. Помолимся ему; быть может, он вернет нам сына или укажет, где он.

Побывав в церкви, они поставили трапезу для бедных. Во время трапезы вдруг у двора залаяли собаки. Высланные посмотреть люди ничего не нашли, а лай все усиливался. Агрик вышел сам и увидел пред собой юношу, одетого по-арабски, с сосудом вина в руках. Василий служил у стола сарацинского князя и наливал ему вино, как его подхватил вихрь и поставил пред отцом.

А вот событие, в котором выяснились такая предупредительность, забота, ласка, покровительство святителя своему читителю.

Царьградский ремесленник Николай после долгой трудовой жизни в старости впал в нищету. Когда настал праздник святителя Николая, он мучился тем, что нечем ему ознаменовать этот праздник, и, посоветовавшись с женой, решил продать последнее, что у них оставалось, ковер. С этим ковром он пошел на торг. По дороге попался ему навстречу благолепный старец и купил ковер за шесть золо-

ТЫХ.

Как оказалось потом, этого старца видел только сам ремесленник, и прохожие удивлялись, что он говорит с кем-то невидимым. Этот старец пришел к жене ремесленника, принес ей ковер, говоря, что муж велел ему этот ковер к ней доставить. Когда вернулся муж, жена стала упрекать его, что он не исполнил своего намерения. Муж же показывал оставшиеся деньги и закупленные им съестные припасы: вино, просфоры и свечи. Весть о чуде распространилась по городу, и патриарх приказал содержать до конца их дней ремесленника с его женой на доходы Софийского собора.

От ранних лет христианства своего русский народ прилепился душой к великому милостивцу и помощнику своему, святителю Николаю. Нет почти города, где не был бы ему создан храм; нет, положительно, ни одного храма, где бы не было его иконы. Иностранцы, посещавшие Древнюю Русь, свидетельствуют о таком усиленном почитании святителя Николая, что он представляется им особым, русским Богом. Святитель послал рус-

скому народу множество икон своих, которым дал чудотворную силу.

В Софийском соборе в Киеве стоит чудотворный образ «Никола Мокрый». В XI веке одна богатая киевлянка, плывя с мужем и младенцем-сыном в лодке по Днепру, уронила сына в воду. Родители с плачем звали на помощь святителя. Перед заутреней на следующее утро, отпирая двери Софийского собора, пономари услышали плач младенца и нашли ребенка, лежавшего мокрым пред иконою святителя.

Когда великий князь Димитрий Иоаннович Донской выступил из Москвы на решительный бой с Мамаем, в двенадцати верстах от Москвы князю на дереве явилась икона святителя, ободрившая и поднявшая его дух. Она «угрела», то есть обрадовала, сердце князя, почему и основанный на месте явления монастырь назван «Никола на Угреше».

Увидеть человеческое горе, услышать направленный к нему стон для святителя Николая значит и помочь человеку. Его можно назвать каким-то неустанным, полным святого беспокойства чудотворцем — «Помогай, бро-

сайся».

Ходит рассказ, что в одном из русских приходов к образу святителя Николая во время всеобщей подошел пожилой крестьянин и стал просить святителя послать ему немедленно пятьдесят рублей. Многие слышали эту молитву. Услыхал о ней и молодой местный диакон. У него как раз были в кошельке пятьдесят рублей. Чтобы подшутить над бесхитростной верой этого человека, диакон, когда крестьянин поклонился лбом в землю, подбросил незаметно пред ним на пол эти деньги. В великой радости крестьянин положил их себе в карман, не раздумывая, откуда они взялись.

Диакон стал требовать свои деньги обратно, а крестьянин не отдавал, повторяя:

— Я не знаю, кто их положил. Я просил у святителя денег. Он их мне послал. Я тебе не отдам.

Священник приказал диакону оставить крестьянину эти деньги.

Есть другой рассказ, не менее замечательный. Одна бедная дворянка, старая девушка из Петербурга, получила в распоряжение свое

на племянника своего несколько тысяч рублей, которые постепенно на него израсходовала. Настал день, когда опека потребовала от нее возвращения этих денег. У старушки не было никаких средств их вернуть. Единственное, что могла она делать, со слезами взывать о помощи к святителю Николаю.

Накануне дня, назначенного для возврата денег, она слезно молилась пред образом святителя в Почтамтской церкви и тут же встретила дальнего своего родственника, которого давно не видала. Он был человек весьма состоятельный, но отличался необычайною скупостью. Заметив ее расстроенный вид, этот человек пригласил ее с собою, привез в своем экипаже к себе домой и стал заботливо расспрашивать о причине скорби.

Когда она ему все откровенно рассказала, он объявил, что как раз имеет в своем столе нужную ей сумму, которую на другой день собирался внести в опекунский совет. Эти деньги он предложил ей. Он рассказывал потом, что какая-то необъяснимая сила заставила его, при всей его скупости, решиться на этот совершенно необычный для него поступок.

Люди не приходят два или три раза туда, где им раньше было отказано. Напряженная вера в святителя Николая всего мира — христианского, магометанского и язычествующего — показывает неистощимость и силу его добрых дел на пользу страждущего человечества.

Когда вам станет тяжело, когда у вас появятся такие обстоятельства, что вы ума не приложите к тому, как вам из них вывернуться, вспомните о человеке, который выводил крепкою и надежною рукою людей из врат смерти, спасая в самых безнадежных обстоятельствах. Вспомните того, кто под свист гудящего ветра, в разгар яростной бури, всходя на корабль к людям, воззавшим к нему, произнес те слова, которые надо на случай горя, нужды и отчаяния запечатлеть верующим в своих сердцах: «Вы призывали меня. Я пришел вам помочь. Не бойтесь».

И с веками древности будем повторять похвалу, излитую в честь святителя Николая знаменитым песнопевцем, святителем Андреем, епископом Критским, слагателем великого покаянного канона:

«Величаю тебя, митрополия Ликийская: ты стяжала пастыря чадолюбиваго. Ты прияла на главу свою дорогой и нетленный венец. Кто это? — Николай, в нуждах предстоящий с небесными утешениями, неукоснительный защитник в обидах, великий в чудесах и страшный в явлениях, спасающий невинных от гибели, разрушающий сновидениями неправильныя предприятия».

В какой русский храм вы ни войдете, вы непременно заметите озаренную огнями усердно теплых свеч, на видном месте стоящую икону седовласого старца с пронзительным взором. Он или благословляет рукой, прижимая к груди другою Евангелие, или, мощно распростерев руки, подымает одной рукой к небу храм, в другой держит меч. Знайте, что это вас благословляет он, готовый спешить на помощь; знайте, что за вас готов он обнажить меч в защите от обиды, в предохранение от искушений. И пусть во дни бедствий, сомнений и всякого горя несется из души вашей немедленно слышимый и различаемый им в тысячах со всех сторон вселенной несущихся к нему стонов крик души вашей:

«Святитель Николай, помогай нам».

Кроме общепризнанных Церковью Православною святых, сияющих в венцах святости, русский народ имеет много заступников, которых призывает он на помощь свою и которые еще не причислены к лику святых.

Многие праведники оказывают людям чудесную помощь еще при жизни своей, и та благодарная память, которую они по себе оставляют, уверенность в близости их к Богу и посмертные явления их заставляют людей обращаться к ним за помощью, как эти люди шли к ним при жизни. Образуется почитание еще не прославленного Церковью праведника, которое предшествует его сопричислению к лику святых и продолжается иногда целый век и более.

Среди писем спасителя России от Наполеона, фельдмаршала Кутузова сохранилось письмо, писанное им пред отправлением в Турецкий поход, который он заключил выгодным для России миром в Бухаресте, к знаменитому тогдашнему проповеднику, настоятелю киевского Софийского собора протоиерею Иоанну Леванде. Посылая несколько червон-

цев, Кутузов просит «по примеру прежних лет отслужить три панихиды у гроба святителя Феодосия Угличского в Чернигове». Так за целый век до канонизации святителя Феодосия Черниговского благочестивые люди искали у него помощи.

Точно так же множество исцелений совершилось у мощей святителя Иоасафа, который целые десятилетия почивал на вскрытии, подобно тому как почивал всегда на вскрытии святитель Феодосий, никогда даже не бывший погребенным, потому что первое чудо мгновенного исцеления от тяжелой болезни совершил он над своим преемником, святителем Иоанном, впоследствии митрополитом Тобольским, также оставившим по себе впечатление святости.

Это множество подвижников, отходящих к Богу и предстоящих за свой народ, почивающих в нетленных мощах, чрезвычайно утешительно, свидетельствуя о том, насколько жив дух Христов в Церкви, как богато наша Церковь плодоносит.

Упомянем имена некоторых подвижников, чтимых народом, будущих святых Рус-

ской Церкви. В Киеве нетленно почивают митрополиты Киевские: Рафаил Заборовский, Самуил, Филарет, современник Московского Филарета, Филофей и митрополит Тобольский Павел Конюскевич. Там же окружена народным почитанием память старцев: иеросхимонаха Феофила юродивого и монаха Досифея, — дворянской девицы, спасавшейся в образе инока и давшей Прохору Мошнину, будущему старцу Серафиму Саровскому, совет идти в Саров.

Под Москвой, в Троице-Сергиевой лавре, почивает чудотворящий митрополит Филарет, о некоторых посмертных делах которого сейчас будет рассказано. А в своем основанном им близ лавры Вифанском монастыре почивает скончавшийся во время Отечественной войны и предсказавший падение Наполеона знаменитый вития, митрополит Платон Левшин, имеющий дар исцеления детей.

В Тобольске чтут память Иоанна, митрополита Тобольского и всея Сибири, и архиепископа Тобольского Варлаама. В Новгороде схранен великий поборник Православия, восстановитель русского монашества, правдолю-

бец Гавриил, митрополит Новгородский, современник и друг митрополита Московского Платона. Во Пскове все более утверждается вера в святость архиепископа Симона Тодорского, современника императрицы Елизаветы Петровны. У раки его совершаются исцеления. В Харькове чтут память почивающего в открытой раке архиепископа Мелетия. В Воронеже убеждены в святости одного из величайших русских аскетов архиепископа Антония и слепца-архиепископа Иосифа. Вся Пенза ходит на поклонение епископу Иннокентию, пострадавшему в царствование императора Александра I за верность Православию и защиту его от сектантов.

Возбужден вопрос о причислении к лику святых Софония, архиепископа Иркутского, и убиенного шайкой Пугачева митрополита Иосифа Астраханского. В Алатырском монастыре Симбирской епархии нетленно почивает и чудотворит схимонах Вассиан. В таких строгих пустынях, как Глинская, Софониева-Молченская, Оптиная и Саровская, имеется по несколько праведников, прославления которых можно ожидать: в Сарове — со-

временник старца Серафима молчальник Марко, а в близлежащей Дивеевской обители — первоначальница Агафья Семеновна Мельгунова (в иночестве Александра), монахиня Елена Мантурова и юная монахиня Мария (в схиме Марфа) Мелюкова, юродивая Пелагия Ивановна. В недалеком от Дивеева Арзамасе — основательница арзамасской Алексеевской общины Мария Петровна Протасьева (в схиме Марфа), подвижница XVIII века. В Оптиной пустыни — старцы: Леонид-Лев, Макарий, Амвросий, архимандрит Моисей и брат его игумен Антоний. Около Лебедяни находятся две женские общины: Сезеновская и Троекуровская, где почивают праведные их основатели-затворники — старец Иларион Троекуров и Иоанн Сезеновский. Город Задонск кроме мощей святителя Тихона славится своим праведным затворником Георгием из гусарских офицеров, схимонахом Митрофаном, собеседником святителя Тихона, юродивым Антонием Алексеевичем, основательницей странноприимного монастыря Матроной Наумовной и подвижницей Евфимией Григорьевной Поповой. В Ельце помнят за-

творницу Девичьего монастыря Меланию и священника Иоанна Борисова, день памяти которого справляется всем городом. Все эти праведники являются людям с помощью, с предупреждением, с исцелением.

Святитель митрополит Филарет скончался 19 ноября 1867 года. В 1833 году вечером, накануне дня святого Филарета Милостивого (1 декабря), имя которого носил митрополит, один московский книгопродавец, чтивший его память, собрался в театр. Еще он не вышел из лавки, как ему приносят портрет митрополита, который ему давно хотелось иметь. Он купил портрет, и в это время ударили на соседней колокольне. Он спросил, какой завтра праздник. Ему ответили, что день Ангела почившего митрополита. Он призадумался и, вспомнив, что и торговлю свою он когда-то открыл 1 декабря, пошел ко всенощной.

Через несколько лет он взял более обширную лавку. Когда весь товар уже был перенесен, он пошел в церковь пригласить священника для молебна. В церкви служили панихиду по митрополиту Филарету: опять было 1 декабря. Через несколько дней, когда он от-

крыл уже лавку для покупателей, входит простой русский мужичок и, делая почин, спрашивает «Слова и речи» митрополита Филарета. «Пусть умники нынешнего века назовут все это случайностью, — заключает свой рассказ книгопродавец, — но я, темный человек, не могу не видеть в этом благословения великого митрополита и потому свято чту его память».

Незадолго до кончины митрополита был у него за благословением сын богатого московского негоцианта В. А. Мед-в. Он собирался по торговым делам в далекий путь по Средней Азии. В январе 1867 года он возвращался в Россию по Каракумской степи из Коканда. Его сопровождал один русский и проводник-киргиз, ехали на трех верблюдах. 15 января поднялся ужасный буран, мороз доходил до сорока градусов, дорогу занесло. Метель слепила глаза. Всадники и верблюды дрожали от холода. Они потеряли не только дорогу, но и направление, по которому надо было ехать, и плутали более двенадцати часов. Наконец верблюды остановились и жалобно кричали. Тоска страшная овладела людьми. Проводник

предсказывал гибель. Его слова подтверждались валявшимися по сторонам дороги костями и скелетами... Тогда М-в предложил спутникам помолиться Богу о помощи и предаться Его воле... Молясь, он вспомнил Москву, свою родину, покойных своих родителей, близкого к ним митрополита Филарета (о смерти которого он еще не знал и у которого перед выездом принял благословение). Горячо помолившись, он прислонился к верблюду и стал забываться. И тут ему представилось такое зрелище.

Шла процессия, впереди нее митрополит Филарет в полном облачении, с крестом в руках. Его под руки ведет отец М-ва и говорит митрополиту: «Благослови, владыка, сына моего, Василия». И митрополит перекрестил его, говоря: «Бог благословит тебя благополучно продолжать путь».

Видение кончилось, дремота М-ва прекратилась, и вдруг он услышал лай собаки. Ни одной собаки между тем с ними не было. Все слышали этот лай, а верблюды сами повернули в ту сторону и бодро пошли в сторону лая. Пять или более верст раздавался перед путни-

ками этот лай невидимой собаки и довел их до киргизского аула.

Подкрепившись, они спросили, где собака, которая привела их к жилью. Этот вопрос удивил киргизов: во всем ауле не было ни одной собаки...

На Смоленском кладбище в Петербурге почитает Христа ради юродивая блаженная Ксения, совершавшая свой подвиг в XVIII веке. Обширная благолепная часовня на месте ее погребения не вмещает в праздничные дни приходящего к ней народа, но и в будни почти не прекращаются постоянные панихиды по ней. Уже самое скопление народа у ее гроба показывает действенность обращения к ней. Ведь если кто-нибудь, услышав о ней, придет раз или два и не получит помощи тут, тот не вернется к ней. Между тем тут количество приходящих все увеличивается.

Блаженная Ксения, по общему верованию, оказывает особенную помощь в делах семейных, в получении мест, в определении детей в учебные заведения. Это верование основано на разных замечательных опытах ее заступления.

У матери-вдовы из высшего звания была дочь, уже взрослая. К ней посватался полковник, которому дано было согласие. Между тем сердца матери и дочери были непокойны. Они поехали на могилу блаженной Ксении и со слезами перед нею молились. В тот же день жених отправился в казначейство за казенными деньгами и здесь был арестован по указанию часового. Оказалось, что часовой этот сопровождал его, как важного преступника. Он бежал и, убив встречного офицера, завладел его деньгами и документами, присвоил себе, так сказать, его личность и чуть не сгубил молодую жизнь.

Доктор Булох, приехавший в Петербург для приискания места, три недели хлопотал безуспешно. По совету знакомых он отслужил панихиду на могиле блаженной Ксении и на другой же день назначен был в город Ржев. Такой же случай был с господином Исполатовым, который после молитвы у могилы блаженной Ксении получил предложение разом четырех мест.

Одна полковница привезла двух сыновей в Петербург определить в кадетский корпус, но

это ей не удавалось. В день отъезда она шла по мосту, горько плача. К ней подошла женщина простого по виду звания и говорит ей:

— Что ты плачешь? Пойди, отслужи панихиду на могиле блаженной Ксении, и все будет хорошо.

— Кто же это Ксения, где ее могила? — спросила вдова.

— Язык до Киева доведет, — отвечала незнакомка.

Вдова узнала, кто такая Ксения, и отслужила панихиду на ее могиле. Вернувшись с кладбища домой, она узнала, что в ее отсутствие ее требовали в корпус: дети были неожиданно приняты.

К псковской помещице приехала погостить ее родственница, жившая в Петербурге, и много рассказывала ей про блаженную Ксению. Рассказ этот настолько повлиял на помещицу, что, ложась спать, она в молитве помянула блаженную.

Она в эту ночь видела сон, что Ксения ходит вокруг ее дома и поливает его водой.

На следующее утро загорелся сарай с большим количеством сена. Дом был в опасности,

но уцелел.

В одной семье, занимавшей совершенно исключительное по высоте своей положение, был опасно болен молодой муж.

Однажды истопник, встретясь в коридоре с молодой наследницей, доложил ей, что был исцелен песком с могилы блаженной Ксении, и просил положить этого песку под подушку больного наследника. Это было исполнено. Ночью, когда молодая жена в полубезыбном сидела у постели мужа, она увидела перед собою женщину в рубище, которая сказала ей, что муж ее выздоровеет и вскоре родится у нее дочь, которую нужно назвать Ксениею, и она будет хранительницею семьи.

Люди, судящие о религии с кондачка, часто подсмеиваются над убеждением верующих, что святые имеют свои особые дары, за которыми и обращаются к ним верующие.

Между тем при вдумчивом отношении к делу тут нет ничего смешного, а все объясняется совершенно понятно для лица, знакомого с человеческой психологией. Склад человеческого характера заставляет человека интересоваться тем или другим. И чем крупнее из-

вестные люди, тем ярче выражен их интерес именно к той, а не к другой области жизни.

Эдиссон, интересующийся своими открытиями, нисколько не интересуется географией, как знаменитые исследователи неведомых стран не интересуются, положим, искусством, которым только и дышат знаменитые художники или музыканты.

Святые, по складу своего характера, принимали к своему сердцу особенно близко какой-нибудь один вид людских несчастий. Пантелеймон-целитель был при жизни врачом, почему и изображается на иконе с ящичком своих лекарств в руке, и его искусству помогала его вера. Понятно, что в новом виде своего бытия, являющегося гармоническим развитием лучших свойств души, которые были сродни этой душе во время земной его жизни, он больше всего призирал больных и исцеляет обращающихся к нему именно за этой врачебной помощью людей.

Святитель Николай, столь часто и при жизни, и по отшествии своем извлекавший людей из бед на море, сохранил то же попечение о плавающих и в небесную пору своего

бытия.

Святитель Гурий Казанский, который, неповинно заключенный под землей, находил в себе силы переписывать азбуки для детей и потом чрез доверенных продавал их для раздачи вырученных денег бедным; понятно, не утратил он и теперь своего интереса к распространению грамоты, почему к раке его родители приводят детей, которые начинают учиться.

Святитель Спиридон Тримифунтский ознаменовал жизнь свою чрезвычайным человеколюбием и чудесами на помощь страждущим. Он остановил поток на пути своем, когда шел спасти неповинно осужденного. Он во время голода превратил змия в золото, чтобы дать денег голодавшему поселянину. Поэтому к нему и обращаются люди в денежных затруднениях.

Мученики Гурий, Самон и Авив почитаются покровителями брака вследствие помощи, оказанной им одной обманутой девушке. Благочестивая вдова София из Едессы выдала дочь свою Евфимию замуж за воинаготта. Увозя ее с собою домой, готт, возложив руку

на гробницу мучеников Гурия, Самона и Ави-
ва, произнес:

— От рук ваших, святые, принимаю отро-
ковицу, и вас беру поручителями и свидете-
лями перед матерью ее, что не сделаю ника-
кого зла супруге, но буду хранить ее с любо-
вью и почитать до конца.

Между тем, привезя молодую жену к себе
домой, он сделал ее прислужницей оставав-
шейся дома жены, тогда как прежде прики-
нулся холостым. Жена эта отравила ребенка
Евфимии, а когда Евфимия отмочила в вине,
поданном госпоже, шерсть, которою она вы-
терла губы своего умершего младенца и та от
этого вина умерла, готт со своими родными
заклучил Евфимию в погребальную пещеру
покойницы.

По молитве несчастной Евфимии, ей яви-
лись мученики Гурий, Самон и Авив, чудесно
перенесли ее в свой Едесский храм.

Готт, считавший Евфимию умершею в
гробнице, был послан в Едессу для охраны го-
рода. Здесь преступление его обнаружилось,
и он был казнен.

Вот какое дивное заступление оказали му-

ченики Гурий, Самон и Авив доверившейся им женщине, и вот почему христиане верят в то, что они имеют благодать охранять христианский брак.

Ах, как бы хотелось утвердить в людях эту веру, которая так облегчает жизнь, которая так удваивает и утраивает духовные силы, дает такое терпение в скорби, такое мужество и настойчивость в преследовании добрых своих целей, дает такую непоколебимую уверенность в будущее блаженство, в высокое призвание человека; веру в то, что нет жизни только земной, что земная жизнь есть только короткий миг в общем течении безграничного существования души, что нет двух отдельных миров: земного и небесного, что души людей, отшедших от земли, не забывают земных людей, видят их, беспокоятся о них, утешают их в опасностях, спасают от искушения, стараются помочь им жить для Бога, достичь того Царствия Небесного, которого сами достигли.

Если бы только вы верили необоримо и крепко, что вокруг нас собран громадный мир святых, из которых всякий только того и

ждет, чтобы мы его призывали, чтобы мы дали ему участвовать в нашей жизни, чтобы начать свое благое на нас воздействие!..

Если бы мы только верили, что близкие люди, от нас отшедшие, продолжают жить с нами, любят нас деятельной любовью, молятся за нас Богу, прося взамен ответных молитв за них!

«Душа душе весть подает». Сегодня верующий помолился праведнику, почтил его, ничего у него не прося и не имея в данную минуту вообще ни к кому никакой просьбы. А завтра, или через месяц, или чрез год, или чрез многие годы у этого человека какая-нибудь тяжелая нужда — и святой, которого он почтил, без его даже просьбы спешит ему на помощь. Или грозит ему какая-нибудь внезапная и страшная опасность, о которой он и не подозревает, и тот же святой заслоняет его своей чудотворной силой.

Царь Алексей Михайлович чрезвычайно благоволил к Сторожевскому монастырю преподобного Саввы, верстах в пятидесяти от Москвы. Случилось читать переписку царя по делам этого монастыря, из которой видно, с

какою заботою строил царь благолепие этого монастыря, лил для него колокола и украшал его живописью, как велико было стремление царской души посетить эту дорогую для него обитель.

Объясняется эта любовь царя к обители тем, что преподобный Савва спас царя в минуту смертельной и безвыходной опасности. Тешась медвежьей охотой в окрестностях Саввина монастыря, царь, как-то случайно оставленный другими охотниками, очутился лицом к лицу со страшным медведем, который, поднявшись на задние лапы, пошел на него. Царь прощался уже в мыслях с жизнью, как вдруг на медведя вышел старый инок и отогнал его. Прибыв затем в Саввин монастырь, царь узнал по иконе являвшегося ему старца — его спас преподобный Савва.

Так же замечательно спасение преподобным Саввой своего монастыря через два почти века от разорения французами. В двенадцатом году в Саввин монастырь пришел со своим отрядом пасынок императора Наполеона, принц Евгений Богарне. Ночью явился ему старец с приказанием охранять его оби-

тель и за то обещал ему невредимое возвращение домой. Принц запретил своим солдатам что-нибудь трогать и поставил для охраны собора у дверей часовых.

Евгений Богарне принадлежал к немногим из военачальников Наполеона, благополучно вернувшихся из похода. Впоследствии сын его, принц Максимилиан Лейхтенбергский, женился на дочери императора Николая Павловича, великой княжне Марии Николаевне, посетил обитель преподобного Саввы и рассказал, со слов своего отца, об этом явлении преподобного Саввы принцу Евгению.

Основатель Кольско-Печерского монастыря на Крайнем Русском Севере, преподобный Трифон Кольский (скончался в 1583 году) был по делам своей обители в Москве. Он подал свою челобитную царю Ивану Грозному, когда тот с благочестивым царевичем Феодором шел в церковь. Царевич Феодор отличался чрезвычайной набожностью и чувствовал особое влечение к подвижникам. Его сердобольному сердцу захотелось тут же оказать какую-нибудь ласку дальнему иноку. Он выслал из притвора преподобному свою шубу,

приказал передать ему, что спешит предупредить своею милостью милость царя и просит его шубу эту употребить на ризы.

Дело в том, что шубы знатных русских были в то время крыты великолепной парчой, и даже в патриаршей ризнице до сих пор хранятся ризы, сделанные из жалованных царями шуб.

Прошло немало лет. Феодор был царем. Русское войско осаждало Нарву. Феодор ночевал в шатре. Тут ему явился благолепный старец в иноческой одежде и сказал:

— Встань, государь, и выйди из шатра, иначе будешь убит.

— Кто ты такой? — спросил царь.

— Я тот Трифон, — отвечал явившийся, — которому ты подал твою одежду, чтобы твоя милость предварила другие. Господь Бог послал меня к тебе.

Едва царь успел выйти из шатра, как ядро из города ударило в царскую кровать. Царь немедленно послал в обитель благодарность и дары преподобному Трифону. Но посланные гонцы вернулись с вестью, что преподобного уже нет на свете.

Один человек, хорошо знавший в своей юности старца Амвросия Оптинского, был отчаянно болен тифом, соединенным с сильнейшим плевритом обеих сторон. Окруженный прекрасным уходом врачей, с не отходившими от него опытными фельдшерами, он лежал все же одинокий, вдали от родных, вполне приготовившись к мысли о смерти. Были сделаны все последние распоряжения, определены подробности похорон. Больного особорова­ли и дважды приобщили; осталось только умереть.

6 декабря вечером больной, который был до того слаб, что не мог поднять руки и временами не мог прошептать нескольких необходимых слов, хотя все время голова его сохраняла полнейшую свежесть, вспомнил про отца Амвросия и про то, что на завтрашний день, святителя Амвросия Медиоланского, праздновались именины старца. В этот же день была память Николая Чудотворца.

Он велел принести себе висевший в другой комнате небольшой образок святителя Николая Чудотворца, которым старец благословил его за месяц до своей кончины при их

последнем свидании. Этот образок ему положили на пылавшую от сильного жара голову. Тогда же почувствовал он какое-то необыкновенное облегчение и весь погрузился в отрадное состояние покоя и надежды. Немедленно с него побежал обильный пот, продолжавшийся всю ночь, и с утра началось быстрое выздоровление.

Мы говорили сейчас о давних святых и давних делах. Хочется рассказать теперь о двух событиях, необыкновенных по значению, хотя они и не носят в себе характера поразительных чудес, — событий, которые совершились в течение последних лет на глазах пишущего эти строки в обыденной жизни.

Один мой знакомый читал жизнеописание известного архимандрита Антония, наместника Троице-Сергиевой лавры, друга митрополита Филарета. Там между прочим приведено было письмо одной московской барыни из богатой семьи, которая осталась молодой вдовой с двумя детьми, сильно скорбела и находила духовную поддержку в отце Антонии.

Как-то раз, описывая отцу Антонию явление ей во сне старца Серафима (это было за несколько десятилетий до церковного прославления преподобного Серафима), она пишет, что отец Серафим, подойдя к ней, схлебнул ее слезы. Это выражение потрясло до глубины душу читавшего человека, потому что трудно двумя словами лучше выразить всю безграничную заботу старца Серафима об усердствующих к нему людях, всю силу отклика его, принимающего в свою душу все горе, весь душевный груз человека... Отложив в сторону книгу, он глубоко задумался над этими взволновавшими его словами.

Тут же, чрез какие-нибудь несколько секунд, раздался звонок телефона. Знакомый сказал ему, что есть один господин, которого он когда-то встречал в одном доме, который очень хочет свидеться с ним и, будучи нездоровым, просит его заехать к нему. Недели через две это свидание устроилось.

Они заговорили о двух дорогих для них людях: митрополите Филарете и старце Серафиме. И, будучи еще под влиянием вычитанных им слов, тот господин сказал хозяину:

— Я недавно прочел в жизнеописании архимандрита Антония лучшие, кажется, слова, какие мне доводилось слышать об отце Серафиме, именно, что он у одной скорбной вдовы «схлебнул слезы».

— Эта вдова была моя мать, — сказал хозяин, — это ее письмо к архимандриту Антонию вы читали.

Как же было не поверить, что сам старец устроил это знакомство, сблизил между собою двух родных по духу людей на их взаимную пользу!

...А вот что случилось совсем недавно с одним моим знакомым, точно так же почитающим память митрополита Филарета. Этот знакомый получил недавно землю на крайнем русском Юге, в Закавказье, и предполагал засадить ее высокоценными и доходными лимонными деревьями. Не имея знакомств в той местности, совершенно неопытный в этом вопросе, он недоумевал, как приступить к делу.

Утром он читал жизнеописание митрополита Филарета и, между прочим, о том, как митрополит после своей смерти избавил от

гибели московского негоцианта, ехавшего в Сибирь по степи и застигнутого жестоким бураном. В этом описании было упомянуто имя города Коканда, откуда возвращался спасенный.

Вечером того дня этот господин отправился на только что открытую в Петербурге выставку «Русская Ривьера», которою он имел теперь особое основание интересоваться как относящейся до того края, где он думал хозяйничать.

У одной из витрин он разговорился с южной землевладелицей и упомянул о тех местах, где у него была земля.

— Ах, — сказала она, — вам надо познакомиться с очень энергичной барыней, которая имеет там громадные питомники растений. Она вам может дать хорошие советы.

Знакомство произошло тут же. И во время разговора он узнал, что эта чрезвычайно деятельная и толковая особа, только за несколько лет до того приступившая к хозяйству, достигла уже громадных результатов и что муж ее служит в Коканде. Она предложила ему всячески помогать и под ее руководством от-

борными деревьями своего питомника засадить его землю.

Можно отрицать необычайность такого совпадения. Но для этого человека, видевшего на себе уже раньше опыты помощи и заступления митрополита Филарета, было несомненно, что в течение одного дня дважды слышать имя города, которое он не слыхал ни разу в продолжение многих лет, и найти крайне важную помощь, значило в этом совпадении ощутить опять участие в себе великого и благого чудотворного помощника. И этот помощник шептал ему: «Я помню о твоём деле и помогу».

Подумайте теперь, какая чудная связь, какие необыкновенные совпадения: книга о Филарете — и проекты южного хозяйства, Петербург — и в четырех тысячах верст от него залитое солнцем побережье, граничащее с Турцией, — и все связано вместе помогающим с высокого неба, всезрящим чудотворцем.

Мы говорили до сих пор о помощи, которую оказывают канонизованные святые или великие, хотя бы еще к лику святых не причисленные, праведники. Но еще более утешитель-

тельным, быть может, доказательством общности и неразрывности двух миров является та помощь, которую оказывают своим близким люди веровавшие, но не достигшие той особой высоты, с которой начинается святость.

Один молодой человек отправился после долговременной опасной болезни в южный климат, когда получил депешу о безнадежном положении своего отца. Отцу было семьдесят лет, но он был полон сил, мог совершать, не присевши, прогулки верст по пятнадцати. Все, по-видимому, обещало ему долгую жизнь.

Сын застал отца уже без памяти и через сутки, ободрованный и приобщенный при нем, отец умер. Эта смерть повергла сына в какое-то тупое отчаяние. Одно обстоятельство особенно усугубляло его скорбь. Накануне отъезда сына отец, по-видимому, желал провести с ним вечер. Сын был приглашен в один дом, где он любил бывать, и принял это приглашение. При уходе его отец с некоторой укоризной сказал ему:

— Опять ты там засидишься, и мы с тобой

не увидимся.

— Нет, нет, — отвечал он, — я вернусь рано.

Но, действительно, он там засиделся, и, когда вернулся, отец его уже лежал в постели. Поезд уходил ранним утром, так что больше они в этой жизни не могли поговорить.

Эта мысль и раскаяние за то, что он не провел с отцом последних часов, которые мог ему посвятить, его сильно расстраивали. Не оправившись еще от болезни, от которой он искал полного исцеления на юге, он чувствовал себя отвратительно. В нем была какая-то болезненная апатия. Ему казалось, что он не может кончить ни одного дела, за которое он возьмется: написать краткую, необходимую записку, куда-нибудь сходить.

Между тем дела после отца остались в довольно большом расстройстве и требовали напряженной деятельности. И вот сын дней чрез двадцать по кончине отца видит его во сне: будто бы они сидят где-то вместе. Отец расслабленный прислонился к дивану и просит, чтобы сын перевел его на кресло. Сын поддерживает отца, который наваливается на

него всю тяжестью своего тела, и сын чувствует, что какие-то новые силы вливаются в него от этого крепкого соприкосновения. Он вскоре проснулся и с утра чувствовал себя совершенно здоровым. Обычная его энергия вернулась с удвоенной силой.

Разве это не было чудесным явлением отца сыну с исцелением его и вместе знаком прощения за невольную вину сына пред отцом, которая его так смущала?

В недрах русских семей, достигших известной высокой духовности, хранится немало рассказов о таких же случаях.

Один мой знакомый видит пред смертью членов семьи кого-нибудь из близких, ранее умерших людей, которые ходят по дому и что-то ищут.

Первый случай такого рода был с ним тогда, когда заболела его двоюродная тетка, престарелая, но очень еще здоровая женщина. Болезнь казалась незначительною. Больная была в Москве, а семья жила в деревне. Тут племянник увидал в первый раз в жизни во сне давно умершего дядю, брата больной, с которым он был очень хорош. Он сказал сво-

ей сестре:

— Вот увидишь, тетя Паша умрет. Я видел дядю Феодора Николаевича, который ходил по дому и кого-то искал.

Старушка, начинавшая поправляться, совершенно неожиданно скончалась в тот самый день, как исполнилось пятьдесят лет ее свадьбы с умершим десять лет назад мужем.

Этот же человек находился в одном курорте, когда увидел старую слугу из крепостных, шестьдесят лет служившую в доме и умершую лет за семь до того. Эта слуга опять ходила по дому и кого-то искала. Так как в это время была сильно больна воспитавшая их тетка, то он и стал ожидать плохих известий и рассказал об этом сне бывшим в том же курорте родным.

Чрез два дня, во время веселого завтрака на террасе, залитой южным солнцем, ему принесли телеграмму. Он весь задрожал и воскликнул:

— С тетей Верой что-нибудь дурное!

Но телеграмма гласила о том, что занемог его отец, который чрез три дня и скончался.

В третий раз он видел своего отца, кото-

рый тоже искал кого-то по дому, и тогда умер еще один родственник.

Охраняя нас, давая нам некоторые таинственные извещения, отошедшие от нас люди не могут сделать одного. Они не могут нам описать того блаженного состояния, в котором они находятся. Нашим ограниченным мирским умом не можем воспринять всего того, что они переживают.

Довелось слышать рассказ о том, что один умерший муж являлся во сне своей жене, и когда он стал ей рассказывать о том существовании, которое ему там открылось, она не могла уловить содержания его слов. Слова его в отдельности были ей понятны, но общего смысла она постичь не могла.

Вопрос о духовных предчувствиях и предвидениях — вопрос чрезвычайной важности. Некоторые люди обладают способностью чувствовать во время свадьбы судьбу брачующихся лиц; другие, во время похорон — духовную судьбу усопших.

Помимо скорби, переживаемой у гроба праведного умершего человека, его близкие, духовно развитые люди переживают у этого

гроба какую-то тихую радость, ответ той радости, святой и нетленной, в какую погружается по отшествии от земли душа праведно жившего человека.

Не показывает ли это, что душа отшедшего бросает такой ответ на окружающую его группу людей, что чуткие из них ощущают ясно на себе ее благое воздействие.

Сколько тайн, сколько необъяснимых явлений, которые мы разгадаем только в счастливом будущем, в стране великих откровений!.. А как, например, понять, как объяснить тот совершенно выходящий из ряда случай, поразительный даже для таких людей, которые уже привыкли к прозорливости праведников, случай, происшедший со старцем Амвросием Оптинским в последние годы его жизни?

Приходит к нему одна вдова купеческого сословия, рассказывает, что она все видит во сне своего мужа, о чем-то тревожащимся. Эти сновидения ей не дают покоя, так как она уверена, что муж просит ее помочь в чем-то важном для его души.

Старец, выслушав рассказ, опустил глаза в

землю, сосредоточившись. После некоторого молчания он определенно сказал:

— Твой муж был должен некоему Петру, отыщи этого Петра и заплати ему долг.

На том вдова и уехала из Оптиной. Тут же стала искать она в мыслях того человека, которому муж ее был должен и который носил бы имя Петр. Как раз это имя принадлежало одному из близких друзей покойного, и она обратилась к нему по возвращении ее домой. Что же оказалось: ее муж действительно незадолго до смерти без всякого документа взял у него для своего предприятия займа довольно значительную сумму денег и об этом ничего не отметил в своих записях.

Благородный друг его из деликатности об этом долге не упоминал после его смерти и считал эти деньги пропавшими. Вдова имела полную возможность возвратить ему занятую сумму, и с тех пор муж перестал ей являться. Он успокоился.

Как объяснить? Как понять?

В большинстве случаев даже у верующих людей нет правильного отношения к святым и особенно — правильного отношения к сво-

им покровителям, к тем святым, имя которых они носят. Если человек принимает на себя обязанность быть восприемником от купели и если этот человек верующий, добросовестный, то он смотрит свято на свои обязанности: следит за религиозным развитием своего крестного сына или крестной дочери, всячески помогает и покровительствует ему при жизни.

Неужели же святые в своих отношениях к людям могут быть менее добросовестны, чем обыкновенные земные люди? Конечно, всякий праведник, чье имя нарекается младенцу при крещении, считает его своим и готов о нем всячески заботиться. Но сами-то люди ничего не делают для того, чтобы привлечь к себе эту заботу. Редко-редко даже в верующих семьях дети имеют иконы своих святых, и если призывают каких-нибудь святых на помощь, то постоянно обходят забвением своих ближайших покровителей...

Об авторе

Евгений Николаевич Погожев (21.04.1870 — 13.02.1931), известный также под псевдонимом Е. Поселянин, был одним из самых читаемых православных беллетристов на рубеже XIX–XX веков.

В творчестве он был довольно плодовит. Издал полтора десятка книг. Написал множество статей и очерков.

Неизгладимое впечатление оставила на 18-летнего Евгения встреча и короткая беседа с Амвросием Оптинским (в конце XX века причисленным к лику святых). Именно старец подтолкнул юношу к тому делу, которому он посвятит свою жизнь. «...Пишите в защиту веры, Церкви и народности», — сказал старец отроку, посетившему его и после окончания университета.

Почти все сочинения Погожева-Поселянина посвящены подвигу русских святых. Свою литературную деятельность он совмещал с гражданской службой — от канцелярии крестьянского департамента Сената до Канцелярии Российской Императорской Академии на-

ук в чине статского советника и чиновника особых поручений в Главном управлении землеустройства и земледелия.

После Октябрьского переворота в 1918 году Погожев-Поселянин подвизался в Отделе охраны и учета памятников искусства и старины, в 1922 лишился работы. В 1924 и 1930 годах был арестован и обвинялся в «контрреволюционном заговоре». Два года провел в ссылке в Приангарье. Был выслан из Петрограда — вернулся в Ленинград.

В феврале 1931 года к Евгению Николаевичу Погожеву «применена высшая мера социальной защиты — расстрел» по решению тройки ОГПУ.

В 1981 году архиерейским Собором РПЦЗ Евгений Поселянин (†1931 г.) причислен к лику святых сонма новомучеников российских.